

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 10 (ноябрь 2010)

ИЗДАНИЕ

Тамбовского отделения Союза писателей России,
Тамбовского отделения Литературного фонда России

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
управления культуры и архивного дела области*

Главный редактор

Николай НАСЕДКИН

Редакционный совет

Валентина ДОРОЖКИНА

Людмила КОТОВА

Евстахий НАЧАС

Лидия ПЕРЦЕВА

Тамбовский альманах. № 10. Тамбов: Изд-во Тамбовского
Т 17 отделения ООП «Литфонд России», 2010. 256 с.

ББК 84Р

ISBN 5-7117-0381-1

Содержание

К читателям.....	3
------------------	---

50 ЛЕТ

Тамбовской писательской организации – 50.....	4
---	---

ПРОЗА

Александр СТРЫГИН. <i>Рассказы</i>	12
Александр АКУЛИНИН. <i>Рассказы</i>	24
Виктор ГЕРАСИН. <i>Гонимы вешними лучами. Рассказ</i>	38
Николай НАСЕДКИН. ЧЕХОВСКИЕ МОТИВЫ	
<i>Судьба писателя. Новелла</i>	46
<i>Сто двадцать лет спустя. Скучная история</i>	57

ПОЭЗИЯ

Евстахий НАЧАС. <i>Стихи</i>	127
Александр МАКАРОВ. <i>Стихи</i>	136
Иван АКУЛОВ. <i>Двенадцать месяцев. Поэма</i> (Фрагмент).....	147
Марина ГУСЕВА. <i>Стихи для детей</i>	159

65-летие ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Иван КУЧИН. <i>Что я видел, о том и пою. Стихи</i>	168
Иван ЕЛЕГЕЧЕВ. <i>Штрафбат. Трагедия</i> . (Фрагмент).	180

ЮНОСТЬ

Валентина ДОРОЖКИНА. <i>Четверть века с одарёнными детьми</i>	204
Мария ЗНОБИЩЕВА. <i>Стихи</i>	212
Татьяна МАЛИКОВА. <i>Стихи</i>	220
Елена ЛУКАНКИНА. <i>Рассказы</i>	227

ВЗГЛЯД

Лариса ПОЛЯКОВА. <i>Роскошь форм и образов.</i> <i>Перечитывая “Тамбовскую казначейшу” М. Ю. Лермонтова</i>	236
Людмила КОТОВА. <i>Теплица. Очерк</i>	245

ЛИТЖИЗНЬ

Будни и праздники.....	253
Новые книги.....	255

К читателям

Этот номер «Тамбовского альманаха» целиком посвящён 50-летию Тамбовского отделения Союза писателей России. То есть, в отличие от предыдущих выпусков, здесь опубликованы произведения только профессиональных писателей и только членов Тамбовского отделения СПР. Даже в традиционном разделе для начинающих авторов «Юность» – на этот раз, помимо рассказа о детском творческом объединении «Тропинка» (которое тоже отмечает свой юбилей – 25-летие), опубликованы произведения только членов писательской организации, правда, самых-самых на сегодняшний день молодых.

Представлено в номере творчество и пятерых руководителей писательской организации разных лет (всего их за полвека было шестеро, но Майе Александровне Румянцевой, возглавлявшей ПО в 1968–1980 годах, мы посвятили целый раздел «Юбилеи» совсем недавно – в 7-м выпуске «Тамбовского альманаха»).

И, конечно, имена и произведения тех из 32-х стоящих сегодня на учёте в Тамбовском отделении СПР писателей, которых нет среди авторов данного номера (увы, 256 страниц – предельный объём издания!), читатели найдут в предыдущих выпусках альманаха.

Стоит напомнить, что с творчеством тамбовских поэтов и прозаиков, членов Союза писателей России, можно познакомиться и в таких изданиях, как «Тамбовский писатель-2009», «Тамбовский рассказ», книгах серии «Поэтический Тамбов» и пр., которые вышли в последнее время в издательстве Тамбовского отделения Литфонда России.

А также полное представление о Тамбовском отделении Союза писателей России и его членах можно получить на сайте организации в Интернете по адресу – www.niknas.by.ru/1tambovsp.

Тамбовской писательской организации – 50

В 1918 году в Тамбове был создан Пролеткульт, начавший свою деятельность с издания журнала «Грядущая культура» и организации нескольких студий, в том числе и литературной.

В 1920-е годы была создана Тамбовская ассоциация пролетарских писателей, в которую входили 10-12 поэтов и прозаиков.

9 декабря 1932 года в газете «Тамбовская правда» была опубликована заметка «Оживить работу писательской организации». В ней говорилось, что 5 декабря 1932 года состоялось общее собрание членов Тамбовского отделения Союза советских писателей, на котором был заслушан доклад оргкомитета “О перестройке литературных организаций на основе Постановлений ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года”. Также был принят план работы, предусматривающий широкое развертывание деятельности Тамбовской писательской организации. С чтением своих произведений на собрании выступали Труфанов и Соловых. В плане намечалось проведение ежемесячных собраний, вечеров, встреч с читателями.

В 1947 году при редакции газеты «Тамбовская правда» было создано областное литературное объединение, просуществовавшее 13 лет. За это время были изданы книги рассказов и повестей А. Стрыгина, Ф. Белохвостова, Б. Черемисина, Н. Кузьмина, сборники стихов С. Голованова, И. Кучина, Г. Приземлина, П. Дорошина. Пьесы драматургов Д. Девятова и Н. Архангельского ставились в Тамбовском областном драматическом театре имени А. В. Луначарского. Бюро литературного объединения дважды направляло ходатайство в правление Союза писателей РСФСР об открытии в Тамбове отделения писательского Союза.

11 ноября 1960 года секретариат правления Союза писателей РСФСР принял постановление «О создании отделения Союза писателей РСФСР в г. Тамбове». Первым ответственным секретарём был избран **А. Стрыгин**.

С 26 мая 1967 года, на основании нового Устава Союза писате-

лей СССР, областное отделение стало именоваться Тамбовской областной писательской организацией. Первыми членами Союза писателей РСФСР в Тамбове стали критик и переводчик **Э. Беккер**, поэты **С. Голованов**, **И. Кучин**, прозаики **В. Комов** и **А. Стрыгин**. Год от года писательская организация росла и крепла. В неё вливались всё новые профессиональные интересные поэты и прозаики.

При **М. Румянцевой**, сменившей **А. Стрыгина** на посту ответственного секретаря осенью 1968 года и возглавлявшей организацию до своей кончины в 1980 году, – было много поэтов и прозаиков, уже имевших собственные книги, но не являвшихся членами Союза писателей. При редакциях молодёжной газеты «Комсомольское знамя», многотиражной газеты педагогического института «Народный учитель» действовали литературные группы, которыми руководили **Г. Ремизов** и **Л. Яковлев**. Необходимо отметить, что в молодёжной газете было несколько руководителей литгруппы, они менялись, но наиболее плодотворной была её работа при Георгии Ремизове. Он собрал вокруг себя талантливую молодёжь, и литературные среды проходили бурно и с большой пользой для начинающих авторов. Помимо уже имевших публикации в газетах и журналах, а то и отдельные книги, **Н. Ульева**, **В. Шуткова**, **Г. Якушенко**, **Е. Харланова**, в литгруппе занимались **А. Корабельщиков**, **Е. Начас**, **В. Дорожкина**, **Арк. Макаров**, **Е. Писарев**, **С. Бирюков**, **М. Кудимова**. Вместе с членами Союза писателей они выступали в различных аудиториях на встречах с читателями, принимали участие в праздниках литературы. Старшие собратья по перу опекали молодых, помогали им публиковаться. Первые коллективные сборники «Начало» и «Тропа» достаточно широко представили начинающих поэтов. Очень много сделала для молодых Майя Румянцева.

После кончины в 1980 году Майи Румянцевой ответственным секретарём был избран поэт-фронтовик **И. Кучин**. Опыт руководителя у него уже был: за длительное время болезни Майи Александровны он исполнял обязанности ответсекретаря. Изменения, происходящие в обществе, сказались на работе писательской организации. Хотя рос литактив, но никто из его многочисленного состава членом Союза писателей не становился. А ведь у многих уже было по две-три, а то и по четыре изданных книги. За период с 1980

по 1988 год в Союз писателей были приняты критик и литературовед **Л. Полякова**, прозаики **Г. Татарикова** и **В. Герасин**. По положению, каждый ответственный секретарь писательской организации входил в состав редколлегии регионального журнала «Подъём». Довольно часто в те годы появлялись в нём произведения И. Кучина, **А. Акулинина**, **В. Кравченко**, **Б. Панова**, **Ал. Макарова**. Периодически (раз в два-три года) в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве выходили книги стихов и прозы тамбовских авторов.

В 1960-70-е годы в писательской организации активно работало Бюро пропаганды. Его руководителями были в разное время В. Кравченко и **А. Шилин**. Чуть ли не ежедневно организовывались поездки членов СП и литактива в районы области.

1980-е годы отмечены в истории писательской организации появлением литературного объединения «Радуга», которым до последних дней своей жизни руководил **С. Милосердов**. Из «Радуги» вышли на профессиональный путь поэты **Л. Перцева**, **Т. Курбатова**, **Е. Яковлев** и многие другие. После смерти С. Милосердова «Радугой» руководили В. Кравченко, **Г. Попов**, Е. Начас. Сейчас этим литобъединением руководит поэтесса Т. Курбатова.

В 1988 году вместо Ивана Кучина новым руководителем писательской организации был избран сравнительно молодой (по писательским меркам) 49-летний поэт и прозаик В. Герасин. В октябре 1993 года он ушёл с руководящего поста по собственному желанию. При В. Герасине членами Союза писателей стали Г. Попов, Арк. Макаров, **В. Кудрин**. В связи с перестройкой появилась возможность издавать книги за собственные средства или за счёт спонсоров. Замелькали названия новых газет и издательств. Наиболее заметным из них было частное издательство «Новая жизнь», у истоков которого стояли А. Акулинин, В. Герасин, В. Кравченко и Г. Попов. Кроме хозяев издательства в нём удалось выпустить сборник стихов для детей **Л. Астаховой**, ещё нескольким авторам. Издательство «Новая жизнь» выпускало совместно с областным отделением Детского фонда газету «Малышок», редактировал которую Г. Попов, рано ушедший из жизни талантливый поэт и прозаик.

С октября 1993 года по октябрь 2003 года писательскую организацию возглавлял писатель и издатель А. Акулинин. За эти годы

численность организации выросла более чем вдвое и достигла численности в 35 человек. «Книжная лавка писателя» (издательство А. Акулинина) активно выпускало книги местных авторов, регулярно выходило периодическое издание «Рассказ-газета», ежегодно начали проходить в начале осени Богдановские чтения в честь поэта **В. Богданова**.

Преемником А. Акулинина на посту председателя правления Тамбовского регионального отделения Союза писателей России в октябре 2003 года стал 50-летний прозаик и литературовед **Н. Наседкин**. В новое правление вошли прозаик **В. Аршанский**, поэты В. Дорожкина, Е. Начас, **Л. Котова**, Л. Перцева и **Е. Боев**, которого сменила в 2007 году представительница совсем молодого поколения писательской организации **Е. Луканкина**.

Самое глобальное и перспективное, что удалось сделать писательской организации за последние годы – восстановить Тамбовское отделение Литфонда России, создать своё книжное издательство, начать выпуск периодического издания «Тамбовский альманах». В год издательство Литфонда выпускает 12-15 книг. Уникальными можно назвать такие издания, как: «Тамбовский писатель-2004» и «Тамбовский писатель-2009» (сборники поэзии и прозы всех членов Тамбовской писательской организации соответствующих периодов), «Тамбовский рассказ» (сборник-антология короткой прозы за почти полувековой период существования Тамбовской писательской организации), «Дети Солнца» (сборник поэзии молодых тамбовских поэтов, участников всероссийских слётов «Дети Солнца» в Москве), книги серии «Поэтический Тамбов» (уже вышло 6 выпусков)...

Ещё одно важное достижение нового правления – учреждение при финансовой поддержке администрации области творческих грантов (стипендий) для писателей. Практически каждый из 35 членов Союза писателей России получал ежемесячно стипендию в размере 5 минимальных размеров оплаты труда (6000 рублей в год). С 2008 года областная Дума своим постановлением увеличила количество стипендий до 50 и их денежное наполнение до 20000-50000 рублей в год, но право их получать на конкурсной основе получили члены всех творческих союзов области – художники, артисты, композиторы, члены альтернативного Союза российских писателей. К

сожалению, уже в 2009 году областная Дума внесла новые изменения в постановление о творческих стипендиях, в результате чего количество грантов значительно сократилось и участвовать в конкурсе получили возможность ещё более широкий круг претендентов, вплоть до чиновников... Вот так хорошее начинание писателей за какую-то пятилетку сошло на нет.

Но продолжим о хорошем. Одним из главных дел писательской организации было и остаётся, бесспорно, – живое общение с читателями. Каждый год проходит более 100 презентаций новых книг, литературных вечеров, авторских встреч с читателями.

Постоянно выходят новые книги членов Тамбовской писательской организации. Причём, не только за свой счёт или при поддержке спонсоров – каждому писателю-юбиляру (а юбилеев на каждый год выпадает 4-5) писательская организация при финансовой поддержке областного управления культуры и архивного дела выпускает томик избранного. Дважды в год объёмом в 256 страниц выходит «Тамбовский альманах».

Помимо новых книг, стихи и проза тамбовских писателей регулярно появляются на страницах местных газет «Тамбовская жизнь», «Наедине», «Тамбовский курьер» и др. Также издаются и публикуются тамбовские писатели не только у себя «дома». За последние годы новые книги Н. Наседкина, **М. Гришина**, Е. Луканкиной вышли в московских издательствах; произведения **М. Струковой**, **М. Знобищевой**, Е. Луканкиной, Н. Наседкина, Арк. Макарова, Ал. Макарова, В. Аршанского, В. Дорожкиной, **В. Селивёрстова**, **И. Акулова**, **М. Гусевой**, **А. Остроухова** и других появились на страницах столичных журналов «Наш современник», «Российский колокол», «Литературные незнакомцы», «Поэзия», региональных журналов «Урал» (Екатеринбург), «Подъём» (Воронеж), «Волга: XXI век» (Саратов).

При писательской организации продолжают успешно работать литературно-творческие объединения «Тропинка» (руководитель В. Дорожкина), «Радуга» (руководитель Т. Курбатова), «Откровение» (руководитель Л. Котова), «Рифма» (руководитель **В. Сашин**), а при Центральной городской библиотеке имени Н. К. Крупской действует литературный клуб «Свеча», которым руководит Е. Начас.

Писательская организация проводит немало вечеров, связанных

с юбилейными датами умерших и ныне живущих литераторов, принимает участие в конференциях и литературных праздниках, посвященных жизни и творчеству писателей, связанных с тамбовским краем: А. Пушкина, Е. Баратынского, Е. Замятина, С. Сергеева-Ценского.

Сегодня активно продолжают работать в литературе писатели старшего поколения, ветераны в полном смысле слова: **И. Елегичев, Л. Асеева, А. Косневич, З. Королёва**. Всё более активно заявляют о себе писатели среднего поколения поэт **В. Хворов** и прозаик **А. Зотов**. В последнее время Тамбовская писательская организация заметно молодеет – подросла целая плеяда юных, талантливых и уже приобретающих известность поэтов. В Союз писателей России уже приняты Е. Луканкина и **Т. Маликова** (в 25 лет), **А. Багреев** (в 27), М. Знобищева (в 19). Имя последней вообще достойно Книги рекордов Гиннеса, ибо моложе её в СП России на тот момент просто не было, о чём писала «Литературная газета». Уже имеют свои изданные книги да не по одной и готовятся к вступлению в Союз писателей **Е. Захарова, А. Николаева, Р. Кузьмин, О. Кулькова** и другие подрастающие таланты из литературного актива.

Немало прозаиков и поэтов Тамбовской писательской организации носят высокое звание «Заслуженный работник культуры РФ» – В. Аршанский, В. Дорожкина, Е. Начас; награждены орденами и медалями за свою творческую деятельность – В. Дорожкина, Н. Наседкин, Е. Начас; являются лауреатами всероссийских и областных литературных премий – В. Аршанский, В. Дорожкина, В. Кравченко, М. Знобищева, Ал. Макаров, **В. Марков**, Н. Наседкин, Е. Начас, Л. Полякова, **Ю. Расстегаев**.

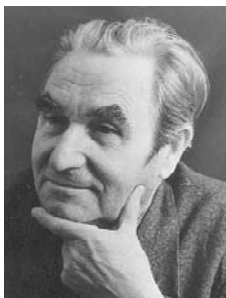
Сейчас, когда Тамбовскому отделению Союза писателей России исполнилось 50 лет, можно с уверенностью сказать: это – пора расцвета как для любого писателя, так и для организации в целом.

Сегодняшний состав Тамбовского отделения СПР:

1. Акулов Иван Иванович
2. Аршанский Валерий Семёнович (*член правления*)
3. Асеева Любовь Прокопьевна
4. Багреев Алексей Александрович
5. Боев Евгений Егорович
6. Герасин Виктор Иванович
7. Гришин Михаил Анатольевич
8. Гусева Марина Владимировна
9. Дорожкина Валентина Тихоновна (*зам. предс. правления*)
10. Елегечев Иван Захарович
11. Знобищева Мария Игоревна
12. Зотов Александр Александрович
13. Королёва Зинаида Алексеевна
14. Косневич Анатолий Яковлевич
15. Котова Людмила Ивановна (*член правления*)
16. Кравченко Василий Васильевич
17. Кудрин Валерий Анатольевич
18. Курбатова Татьяна Львовна
19. Луканкина Елена Львовна (*член правления*)
20. Макаров Александр Михайлович
21. Маликова Татьяна Олеговна
22. Марков Валерий Александрович
23. Наседкин Николай Николаевич (*председатель правления*)
24. Начас Евстахий Ярославович (*член правления*)
25. Остроухов Анатолий Александрович
26. Перцева Лидия Александровна (*член правления*)
27. Полякова Лариса Васильевна
28. Расстегаев Юрий Николаевич
29. Сашин Владимир Алексеевич
30. Селивёрстов Владимир Иванович
31. Струкова Марина Васильевна
32. Хворов Валерий Михайлович

Они были в составе организации:

- Акулинин Александр Михайлович
- Алёшин Олег Валентинович
- Архангельский Николай Васильевич
- Баранов Валентин Петрович
- Беккер Эмиль Маркович
- Герасимов Пётр Сергеевич
- Голованов Сергей Иванович
- Дорошин Павел Алексеевич
- Комов Владимир Ефимович
- Кузьминов Николай Васильевич
- Куприн Анатолий Андреевич
- Кучин Иван Сергеевич
- Лавленцев Игорь Вячеславович
- Макаров Аркадий Васильевич
- Милосердов Семён Семёнович
- Панов Борис Константинович
- Попов Геннадий Александрович
- Приземлин Герасим Павлович
- Румянцева Майя Александровна
- Стрыгин Александр Васильевич
- Татарикова Галина Ивановна
- Чернышёв Владимир Алексеевич
- Шилин Алексей Емельянович
- Яковлев Евгений Анатольевич

Александр СТРЫГИН

РАССКАЗЫ

В лесу

1

За окнами – куда ни глянь – сосны и снег, снег и сосны.

Только широкая дорога, заманчиво убегающая в сторону города, оживляет зимний пейзаж леса: по ней без конца движутся машины, сани, люди.

Каждый раз при взгляде на эту дорогу Милин взволнованно и долго ходит по кабинету мелкими нервными шажками.

Кончается второй год вынужденного сидения в кресле директора лесхоза, а начальство ещё ни одним словом не обмолвилось о возможности возвращения на прежнюю работу, в город. Константин Милин чувствует в себе силы для больших дел, но люди не понимают этого. Даже теперь, когда он в течение двух лет несёт службу в этой лесной глуши, даже теперь никто не замечает и не ценит его честности, его терпения.

Александр Васильевич Стрыгин (1920–1999) – первый руководитель Тамбовской писательской организации, с 1960 по 1968 год.

Родился в Беломестной Криуше под Тамбовом. Учился в артиллерийском училище. Участник Великой Отечественной войны.

Окончил Литературный институт им. Горького. Автор многих книг, в том числе романа «Расплата», который принёс ему всесоюзную известность.

С 1972 года и до конца жизни жил в Краснодаре, где продолжал выпускать новые книги, редактировал альманах «Кубань».

Рассказы «В лесу» и «За дальними просеками» взяты из сборника «Тайна» (Краснодар, 1995), но события в них происходят на родной автору Тамбовщине.

Жена до сих пор молча ждала, а теперь стала изводить многозначительными вздохами. Чтобы меньше видеться с женой, Милин всё чаще и чаще уходит на охоту.

Вот теперь подходит праздник. Сослуживцы готовятся к встрече Нового года, а Милин сторонится их веселья – он чувствует себя обиженным, одиноким. «Как та ёлка», – грустно прошептал он, вспомнив случайно выросшую в сосновом лесу ель, которую увидел во время охоты в 215-м квартале.

«Чей это обход? – Милин старался проверить свою память. – Ах, да! Медведева Ивана Петровича, добродушного многосемейного толстяка...»

Представив себе умное, спокойное, улыбающееся лицо Медведева, он вдруг остановился у окна от неожиданного вопроса: какими интересами жил и живёт Медведев, проработавший лесником тридцать лет?

Скользнув взглядом по укатанной снежной дороге, он глубоко вздохнул и вернулся к столу.

2

Телефонный звонок заставил Милина оторваться от бумаг. Он медленно и нехотя снял трубку:

– Директор лесхоза.

– Товарищ директор! – заговорил в трубке женский голос. – Скажите, пожалуйста, нельзя ли у вас приобрести ёлку? С вами говорит руководитель городского Дворца пионеров.

– Можно, но разве в городе не продают ёлок?

– Я говорю о настоящей, а сосновую везде можно найти.

– Ах, вон вы какую захотели! – насмешливо ответил Милин. – У нас только сосны.

– Так ни одной и нет? – настойчиво просил голос в трубке.

– Если и есть где-нибудь случайная... так что же? – Тут он замялся и сердито кашлянул. – Может, прикажете весь лес обыскать ради неё? У нас людей не хватит, чтоб это сделать! – И повесил трубку.

Склонившись над столом, он опять принялся за бумаги, но вдруг быстро поднял голову, улыбнулся: «А что если ту ёлочку... отвезти

начальнику? У него двое ребят... Во всем городе нет настоящей ёлки, а у них будет! Кто знает, может, этой ёлочке суждено растопить его равнодушие ко мне!»

Он вскочил с кресла и бросился к карте леса. Отыскав 215-й квартал, стал припоминать рельеф той местности, где увидел молодую ель, потом подошёл к телефону и вызвал Медведева.

– Это кто? Иван Петрович? Здравствуй! У тебя в двести пятнадцатом квартале, в осиновой лощине, ёлочка молодая растёт. Знаешь о ней?

– Кому уж и знать, как не мне, чай, сам... – зазвучал в трубке спокойный бас Медведева, но Милин перебил его.

– Так вот, я тебя прошу: сруби её и привези завтра сюда, в лесхоз. Хочу начальству новогодний подарок сделать. От всего коллектива!

– Что? Срубить?! – удивлённо крикнул голос в трубке. – Нет, этого я не сделаю, Константин Михайлович! Не для того я её берёг, чтоб в безделушку превратить на один вечер.

– Брось, Иван Петрович, шутить! Небось своим галчатам приглядел? Но ты пойми, что тут дело общественное: подарок от коллектива!

– Я-то вас понимаю, Константин Михайлович, только вот вы нас плохо понимаете... – со спокойной укоризной ответил Медведев.

– Этого ещё не хватало! – рассердился Милин. – Вы, кажется, собираетесь меня учить? Я знаю, что делаю. Пока мне доверено руководство – учить буду я! И обойдусь без вас!

Бросив трубку на рычаг аппарата, Милин вышел из кабинета, чтобы послать за ёлкой кого-либо из работников лесхоза.

3

Иван Петрович Медведев возвращался с обхода узкой просекой, в конце которой стоял его кордон.

Впереди лесника бежала большая гончая собака Трубач. Она то и дело останавливалась, поджидая хозяина, а потом снова бежала, обнюхивала снег, готовая каждую минуту предупредить хозяина об опасности громким, отрывистым лаем.

Иван Петрович шёл медленным, ровным шагом, изредка погля-

дывая на стволы сосен, к некоторым подходил, тщательно осматривал места ранений для стока смолы, что-то бормоча в густые заиндевелые усы. Собака тоже подходила к соснам, садилась на снег и терпеливо ждала хозяина.

У самого кордона Трубач вдруг с громким лаем бросился в сторону от просеки и побежал по следам. По зову лесника Трубач вернулся назад, но продолжал ожесточённо лаять.

Из кордона торопливо вышла жена Медведева.

– Ваня! Яшка с Фёдором пошли ёлку рубить, – встревожено сообщила она. – Директор, говорят, приказал. Заходили, чтоб в известность поставить.

– Давно ушли? – спросил Иван Петрович, нетерпеливо переступив с ноги на ногу.

– Нет, не очень... минут пятнадцать.

Иван Петрович сорвался с места и побежал в сторону осинової лощины. Трубач в несколько прыжков опередил лесника.

Чтобы сократить путь, Медведев побежал напрямик, по болотам и кустарникам, увязая по колёно в снегу...

Тяжело дыша, выбежал на бугор, с которого стала видна лощина, усеянная мелким, чахлым осинником, и сразу увидел двух человек около ели. Один из них уже вынул из-за пояса топор.

Медведев сбросил с плеча ружьё, выстрелил в воздух.

– Эй, вы! Стойте-е-е! – закричал он что есть мочи.

– Стойте, стойте, говорю! – сбегая вниз вслед за Трубачом, продолжал кричать Медведев, хотя уже видел, что люди около ели замерли в ожидании.

– Как же это вы, ребята? – переводя дыхание, заговорил Медведев, когда поравнялся с Яковым и Фёдором. – Ну, Яшка-то ещё молодой, а тебе, Фёдор, пора бы уж лесные законы знать. Как же можно без лесника в квартал заходить с топором?!

– Да ведь нам директор приказал, дядько Иван, – ответил Яков. – Идите, говорит, прямо в лощину и рубите. А мы всё же к тебе зашли предупредить.

– А что же не дождались? Какой толк от вашего предупреждения!

– Ну, а ты, Иван, тоже... того... загнул малость, – глухо заговорил Фёдор. – Что она у тебя золотая, что ли, ёлка-то? Как ни гово-

ри, а ведь большому начальству подарок от нас был бы.

– А я вот сейчас и расскажу, какая она золотая. Милин не хотел меня выслушать по телефону, трубку бросил. Может, вы поймёте меня скорее, чем директор. Гляньте в лощину. Что в ней растёт? Один осинник чахлый. А почему чахлый? Света здесь мало, сосны загораживают солнце и сами не растут в тени. А елям света много не надо, ель только суши да песка боится. Глина и сырость в лощинах есть – ей того и надо. Лет десять назад посадил я тут ёлок тридцать, да, как на грех, заболел. Без ухода они погибли, а вот одна эта выжила, все трудности одолела. От неё и семена будут стойкие, крепкие. Теперь только разводи, не ленись! Все овраги и лощины можно усадить постепенно её семенами! Я уж подготовил проект по этому делу, хотел к новому году директору передать.

Яков и Фёдор молча переглянулись и стали озираться кругом, словно ища подтверждения словам лесника. Трубач сидел на снегу, настороженно следя за жестами хозяина.

– Ну, а теперь, если вы меня не поняли или вам кажется, что я неправ, – рубите!

– Да ты подожди, не горячись, – сказал Фёдор и заткнул топор за пояс. – Семенное дерево, конечно, рубить ради забавы нельзя. Но что ему-то скажем? А?

– А так и скажите: мол, Константин Михайлович, вы человек нами уважаемый, только семенное дерево рубить нельзя.

Фёдор вдруг улыбнулся такому ловкому ответу и дружески стукнул лесника по плечу.

– Молодец, Иван! В верное дело и вера должна быть крепкая. Давайте закурим за здоровье этой ёлочки. И по домам разойдёмся!

...Пока рабочие лесхоза не скрылись из виду, Медведев всё ещё стоял и курил возле ели, словно боясь, что они могут вернуться...

4

Фёдор и Яков вошли в кабинет директора прямо с дороги, ещё не смахнув как следует снег с одежды.

– Где вы оставили ёлку? – вставая из-за стола, спросил Милин. – Что молчите?

– Там осталась, – глухо ответил Фёдор.

- Где там? На улице?
- В лесу, – ответил Яков.
- Почему? – повысил голос директор.
- Вы, Константин Михайлович, человек нами уважаемый, но... семенное дерево рубить нельзя! Одним словом, рука не подымается. Медведев хочет все овраги ёлками усадить! У него проект... – Фёдор смело посмотрел директору в глаза.
- Семенное, говоришь? – вдруг как-то вкрадчиво спросил Милин, пряча глаза от взгляда Фёдора. – Как же это он мне не сказал об этом?
- А он говорит, что хотел вам по телефону объяснить про свой проект, да вы трубку бросили, – добросовестно повторил слова лесника Яков и, вдруг поняв, что перехватил, густо покраснел.
- Ну, ладно, спасибо вам... отдыхайте! – сказал Милин и склонился над столом, делая вид, что ищет нужную бумагу.
- Он нервно передёрнул плечами, вспомнив своё недавнее желание растопить равнодушие начальника подарком. Его взгляд на мгновение скользнул по дороге, заманчиво убегающей в сторону города, но, наткнувшись на высокую стену сосен, торопливо переметнулся к столу с бумагами.
- За окнами – куда ни глянь – сосны и снег. А где-то между сосен по глубокому снегу идёт, тяжело дыша, лесник Медведев...

За дальними просеками

1

Бабка Фрося прожила в Лесной Туляне безвыездно восемьдесят лет. Ни разу не побывала даже в райцентре! Восемьдесят лет дышит лесным воздухом и никуда не торопится, никуда не стремится. Её мир ограничен дальними просеками, до которых она всё ещё добирается в поисках белых грибов, и серебристой лентой реки за лугом, той самой реки, из которой частенько пивала когда-то в жаркую пору сенокоса, жадно ловя бездонную прохладу исколотыми сухой травой руками.

Она знала, что за этими дальними просеками и за рекой где-то есть большие города, гигантские заводы, она даже с радостью проводила в эти города многих своих внучат, но слушать не хотела, когда приглашали её в город погостить.

– Нет, соколики, в молодости не соблазнилась, а теперь уж ни к чему. В подземный город готовлюсь, там населения-то ещё побольше. Старик два раза уж являлся, к себе зовёт. Замешкалась, говорит, старая, пора и честь знать.

– Да мы тебя к профессору сводим, ещё лет двадцать проживёшь, – убеждали внучата.

– Э-э, ну вас с вашими прохвесторами. Моей фамилии ни в одной больнице нет. Коль суждено пожить ещё – без дохторов проживу. Майские ландыши пока пользуют, а голова заболит, полотенцем скручу – отпустит.

Внучата обижались на её закоренелое упрямство, доказывали, горячились, называли отсталой, потом махали рукой и отступались.

Так и не побывала бы старушка в городе, если бы не случилось несчастья с любимой внучкой. Приехал из Тамбова внучкин муж Алексей и рассказал о болезни Таечки. Надо в Москву везти на операцию, а детей не с кем оставить.

Бабка Фрося молча выслушала Алексея. Шумно втянув носом добрую щепоть табаку, встала и грозно спросила:

– А подводу найдёшь? Пешком-то, чай, не доползу до твоего Тамбова.

– Да зачем же подводу? Я на такси за вами приехал. Мигом в городе будем.

– Вот то-то и оно, что мигом. Не хочу насильную смерть принимать, своей помереть охота. Слыхала, как на этих ваших «мигах» расшибаются – не над кем и молитвы читать будет.

Как ни уламывал, как ни умолял – пришлось подводу искать. Лесник, не раз встречавший бабку Фросю в лесу и знавший её фанатичное упрямство, подъехал на своём ломовике с бесовской улыбкой:

– Никак в город, Ефросинья Ивановна? Вот чудес-то насмотритесь!

– Не в город, а к внучке, – сердито буркнула старуха.

– Так ведь внучка-то в городе.

– А я на город и смотреть не буду, провалился бы он пропадом! Таечку в болезнь ввёл. Ведь как ей советовала: поговей, ландышков попей, а они всё консервами своими да жирами животы пичкают. Вот и болезнь приключилась от невоздержанности, от излишества. Соблазны одни в вашем городе.

Всю дорогу бабка Фрося молчала, изредка крестясь и вздыхая.

Лесник, погоня лошадей, то и дело заговаривал с Алексеем, касаясь главным образом международных проблем. Этим он хотел доказать горожанину Алексею, что и лесник, живущий в глуши, знает не меньше городских.

– Теперь, гляди, к Новому году и на Луну слетают, а?

– Вполне вероятно, – нехотя отвечал Алексей, занятый своими нелёгкими думами.

– Так вас и допустил Господь до Луны, – вмешалась бабка Фрося. – Врут вам, дуракам, а вы и уши развесили.

– Мы с вами, Ефросинья Ивановна, ещё грибков на Луне собираем...

– Типун тебе на язык! – глухо отозвалась старуха и повернулась спиной к показывавшемуся на пригорке городу.

Ломовик тащил повозку едва-едва. Лесник тщетно хлестал его хворостинной – скорости не прибавлялось.

– А Ефросинья Ивановна правильно схитрила, – не унимался возница, – правильно сделала, что коняку наняла... На машине-то и разглядеть не успеешь, а тут – рассматривай, пожалуйста, каждый дом, каждую витрину, – и косил на старуху чёрный глаз.

Бабка Фрося сплонула, осердясь на болтливого лесника.

Прятала глаза, гнула голову, отворачивалась – ничего не помогало. Новые, непривычные звуки возбуждали интерес: голова сама поднималась, глаза, хоть и из-под насупленных бровей, но внимательно следили за всем, что происходит вокруг.

Поток легковых и грузовых машин надолго задержал подводу у перекрёстка. Лесник не замедлил воспользоваться случаем, чтобы ещё раз почесать язык.

– И Тамбов, Ефросинья Ивановна, стал не тот – асфальту сколько настелили! Троллейбусы пошли! А в Северном районе новый город растёт. Жилмассив называется. К концу семилетки больше ста домов четырёхэтажных будет построено. Новый Тамбов! Туда

мы сейчас и поедem – там ваша внучка живёт.

Бабка Фрося с удивлением смотрела на незнакомую городскую улицу...

2

Квартира внучки оказалась на третьем этаже. Бабка Фрося, прежде чем наступить на первую ступеньку лестницы, перекрестилась, пощупала за пазухой – целы ли пузырьки со святой водой и с ландышевым настоем, потом гордо подняла голову и стала медленно подниматься, держась за перила.

Тая сидела на балконе в кресле. Возле нее хлопотала десятилетняя Надюшка. Бабка Фрося смело прошла на балкон, расцеловала внучку и правнучку. Когда огляделась – так и ахнула:

– Батюшки-матушки, аж голова кружится... Куда ж вас чемерь занёс... скворечники понастроили на свою голову. Земля человеку здоровье даёт, а вы в верхотуру лезете, птичьим воздухом дышите... Эх, горемыки! Пойдёмте в избу, не могу тут... – и шагнула к двери.

– И совсем не горемыки, – весело сказала Надюшка прабабушке, провожая её в зал. – Нам тут очень хорошо!

– Эх-ха... – только и смогла выдать в ответ бабка Фрося, торопливо бросив крест на правнучку и на себя.

Алексей и Таечка засуетились, собирая вещи к вечернему поезду, а Надюшка без конца тараторила возле бабки Фроси, объясняя, где и что у них есть. Особое удовольствие девочке доставляло поучать бабушку, как надо открывать краны в ванной комнате, как пользоваться туалетом. Старая только вздыхала и крестилась, словно её вели по страшным лабиринтам.

– Правда ведь, бабушка, у нас хорошо?

Бабка Фрося снова вздохнула и снова перекрестилась. Она видела, конечно, что всё здесь хорошо и удобно для жилья, но...

– Ты ещё, деточка, хорошего-то не видела.

– А вы видели, бабушка?

– Что с тобой говорить! Грех один. Глупенькая ты ещё, ничего не понимаешь! – говорила так, а сама видела, что правнучка слишком умна, что детство её куда более счастливое, чем детство Фроськи Угловой, по прозвищу Кособрюховой. Всё старая понимала, но при-

зняться не могла. Какая-то зависть к новой жизни, в которой она уже не в силах принять участие, заставляла бабку Фросю упрямо хвалить ту, прошедшую жизнь, в которой почти ничего не было, кроме её собственных фантазий о желаемом житье-бытье.

3

Всю ночь бабка Фрося не спала. То мешали мысли о Таечке, уехавшей с мужем в Москву лечиться, то будил рёв машин, подвоживших к стройке кирпич.

– И ночью-то им, идолам, не спится, – ворчала сама с собой, боязливо поглядывая на окна, за которыми белели коробки строящихся домов.

Она вставала, ходила от постели к постели, поправляя простыни на спящих детях.

Только перед утром на стройке всё стихло, и бабка Фрося прикорнула на диване.

Разбудила её Надюшка:

– Бабушка, я уйду в школу... Кофе уже разогрела.

– О, Господи, грех-то какой! Заснула, старая беда, как убитая, на рассвете. Иду, иду, разумница.

Проводив ребят в школу, бабка Фрося села к окну и вынула свою табакерку.

Стук, треск, рёв, скрежет, доносившиеся со стройки, властно притягивали к себе её внимание, будоражили её любопытство. Она стала рассматривать всё по порядку...

Вокруг дома, строящегося прямо перед окном, – огромные кучи земли, глубокие канавы.

– Эка, взрыли, – вслух говорит бабка Фрося и качает головой. – Ловкачи, – оценивает работу каменщиков, быстро укладывающих кирпичи.

Яркая вспышка, похожая на молнию, ослепила и испугала её.

– О, Господи, что там такое? Никак, и человек там копошится? Сгорит бедняга, ей-Богу, сгорит!

Но человек пускал молнии без боязни, прикрывая лицо какой-то маской. Бабка Фрося удивлённо качала головой. Так и захватили её ребята у окна.

– Что, интересно? – с улыбкой спросил Юрка. – Это ещё что! Вот приедет экскаватор – как начнёт землю копать!

– Садись за стол да ложкой получше копай, – буркнула бабка Фрося, недовольная тем, что её захватили у окна.

Через несколько дней бабка Фрося овладела всеми краниками и даже поругивала Юрку: свет и воду экономить надо!

А однажды в солнечный день, возвращаясь из школы, Юрка увидел бабушку на балконе.

– Гляди, Надя, наша бабушка на балкон вышла! Ура!

– Не кричи, дурачок, испугаешь – она больше никогда не выйдет, ведь ей тоже хочется воздухом подышать!

А бабке Фросе просто стало тоскливо сидеть одной. «Не так уж и высоко», – подумала она и осторожно открыла дверь на балкон. В лицо пахнуло прохладным сентябрьским воздухом, и в уши ворвались громкие бодрящие звуки стройки. Первый раз просто постояла и вернулась в комнату, а потом осмелела – стала сидеть в кресле и даже спрашивать проходивших мимо женщин о том, что привезли в овощной магазин. Старушки признали её, останавливались поболтать о житье-бытье, расспрашивали, как там в селе, что пишет из Москвы дочка? Иная торопливая мать, разыскивая сынишку, спросит:

– Бабушка, не видели вы тут моего Вовку?

А однажды начальник какой-то:

– Вы, бабушка, не заметили, случайно, куда поехала машина с лесом? Тут она стояла недавно.

– Что ты за начальник, коль не знаешь, куда машину послал? Вон за этот дом заехала. С полчасика тому будет.

– Спасибо, бабушка, а ругать, конечно, нас есть ещё за что. Ругайте, не стесняйтесь, этим вы нам поможете!

И однажды бабка Фрося действительно не выдержала – отругала одного рабочего:

– Эй ты, паря! Што же ты в грязь бревно сунул? Ай чистого места нет? Себе облегчение делаешь?

– А твоё какое дело? – огрызнулся тот. – Сидишь, старая, и сиди!

– Как так «какое»?! Это вы, городские, друг другу сказать боитесь, а у нас в селе на одном конце чихнёшь – на другом «будь здоров» скажут.

– Ну и чихайте себе на здоровье, – со злостью ответил парень, а

всё же постыдился оставить бревно в грязи, выкатил и, чертыхаясь, ушёл за угол, подальше от старухиных глаз.

Правнук Юрка раньше всех заметил перемену в бабушке и не замедлил высказать это вслух за обедом:

– Нашу бабушку все теперь на стройке знают. Сердитая, говорят.

– Пусть говорят, а ты не слухай...

К возвращению Таечки из Москвы настолько освоилась с городской обстановкой, что пешком ходила к центру города. Удивлялась, что так быстро привыкла. Но раньше ей казалось, что в городе только ходят по магазинам да спят, а теперь убедилась, что и здесь люди много трудятся.

Таечка – похудевшая, но радостная – не знала, как благодарить бабушку за то, что она «мучилась тут с детишками».

– Благодарностями на том свете сочтёмся, – ответила бабка Фрося. – Как могла, так и берегла... А теперь, касатики, отпускайте душу на покаяние. Пусть Алексей лошадку готовит. Ещё грибков захвачу небось. Дни тёплые стоят. А у меня свои грибные огороды в лесу...

– Из города, мамаша, лошадку нанять невозможно, – Алексей развёл руками. – Тут только машины.

– Ну, пёс с тобой, наймай машину, да только такую, чтобы в ней народу побольше. На миру-то и смерть красна!

– Ей, папа, и уезжать-то небось неохота, – задорно крикнул Юрка с балкона. – У неё тут на стройке знакомых развелось! Даже начальники её знают!

Бабка Фрося покосилась на окно, за которым виднелись перила балкона, а дальше – панорама стройки, и вдруг действительно почувствовала, что уезжать отсюда не хочется...

Александр АКУЛИНИН

РАССКАЗЫ

Праздник прощания с игрушками

После похорон Кузьмичихи деревеньку нашу окутала тишина, навалилась точно мокрая плотная вата – не тяжёлая, но вязкая. Люди двигаются, что-то делают, беседуют, размахивая руками, – однако всё это происходит в замедленном темпе, подспудно. А может, всего лишь кажется будто жизнь замедлила свой бег. Возможно, во мне самом что-то замерло или приостановилось, а я перенёс на всю деревню. Хожу, как неприкаянный. Хорошо бы посидеть с дядей Митрием на пригревочке, подышать тёплым весенним воздухом, поговорить о солнце, об оживших зеленях... Но он в последнее время ходит распечальный, взгляд отсутствующий, не тутошний: видно, крепко тронула соседа смерть бывшей звеньевой, шумоватой Кузьмичихи.

Александр Михайлович Акулинин (1938–2010) возглавлял Тамбовскую писательскую организацию с 1993 по 2003 год.

Родился в с. Большая Лозовка Токарёвского района Тамбовской области. Окончил среднюю школу. Работал в колхозе, на стройке в Сибири.

Писать прозу и публиковаться начал с начала 1960-х годов. Автор более 20 книг, вышедших в издательствах Москвы, Воронежа, Тамбова, Саранска.

Был удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ». Лауреат Всероссийской премии имени М. Алексеева.

Рассказы «Праздник прощания с игрушками» и «Вечерние письма» по тематике и стилю характерны для творчества А. Акулинина.

Когда вижу его, ко мне подступает жалость. Знаю, дядька не терпит «жалельщиков» и поэтому при встречах отвожу взгляд, боюсь как бы не догадался он о моих мыслях.

Но всего больше тревожится сердце из-за Юльки. Уехал белобрысый лейтенантик, она теперь одна-одинёшенька, и мне не надо «тратить много сил» на воображение, чтоб понять какво у Юльки на душе...

Но природа... безжалостная природа! Что ей до Юлькиных страданий, переживаний? А ничто! Она творит своё вопреки всему: вопреки переживаниям, страданиям – Юлька хорошеет, цветет. Вчера к вечеру неожиданно столкнулся с ней в тесном проулке и потерялся. Замер, как столб телефонный; только глазами моргаю. А она, смелая, открытая, идёт на меня без смущения, без вызова, как к своему своя: едва не раскрыл объятия. Но, слава Богу, «хватило ума» не сделать этого. Только коснулся её обнажённой руки повыше локтя, уже тронутой лёгким загаром, и отвёл взгляд – не выдержал её глаз: спокойных, чистых, невинных, глубоких.

И ночь, и нынешний день, помимо своей воли, думаю о вчерашней встрече: мучаюсь сомнением, всякими догадками. Мне надо было что-то сделать, сказать. Но что? Обнять, поцеловать или начать читать стихи, или лепетать что-нибудь про весну, о проснувшейся природе? Всё не то. Хотелось чего-то тихого, но важного и очень-очень понятного... Опуститься бы перед ней на колени? Прямо там, в проулке, в грязь. И стоять покорно, без слов. Интересно, как бы она восприняла подобное?

Мне уже начала нравиться придумка. Отчетливо видится, как стою на коленях, ветер легонько шевелит волосы. Юлька медленно, да-да, именно медленно, подходит и кладёт на голову руку. Она у неё тёплая, немножко подрагивает. Вот тут, пожалуй, можно и обнять...

Настроение моё пошло в гору. Но ненадолго. Кто-то невидимый, но пакостный, затюкал острыми молоточками по радужным мыслям, и они, эти мысли, быстренько начали сворачиваться, а взамен выползают другие: мрачные, тягучие. Они, как ни странно, не кажутся своими, точно подсказанные тем пакостником. Да и его самого теперь уж не назовёшь невидимым: вон он – крошечный, большеротый, вредненький. Посмеивается да нашёптывает, да нашёп-

тывает: «Конечно, конечно, ты ловко придумал и особенно тесный безлюдный проулок. Девке деться некуда, пожаловаться некому – волей-неволей придётся гладить твои отросшие патлы. А ты, как нашкодивший, но прощённый котик, будешь умиленно жмуриться... Только, смотри, не замурлыкай...» Дать бы этому вреднюле зуботычину, чтоб не шептал, не ухмылялся. Но как дашь-то – себе больно сделаешь, ведь он в тебе самом... Тяжко, гнусно на душе.

Не заметил, как возле огорода оказался. Земля подошла – вспучилась, согрелась. Самое время почесать боронкой, затем поворошить поглубже дорбачём и вновь уж ласково-ласково проехать боронкой. Потом уставшим шагом пройти огород из конца в конец босиком, чтоб почувствовать прохладное, налившееся силой для зарождения, тело земли. Прикинуть где что посадить: и тут хочешь иль не хочешь, но вспомнишь прошлую осень, вызревшие овощи и, глядя на голую черную землю, увидишь вдруг молоденький, пупыристый в иголочках огурчик – сочный, хрусткий. Непрошено подкатит слюна и стоишь улыбаешься, точно в прошлогодней золе золотую копейку нашёл. А поодаль, косо поглядывая в твою сторону, прохаживается голенастый с большой бородавкой на клюве жуково-чёрный грач. Ему не надо ждать осени, он теперь же берет своё – таскает полусонных червяков.

Ни с того ни с сего остановится, внимательно начнёт разглядывать тебя и так это по-хозяйски спросит: «Ка-а-а-ак?» Ответишь ему по-деловому, по-серьёзному, мол, вот думаю, мерекаю. И он, точно поняв и рассудив, продолжит своё занятие...

В нынешнем году всему этому не бывать. Огороды лежат нетронутые, будто осиротелые, хотя хозяева их не заплосали, не лодыри. Поглядывают теперь украдкой на кровную полоску, а в руках зуд нестерпимый, а в сердце боль не утихающая. Только теплится где-то глубоко в душе надежда – авось сосед не выдержит, выйдет на огород «вилами покопаться», тогда и мне смело можно двинуться – не я же первый, не с меня и спрос. Вслед за этой надеждой приходит другая: а может, пронесёт, может, всё образуется... Но не сбываться надеждам...

За последние лет пятнадцать-двадцать деревенька наша сильно поредела, поистаяла. Председатель колхоза иначе, как бельмом на

глазу, и не называл её. В его словах было немало истины. Среди жирных, ровных полей торчал этот островок, мешая развернуться мощной колхозной технике.

Года два назад уговорили мужиков съехать на центральную усадьбу. Выторговали они тогда финские дома, обложенные белым кирпичом, и чтоб непременно на весёлом взгорочке у пруда. Чего греха таить, думали, всё это трудноисполнимо, мол, пока туда-сюда, поди сюда, мы и доживём век на старом кореню. Да не случилось. Точно по-щучьему велению выросли те самые дома, и пришло время исполнять своё слово. Теперь за малым дело стало – кто первый, чтоб потом было на кого кивать, мол, он поехал – и я за ним...

Нелегко бросить насиженное место, да и к новому прирасти непросто. Много всяких проблем, «загвоздок» возникнет: и больших, и малых – есть над чем призадуматься, «поломать голову».

И мне вдруг стала понятна истинная причина тишины и дяди Митриевой печали. Захотелось тут же пойти к нему и сказать, что прав он был, когда называл меня «отрезанным ломтем», и что во мне «бежит чисто городская кровь, бесчувственная к деревенским болям»...

Я привык видеть соседа сидящим на порожке, степенно покуривающего, но тут удивился, увидя его на коленях среди всякогохлама.

– Богу что ль молишься? Так повернись на восток, как мать учила, – начал я весёленько и осёкся.

Дядя Митрий оглянулся... Какие были у него глаза!.. Признаюсь, мне никогда не было так гаденько, никогда не казался себе таким беспомощным, неуместным. Собрался было уходить, но тихий задумчивый дядькин голос остановил.

– Не стой столбом, выше, всё одно, не вырастешь.

Сам он присел на пятки, руки безвольно опустил на колени и глаза прикрыл.

– Помнишь, я тебе про город рассказывал?

Я заулыбался.

– Не лыбся. Там со мной и печаль приключилась.

Он посморкался, повздыхал.

– Как-то пригласил внучек на праздник в свой детсад, я сдурума и согласись, чтоб мне пусто было. Оно ведь и то, думал, праздник,

как праздник. Прихожу, а там уж мамыши, бабушки, дедушки во дворе кружком собрались. А в кругу там детишки кученькой, с ними рядом горкой поломанные старые игрушки. Выходит дебелая, упитанная дамочка, не знаю кем она у них, и зычно изрекает: «Праздник прощания с игрушками считаю открытым». Удивился я диковинному празднику.

Дивиться-то дивлюсь, а душой ещё не вник. Поглядываю. Ребя-тёнки вроде бы невесёлые, исполняют что велют: в ладошки хлопают, хороводом ходят. Потом та, раскормленная, вдруг объявляет: «Теперь, дети, проститесь с игрушками». Вижу, один мальчуганчик, конопатенький такой, большеглазенький тайком взял маленького ватного зайчонка с оторванной лапой и пихает, пихает в рукав своего пиджака. Но от этой разве что укроется – как заорёт: «Петров Дима, брось бяку». И вот этот Петров Дима наклоняется и остороженько, точно живого, кладёт зайчонка в общую кучу, а у самого слёзы в три ручья. Выматюгался я мысленно и прочь с эдакого веселья: не помню как на лифту ехал, как в сынову квартиру зашёл.

Дядя Митрий умолк, чтобы перевести дух. Но молчание затянулось. Он неспешно разглядывал раскиданные вокруг старые вещи.

– Выходит, пришёл и мой черед прощаться с игрушками... Не повезёшь же всё это за собой, – улыбнулся грустно. – Вон какая ярмарка богатая...

Я стоял, вовсе не чувствуя себя: бывают такие моменты, когда теряешь ощущение, вернее, восприятие окружающего – всё видишь, но не сочувствуешь видимому, не понимаешь его. Именно так и смотрел я на рухлядь, наваленную в беспорядке. И даже как-то неприязненно подумал, мол, копни сейчас запутиненные закутки, чердак в родительской избе – не меньше «припасов» навыкидываешь.

Дядя Митрий бережно взял старую, обветшалую самодельную мельницу, погладил её поржавелый кожух.

– Выручница. Кормилица!

Глянул на меня долгим испытующим взглядом. И тронула мою душу непонятная тревога.

– Ты-то помнишь али позабыл?

Я вспомнил, именно в сию минуту вспомнил... Будто вчера случилось.

Мне лет пять было, может, поменьше. Мать пришла с работы пораньше, расчатую скирду домолотили, к другой подступаться не стали: сегодня вроде бы расчинаться не из чего. Глаза у матери радостные, она хоть и уставшая, но по дому хлопочет с легкостью. Причина и радости, и легкости сокрыта в поллитровке, наполненной рожью. Её мать украла с колхозного тока. Она давно уж собиралась это сделать, да всё не удавалось. То ей казалось, заварком дуже приглядывает, то бригадир приходил не вовремя (так она мне объясняла). А я ждал, очень ждал. Иногда ревел, видя опять пустую посудину, в которой мать брала с собой молоко на обед. Так хотелось поесть оладушек из настоящей муки, очень уж надоела картошка; она и на завтрак, и на обед, и на ужин. Какое мне было дело до того, что ларь наш давно уж пуст, что материна подруга получила два года отсидки за два кармана украденной пшеницы... Я хотел оладьей и всё тут: и вот они почти рядом!

Мать принесла от соседа мельницу, мы зажгли коптишку и началось святое действо. Я сыпал по горсточке зёрна, а мать крутила, крутила скрипучую, гремящую, визжащую ручку, и из-под кожуха сыпалась побелевшая масса. Её можно бы уже считать мукой, но мать сказала, что мы прогоним зерно несколько раз, чтоб размолоть «в пух», тогда оладьи получатся настоящие, ноздреватые, «с подъёмом».

– Ты потерпишь? – спросила меня.

Господи, потерплю ли я? Конечно же! Хотя было это нелегко. При виде муки у меня бежали слюнки. Я раз за разом подставлял послунявленный палец под жиденькую мучную струйку и обсасывал, ощущая во рту слегка горьковатый привкус запыленной ржи. Мать не бранила за подобную шалость, только радостно похохатывала, и уже поглядывала на приготовленное решето, собираясь видно просеять нашу продукцию...

И вдруг, тревожный стук в окно. Мать метнулась к шторе, отогнула уголок. С улицы долетел приглушённый голос соседа дяди Митрия:

– Власть по селу ходят...

Всего коротенькая фраза. Но мать испуганно ойкнула и заметалась. В сенях стояло помойное ведро со вчерашней золой, она притащила его в избу, вытряхнула в него муку и только сказала:

– Сынок...

И я понял, что мне надо было делать: схватил ухват, повернул ручкой вниз и торопливо стал перемешивать муку с золой. Мать занялась мельницей: «размундерила» её и мыла тщательно, заботливо, чтоб не осталось мучных следов.

Не менее старательно исполнял своё дело и я, силёнок было маловато, зато страху – с избытком. Основательно вымазался о закопчённый рогач.

Не помнятся тогдашние мысли, помню только слёзы из моих глаз, плакать не хотелось, но они текли и текли.

«Власть» – подвыпившие сельский председатель и бригадир – к нам тогда не зашли, да и зашли бы, не страшно было, мы всё успели...

Долго мнил я мне горьковатый привкус ржаной муки. До самой зимы, до начала нового года. Старый год кончался хорошо и в нашем колхозе впервые после войны колхозникам дали по триста граммов зерна на трудодень. Матери достался целый мешок чисто отвеянной пшеницы. Каждую свободную минуту мать бралась за мельницу...

Вот уж когда я наелся оладьей досыта. Правда, мне перестали сниться хорошие сны: раньше-то бывало по целой ночи грезилась оладушки то намащенные, то со сливками, то бледноватые, то поджаристые... А на сытый желудок они не грезилась, теперь во сне я всё молот, молот. Надоедливо, утомительно сыпалась и сыпалась мука. Я просыпался и долго лежал с открытыми глазами...

Память потянулась было и дальше, но голос дяди Митрия, не тогдашний, а нынешний, вернул меня из прошлого к старым вещам, раскиданным на просторе.

– Во, толкач! Он стари меня, а погляди, блестит весь. Вот тут какая оказия-премудрость скрывается: чем больше им пользоваться, тем свежее он, а его «талия» потому и блестит, и сверкает, что многими руками тёртая-перетёртая. С людьми такое не дееся.

Дядька маленько погрустил, потом встрепенулся, хохотнул лукавенько.

– Из-за этого толкачика мы с Меркияном едва друг дружку не порешили. Это когда колхоз у нас образовывался. Тогда мы, с противничком моим, помоложе тебя были; что он, что я – оба безот-

цовщина, во главе семьи, так сказать. Прислали в председатели к нам Курченкина, из райцентра ли, а может, и из самой области. Ой, шустер был, ой, дружен! Мы все дивушки-дивовались: в один момент он нас окрутил. Только бывало и слышалось: мужики, держите хвост пистолетом. И всем он друг, и каждому брат родной. В соседних деревнях мужики ещё за ухом чешут, думают-мерекают, а мы уже инвентарь в общую кучу стаскиваем. И опять же все дружно, под шумок. Спросишь: Григор Григорч, так величали председателя, ухваты нести к правлению? Засмеётся, закатится: нет, скажет, ухваты – это не инвентарь. А ступа с толкачом? Подумает, подумает и опять: ха-ха-ха. Ступа с толкачом – это инвентарь, давай, волоки. Вот наедем конопля, вырастим, и потребуются ступки, застучат коллективные толкачики. У меня-то всё при всём было: и ступа, и толкач. Меркиян же припёр одну ступу. Оставил в кладовой, а там на ней кладовщик, кум мой, приловчился мясо рубить. Да и расколотил её ненароком на две половинки. На такой урон в колхозе рукой махнули, когда же статья о перегибах напечаталась, тут и загорелся сыр-бор. Всколготился Меркиян. Я свои ступу с толкачом домой потянул, он вцепился в толкач и не отпускает. Отдай, говорит, я хоть его вместо ступы домой представлю, иначе-то, мол, жена из двора сгонит. Я ему: причём тут мой толкач? Он в ответ: твой кум мою ступу расколотил? Твой... Долго мы с ним цапались. Я ору – не отдам, а он своё долдонит, дык ещё и нахрапничать начал; того и гляди за грудки ухватит. Сунул я его в подбородок толкачом легонечко, он и скопытился. Синеть начал. Перепугался я крепенько. К колодцу метнулся, да бадья к цепи прикована намертво, водицы не в чем принести. Чуток опомнился, у меня ж ступа под мышкой. Вместо ведра приспособил. Поливаю Меркияшу, а сам приговариваю: возьми ты толкач, возьми. Очнулся он, поднялся, глаза, правда, не совсем ещё в ум вошли, но на ногах прочно стоит. Возблагодарил я судьбу, схватил толкач со ступой, да домой порезвее.

Да-а-а... Уж если мы до этого с Меркияном не в ладах жили, а после-то и говорить нечего...

Странное с нами, с людьми, иногда деется. С год, ну, может, полтора назад Меркиян просил отдать ему толкач. Хорошо просил, по-доброму. А я не отдал. Почему – и сам не пойму. Ведь теперь в

подобном «инвентаре» нужды нет, валяется без толку, а поди ты, не отдал – и всё тут. Показалось, будто с толкачом я частицу от самого себя отщипну. Нынче-то всё кину к едрёной фене!

А надясь думал с собой забрать, но чую, не выйдет: не туды попадут они, игрушечки мои. Куда там ступу пристроишь? На веранду? Так в ней светлым-светло, всё на виду, а ступке закуточек нужен, потёмочки, чтоб не торчала, не выпячивалась...

Он погладил её, точно живую.

– И опять же, зачем новый дом старьём обижать.

Странно было слушать дядю Митрия; странно и грустно. И сердце болело непонятно: то ли от жалости к соседу, то ли к самому себе. Вспомнились похороны Кузьмичихи, вернее, как готовили мы избу. Расшифровалась тогдашняя дядькина фраза всё о тех же игрушках. А как понялось это, ещё больше заболело сердце. Боль прибавилась от странной мысли что ли или от сожаления: «А мои где игрушки?»

Откуда-то из глубины возник голосок: «Иди копни закутки в родительском доме – там тебе игрушек! Играть, не переиграть...»

Но был он слабенький, затюканный. Голос более близкий и сильный заглушил его: «То не твои, не тобой припасённые». Однако тот маленький не сдался: «А на кой они?..»

И началось смятение, и началось сравнение... Это, мол, «тогдашнее», ныне-то этого нет, да и нужно ли оно. Всплыло безличное успокаивающее, умиротворяющее, мол, у них своё, у нас своё...

Но умиротворение не случилось: что же оно, это самое, своё-то? Давай, выкладывай, как дядя Митрий на вид, на обозрение. Похвались.

Получалось выкладывать-то нечего...

Сосед переползал на коленях от предмета к предмету и каждый что-то ему напоминал, и с каждым он, будто живой с живым, поговаривал. То с грустинкой, то с веселинкой, то со вздохом, то со смешком. Мялкой для конопля он зачем-то негромко, но долго постукал, вроде бы прислушивался к её голосу. Усмехнулся скромненько:

– Ох, и наготовилась она в своё время порток!

Погладил зашершавившую от старости и продолжительного непользования поверхность.

Мне не пришлось носить домотканной одежды, а соседу доста-

лось. Часто вспоминаю его рассказ о портках, которые пришлось носить едва ли не с десятков лет, пока не истёр до дыр...

Не остались без внимания и валик, незаменимая вещь при стирке домотканых постилок, и рубель – предшественник утюга...

Мне делалось всё неудобнее: вроде бы присутствую при свидании двух близких людей, которым необходимо сказать друг другу какие-то очень сокровенные слова, а я торчу как бельмо на глазу.

И я ушёл. Сосед не задерживал, возможно, и не заметил моего исчезновения.

После полудня у дома дяди Митрия собрался едва ли не весь пожилой люд. Сосед с женой первыми покидали насиженное место. На бортовую машину бережно грузили небогатый скарб. Хозяин с хозяйкой, как сиротинки, стояли на отшибе и наблюдали за свершающимся, точно сторонние наблюдатели, будто их это и не касается вовсе. И только когда все вещи были уложены, изба опустела, хозяйка стронулась с места. Веником из прошлогодней полыни заботливо обмела стены, чисто помела пол и, не оглядываясь на своё подворье, направилась к председателевой легковушке. По такому случаю колхозный голова поступился своим транспортом.

Сосед совершенно потерялся. Сперва хотел последовать за супругой, но с полпути вернулся, пошёл в избу. Перед тем как войти долго и тщательно тёр скособоченные кирзы о тряпку, в избе же пробыл немного. С порога печально окликнул жену:

– Замыкать али так оставлять?

Она неопределённо махнула рукой. Он, оставив двери настежь, сел на председательское место.

Присутствующие за всем наблюдали молча. Женщины украдкой роняли слёзы. Ни советов, ни подсказок. Видно, каждый, глядя на дядю Митрия с «самоей», видел на их месте себя.

Глухо забалабонили моторы и, подняв первую, ещё не озорную пыль, машины закрутили колёса к большаку...

Я уходил с соседова подворья последним. Обрадовавшийся ветер шарил по стенам избы и кое-где уже начал лохматить шпалеры. Внутри ещё пахло обжитностью, но и дух опустения успел «дать корни». Недалеко от сенечной двери в беспорядке навалены давешние «игрушки».

В душе у меня было пусто, прохладно. Чтобы я ни делал в ос-

тавшееся время дня, я выгадывал мгновения, чтобы глянуть на опустевшее соседово жильё, и уже скучал по соседу, и скучал больше чем за год, от отпуска до отпуска.

Поздним вечером, когда загустел сумрак, от молчаливой соседской избы повеяло жутью. Но я всё равно не мог оторвать от неё глаз. Вдруг показалось, что там мелькнула тень. Я обрадовался, не иначе как добрый дядька возвратился, чтоб ещё хоть немного пообщаться со своим кровным углом.

Не торопясь, давая время соседу побыть наедине с «хороминной», правлю туда свои стопы... И хорошо, что не спешу: успеваю узнать дядьку Меркияна раньше, чем он заметил меня. Я затаился около погребца. Дяди Митриев противничек недолго шастал подле чужого имения. Поднял толкач, подержал его перед собой и отправился с ним восвояси. Однако отошёл не очень далеко, остановился...

Я подумал, что он каким-то образом догадался о моем присутствии, но ошибся. Меркиян вернулся к «ярмарке», положил толкач на прежнее место, похлопал негромко ладонями, верно отряхивал с них пыль и решительно удалился, о чём-то бубня себе под нос.

Мне не было видно его лица, но виделось оно задумчивым, озабоченным. Причину задумчивости, озабоченности я не сумел «изобрести»...

В эту ночь долго ёрзал я на скрипучей кровати. Не спалось. Чудилось, будто за стенами родительского дома шуршит тишина...

Вечерние письма

Этого вечера она ждала долго, терпеливо и спокойно. Только за два-три дня до него нет-нет да одолевало волнение: всё боялась, что кто-нибудь помешает в её деле – либо на старика бессонница навалится, и он весь вечер будет слоняться по избе, или, чего доброго, принесёт соседку Альку...

Но, слава Богу, обошлось. Старику нездоровилось, и он почти с обеда на печь завалился и Альки опасаться нечего: в райцентр с утра укатила. Днём метелица свои хвосты стелила, дорогу засне-

жила, и автобус не возвратился, ждёт теперь, когда расчистят большак.

С делами по хозяйству управилась пораньше. Оно и дел-то: задать корм корове Милке, принести кошёлочку навозцу на завтрашнюю топку и телка напоить.

Больше всего колготы с телёнком. Несмышлёныш, ещё и недели нет от руду, пить толком и то не умеет. Сунула ему в рот палец – схватил с жадностью прижал к твёрдому ребристому нёбу, засосал, зачмокал, потихоньку-полегоньку за молоко принялся. Когда попил, вытерла сосок, ругнула беззлобно и за себя взялась. Не спеша руки вымыла, молока тёплого выпила, оно ещё пахло молозивом, но разжижело и от желтизны избавилось.

Всё это время она, вроде бы украдкой, поглядывала на край стола в горнице, где лежал чистый лист бумаги и ручка.

За окном засинело, засмеркалось. Но она не спешила вздуть свет. Степенно села к столу, немного посидела с опущенными руками, как сидит пианист перед началом игры, потом пододвинула бумагу, взяла ручку.

Писарь из неё не ахти какой, но буквы знает и в словах они не занимают чужие места. Пишет аккуратно, как первачок, тщательно рисует печатные буквы.

«Здравствуй, дитёнок Сеня!»

И тут не выдержала, заволновалась: и рука с ручкой задрожала, и глаза взмокли. Отстранилась от стола. Посмотрела в окно, которое выходило в поле. Там синеющая белизна упиралась в далёкую, далёкую темень, скорее даже не в темень, но в густую тишину, и в этой густоте мелькал свет, в той стороне рассыпалось большое село. Светлячки были приветливы, и даже на таком большом расстоянии вержились тёплыми, свойскими.

Она успокоилась. Перечитала по слогам написанное. Могла бы прочесть эти три слова по памяти и скороговоркой, но тогда, по её мнению, из души ушло бы то самое настроение, которое она носила все последние дни. И вновь рядком выстраиваются буква в букву.

«Это я пишу тебе весточку, твоя престарелая мать. Как ты там? Я-то что – день отошёл и слава Богу. Всё в делах, всё в заботах. По правде сказать, какие они, теперешние заботы, так, суета-сует, что-

нибудь по мелочи, на большие-то – силов не достаёт. С коровёнкой воюю, в сельмаг за хлебом схожу – глядишь, и дню конец, а вечером варьжонки вяжу, носки штопаю. Коль никто не придёт, молчком трудюсь, а случится кто, в разговоре поспорнее дело движется. Чаще всего соседка приходит Алефтина. Поди, помнишь её? Она-то тебя часто вспоминает и так это с грустинкой, с тосковинкой, случается и всплакнёт. Оно ведь при её жизни и не всплакнута, да всплакнёшь. В девках сидела долго и замуж вышла, опять не в радость. Непутёвый задался муженёк, легковесный. Куда-то мотался, спешил, захватывал и нигде не успевал. Теперь-то и вовсе исчез. Альке-то не в горесть: надоед – говорит.

Спасибо ей, меня не бросает, как за матерью приштокивает. А надясь загрипповала я, так она со мной, как с писаной торбой носилась. То чаю с мятой вскипятит, то анальгину таблеточку подаст, а то вдруг лимон раздобыла: свежий, духовитый. И я, дитёнок, ты уж извиняй старую, поругала тебя. Не приголубил ты Алефтину-то в молодости, а какая невестка бы вышла! Стосотская!

Намеднись ночью Милка растелилась, бычищу принесла огромного. Дед-то наш никудышный стал, а я к соседке. Едва в окошко тюкнула, вмах собралась. Снегов нынешней зимой накапало видимо-невидимо. Мы телка в корыто да волоком, да волоком по сугробьям. И смех, и грех. Однава чуть в снег не ковырнули. А потом он трепыхаться стал, всё норовил на ноженки встать и угодил мокрой головёнкой в лицо Алефтине. Вроде бы не до дюжего, а я гляжу, у неё слёзы катятся. Всполошилась ненароком: «Неужто до боляток он тебя?» – спрашиваю. А она сквозь слёзы: «Не больно... ребёнком от него пахнет...» Тут и я, дитёнок мой Сеня, всплакнула».

И вновь она не справилась с волнением. Перестала писать, посмотрела в окно. Темень придвинулась вплотную и не походила на давешнюю густую тишину. Она встала, задернула окна шторами, засветила свет. Перечитала написанное, улыбнулась. Видно, вспомнила случай с телком. Покосилась на простенок, где висел в потемневшей раме портрет молодого мужчины.

«И ещё чего я тебе напишу. Дружок твой, Фёдор Костылёв, председательствует у нас, скоро как год. Ничего, управляется. Нам, престарелым, собирается дом хороший построить, чтоб с большими окнами, с лестницей и с диванами. Ещё и строить не начали, а я

уже о Милке жалкую, как же без неё-то?»

На печи заворочался дед, застонал.

«Отец наш плох становится. Всё спиной мается, кашель его одолевает.

Сельских новостей у нас не Бог весть сколько. Помер Алдаким Петров. Помнишь, когда вы, ребяташки озоровали, дразнили его: Алдон-чалдон. Алдон-чалдон, а восемьдесят пять годков по земле оттопал и скончался в умственном рассудке. А других новостей нету. На том письмо и заканчиваю».

Она прибрала ручку и начала, уж в который раз, перечитывать. Слоги складывались трудно, неловко.

– И чего она там быкает? – возмутился на печи дед.

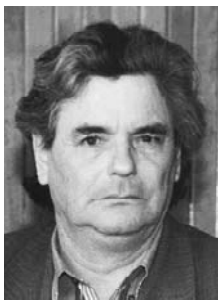
– Старой газеткой интересуюсь, – ответила невозмутимо, но читать стала потише.

Дочитав до конца, аккуратно свернула исписанный лист и сунула за зеркало, где таких листков было множество...

Теперь она будет целый год ждать нового такого вечера, чтоб написать весточку сыну в день его рождения.

А сын её погиб в сорок третьем под Курском.

Виктор ГЕРАСИН

ГОНИМЫ ВЕШНИМИ ЛУЧАМИ

Рассказ

Садясь в малиновую «Оку», за рулём которой была соседка Катюша, Петрович не преминул пошутить, как говорится, в своём ключе:

– А ну, красивая, поехали кататься!

Он хохотнул от предвкушения дороги, скорости, сменяющихся в пути картин, от предчувствия рядом с ним такой соседки, тепло и коротко взглянул на Катюшу.

– И куда же мы? – мягким, игривым голосом спросила Катюша, ответив Петровичу таким же тёплым и радостным взглядом.

– А куда волна качнёт. Какая нам разница – куда. Главное – скакать. И главное, мы снова вместе.

– Это основное, – подтвердила Катюша.

Они выехали за город. Дорога не соответствовала ни их настроению, ни солнечному апрельскому парному дню. Была она в выбоинах, между которыми машина маневрировала, не набирая хорошего хода.

Катюша глядела своими светло-серыми распахнутыми кругляшками, легко улыбалась чему-то своему, потаённому, загадочному.

Виктор Иванович Герасин стоял во главе Тамбовской писательской организации с 1988 по 1993 год.

Родился 24 сентября 1939 года в Пензенской области. Окончил Мичуринский пединститут. Работал в школе, редактором Котовской городской газеты.

Автор нескольких книг стихов и прозы, вышедших в издательствах Москвы, Воронежа и Тамбова. Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём» и др. Дважды удостоивался премии журнала «Подъём» за лучшую публикацию года.

Член Союза писателей с 1986 года.

Петрович, привалясь к двери, не мешал ей видеть это что-то своё, девичье, вполглаза посматривал на неё и отмечал: «Красивая, однако, не ягодка ещё, цветочек».

А в полях, в лугах, в перелесках бушевала самая настоящая весна. Она была совсем иная, не та, которая в городе. Она была по-особому чистая, маловетренная. Она была несказанная, по-иному и не назовёшь. Остатки серого снега лежали кое-где в лощинах по северным склонам. Большие мутные потоки воды уже сбежали, вслед за ними бежали маленькие, просветлённые ручьи. От сырых чёрных пашен поднимался пар.

– Давно не видел, как земля парит, – сказал Петрович. – Прогревается. Скоро в неё бросят семена, и зазеленеет она во всю даль и ширь. Хорошо, надёжно как-то среди полей. Ни суеты тебе, ни обмана. Одним словом, надёжно.

– А в лес солнышко мало проникает, и снег лежит почти не тронутый, – откликнулась Катюша.

– Мало проникает, – согласно кивнул Петрович, – деревья не пропускают. Поэтому говорят, что лес свою воду не отдаёт, она ему самому нужна, много нужно ему воды.

Петрович опустил стекло, высунулся наружу, подставляя лицо ветру, восторженно крикнул:

– А воздух-то! Сама юность! Юность с солнышком вперемежку. Вот ведь как, Катюшенька!

И поднял стекло, опасаясь, как бы ветер не охватил хрупкую его соседку, которая была в лёгкой цветастой кофточке.

– Ой, люб ты мне, Петрович, – хохотнула Катюша. – Поэт ты, Петрович, поэт! Другого такого поискать. Ты стихи не пишешь?

– Нет, – мотнул головой Петрович. – Ни к чему. Сказал вот – и хватит. Другие, думаешь, хуже говорят?

– Одни пишут погонными метрами стихи, а поэзией в них и не пахнет, другие только озвучивают, а поэзия из них так и лезет...

– Согласен, – кивнул головой Петрович. – Знаешь, в моей молодости, в юности даже, была у нас девчонка, Нинкой её звали. Серебрякова Нинка, вот она поэт была. Не иначе. Многие девчонки и ребята тоже, частушки сочиняли, пели. Тогда ведь всё больше под гармошку время проводили. А до Нинки далеко всем было. Тоненькая, трепетная, голосистенькая. Стоит ей запеть, бывало, во всех

концах села знают – Нинка запела.

– Помнишь её частушки? – спросила Катюша.

– Какие помню, какие нет, – ответил Петрович.

– Ну, например...

– А вот такая, хотя бы: «Мой милёнок-первенёнок, перверни-вертёночек, первернётся, улыбнётся, сизый голубёночек».

– А ещё, – попросила Катюша.

– А ещё... Ну, вот эта: «Из-за тучи тучею летели гуси кучею, одну ночь тебя любила и всю жизнь промучаю».

– Да, заявочки, – покачала головой Катюша. – Такое тоже бывает?

– Ещё как бывает, – вздохнул Петрович.

– И с тобой так было?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Чем дальше живу, тем всё более памятной мне эта Нинка делается. Просто ходили на улицу вместе. И всё. Ничего другого. Даже до дому её не провожал. Другие провожатые у неё были. Да и не стремился я к ней. А вот возьми ты, всю жизнь помню её одну. Почему так?

Петрович умолк, предавшись воспоминаниям. Детство. Ранняя юность. Он не был озороватым, дерзким, как многие его сверстники. Любил уединение. Уходил один далеко в поля, в луга, где можно было петь, даже орать во всю мочь, – не увидят, не услышат. Представлять вживую всё то, о чём рассказывала песня. Грустить под грустную песню, веселиться под весёлую и в каждой песне он, Сашка, и каждая песня о нём, о Сашке. Он – ямщик, замерзающий в глухой степи, он – танкист в горящем танке, он – бродяга, бегущий с Сахалина. Все песни это о нём, о Сашке Ветрове.

А как иначе? На то она и песня, чтобы рассказывать обо всех сразу и о каждом в отдельности.

За огородами сеяли овёс с викой. Овёс поднимался высокий, солоmistый, он был так окутан викой, что по нему невозможно было не то что бежать, а шагом ступать. Сашка продирался по овсу, вдали от края у него была лежка, и лежал он там, слушал шелест овса, глядя в небо, по которому изредка высоко, распластав крылья, пролетали или кружились птицы. И казалось ему тогда, что предстоящая взрослая жизнь его будет так же вот, как небо, бездонна и бесконечна. И в жизни этой его, Сашку, все будут любить, все ему будут радостно улыбаться, и он будет отвечать всем тем же – любовью и улыбкой.

Катюша остановила машину неподалёку от моста. Вместе они вышли на мост, оперлись о перила, склонились над водой.

Речушка Галица по весне была бурлива, быстра, полноводна, а к середине лета мелела настолько, что в камышах и осоках течение её было невидимым. А среди камышей и осок лежали округлые омуты, в которых водилась рыба и к которым по осокам рыбаки прокладывали тропы.

– Бурная, однако, речушка-то, – сказала Катюша.

– Пока – да, – согласился Петрович. – Повеселится, поозорует и угомонится. Отгуляет своё. Оно ведь во всём так. И ты вот...

– Что я? – спросила Катюша.

– Да так же вот, повеселишься, поозоруеть и уймёшься. Такая карга станешь, – хохотнул Петрович, – не приведи Боже.

– А ты не стал каргой?

– Как сказать. Это я при тебе не карга, а при других... Тьфу! Терпеть не могу своих ровесников. Такие уже праведные все, такие уж умные. Тоска. Говорю, откуда вы взялись такие святые? Греховодничали по молодости так, хоть святых выноси, а постарели – праведные стали.

– Шучу я, Петрович, ты не карга, ты даже не пожилой человек. Я тебе даже пенсию не дала бы. Ты какой-то постоянно праздничный. Ей-Богу, Петрович, ты похож на праздник. На летний. На Троицу, наверное.

– Ишь ты, льстишь мне?

– Нет, Петрович, на самом деле. Мне со своими ровесниками почему-то скучно. Они такие уж рациональные, что скулы воротит. А ты – праздничный. Правда. Увижу тебя и как праздник встречу. Мама ругается: чего это ты всё Петровичем интересуешься, дурёха. А я, и правда, только тобой и интересуюсь. С остальными мне скучно.

– Я знаю. Я сам так же тебя жду. Увижу тебя, и такая радость грудь распирает, такая радость...

Петрович вглядывался в бегущую воду, сказал тихо:

– Вот и вода. А ведь она запомнит нас. Увидит и запомнит. Убежит далеко-далеко, а про нас будет знать. В землю уйдёт и там будет помнить. Земля – она памятью полна. Она вся из памяти состоит. Так-то вот оно. Живи и знай: всё, что ты делаешь, что ты творишь, – всё это в памяти земли хранится.

– Петрович, – тихо сказала Катюша, – я, Петрович, живу с ощущением раздвоенности. В городе мои знакомые живут так, как будто в последний день. Вижу, у многих все эти походы по кабакам, по ночным клубам, по тусовкам деланные какие-то, не от естества идут, не от потребности. Вид делают друг перед другом, что это их образ жизни. А в душе совсем другое. Души плачут, души скорбят, души тоскуют по тихой, тёплой ласке, любви. Души хотят душевности. А жизнь – она как вихрь закручивает, уносит в деланное веселье. Мы ведь не живём, мы ведь разыгрываем роли, порой отвратительные, нечеловеческие. Мы будто этим самым сами себе мстим. За что мстим? А здесь, у нас, здесь вот, на этом просторе, на самом деле хорошо, тепло, надёжно, а мы почему-то убегаем от всего этого. Мы почему-то бросаем себя на растерзание. Терзаем всё: душу, плоть, будущее своё. Нет, я не хочу всего этого, не хочу жить, играя, прикрывая игрой свою суть. Но и здесь я не могу. Хорошо здесь, но не могу.

Помолчав, подымив сигаретой, Петрович ответил:

– Думаешь, вы первые такие? Думаешь, мы от своих гнезд не бежали? Ещё как бежали. И мы искали себя. Кто в городах, а кто на золотых приисках, на стройках, на рыбе. Я, например, и золото мыл, и рыбу ловил, и железку строил.

Катюша перебила:

– Ты золото мыл, ты рыбу ловил, ты железку строил. А мы-то ведь от этого бежим, мы не хотим мыть, ловить, строить, а хотим жить шикарно. Вот где душевный разлад идёт, на этой грани.

– Тогда не знаю, – вздохнул Петрович, – моё поколение знало одно – надо работать. Работать – это хорошо. Без этого какая же она жизнь-то. Никакая.

– Так, всё, Петрович, поговорили и забыли. Куда едем? – Катюша зябко передёрнула плечиками.

– А знаешь... – Петрович засмеялся.

– Говори, говори, не стесняйся. Куда? К подруге какой-нибудь?

– Не к какой-нибудь, а к ней, к Нинке Серебряковой хочется мне доехать. Поглядеть, какая она.

– Ну и поехали, поглядим твою певунью. Далеко это?

– Да километров пятьдесят будет. Подгорное. Село такое есть.

– Коли есть, то поедем. От бабки твоей не влетит?

– А где она? Подхватилась, умчалась в Питер внучат нянчить и как в воду канула. Да я не жалею, мне почему-то всё больше и больше одному быть нравится. Сам себе хозяин. Ей-Богу, даже хорошо одному-то мне. Не задеваешь никого, и меня никто не задевает.

Солнышко светило в лобовое стекло. Сделалось жарко, даже душно в тесной «Оке». Петровича разморило, потянуло в дрему. Катюша поглядывала на его свесившуюся голову, улыбалась: «Тоже мне, к подружке едет».

Вдоль дороги побежали рядами стройные сосны. Петрович приободрился, попросил:

– Остановись вон там, на изгибе.

Выйдя из машины, он поглядел вправо, влево и пошёл к соснам. Катюша пошла за ним. Вошли в лес, поднялись на пригорок. Вдруг кто-то застрекотал, зацокал.

– Кто это? – оглядывалась Катюша.

– Гляди выше, это белки. Да вот они, вон, видишь, распластались по стволу.

– Вижу, вижу, – прошептала Катюша.

Белки по спирали погнались одна за другой вверх по стволу. Затем – вниз. Опять вверх. Они быстро и ловко гонялись друг за другом по высоченному стволу. Остановились. Игриво подталкивали передними лапками друг друга, весело цокали.

– Любовь, – сказала Катя. – Ишь, как играют. Радуются. И сосны тоже радуются. Кругом одна радость. Весенняя радость.

– Катюша, представь себе, эти сосны – мои ровесники. Когда мне было лет десять, то я сюда ходил за маслятами. И им тогда было лет десять. Часто посажены были, бывало, не пролезешь под них за грибами, на животе ползешь, на четвереньках пробираешься. Я, бывало, корзинками их носил отсюда. Бабушка сушила, а зимой продавали на базаре. На нитки нанижем, на шеи навешаем и на базар. Немного зарабатывали. Деревенька наша тут неподалеку была. Теперь её нет. Ничего там нет, поле сплошное. А сосны вот выросли. И они молодые ещё. Меня не будет, а они ещё долго будут жить, спеть. Им до спелости ещё ой как далеко. Может даже твоей жизни не хватит.

– Ладно, Петрович, что-то ты сегодня на грустный лад настроился. То был всё радостный, радостный, праздничный, а то вдруг.

Сегодня тебя не узнаю. Не болеешь?

– Да вроде нет. Как было, так и есть. И, правда, что-то я сегодня загрустил некстати. А ты, Катюша, скоро институт закончишь?

– В этом году. Летом.

– Юристом станешь? Людей будешь судить?

– Пока не знаю.

– Если людей судить, то эта трудная работа. Осудишь и думай, как он там, человек-то этот, в неволе. Каково ему там. Я бы не смог. Ночь, наверное, не уснёшь, всё думать будешь. Ты не ходи людей судить, не соглашайся. Это очень и очень непросто. Я так думаю.

– Я тоже так думаю, Петрович. Но ведь можно и защищать людей, адвокатом стать.

– Ну, это лучше, конечно, чем судить. Тогда иди защищать людей.

– Как скажешь. Петрович, так и будет.

На перекрёстке дорог под самым селом Подгорное они купили в придорожном магазинчике бутылку шампанского, коробку конфет. Узнали у продавщицы, как разыскать в селе Нину Фёдоровну Серебрякову. Естественно, она была давным-давно не Серебряковой, а Забродиной, но разобрались и поехали к ней, на улицу Луговую, где справа стоят три двухквартирных дома из белого кирпича, а в среднем из них и живёт тётя Нина Забродина, в девичестве Серебрякова.

Неподалёку от среднего дома Петрович сказал:

– Остановись. Давай понаблюдаем.

Но наблюдать долго не пришлось. Вскоре распахнулась дверь тамбура, и из неё во двор выскочила тонкая светловолосая девчушка.

– Гляди ты, Нинка! Это она, – Петрович приподнялся с сиденья.

Вслед за девчушкой вывалилась на крыльцо довольно полная, коротко стриженная женщина. У неё явно болели ноги, она держалась за столбик крыльца. Прокричала вслед девчужке:

– Нинка, вертушка, не ходи, говорю тебе! Иди домой. Мать придёт вот – всё расскажу ей!

– Рассказывай, рассказывай, ты только и умеешь ябедничать, – ответила девчушка, убегая, легко перескакивая через лужицы.

– Ну, приди, приди домой, я тебе баню-то устрою, – продолжала негодовать женщина, а сама изучающе поглядывала на машину.

– Вот и Нинка моя. Она... – удивился Петрович. Голос его сразу

осел, сделался разочарованным. – Ну и ну. Не ожидал.

Катюша улыбалась, глядя на растерявшегося Петровича.

– Ну, узнал свою молодость? Как она?

– Тьфу ты, поехали, что ли, отсюда. Ничего, что помню, то и во мне. А это... Всё пустое.

– А может, зайдём, – предложила Катюша.

– Нечего... Поехали. Нет, отнеси ей пакет, скажи, что это от того, кто помнит её всю жизнь.

Катюша так и сделала. Но женщина наотрез отказалась принимать от незнакомого человека подарок. Тогда Катюша поставила пакет на скамейку и быстро пошла к машине.

Они выехали за село, Петрович молчал. А Катюша сказала:

– Да ты по сравнению с ней орёлик. А она... Развальня. Эта твоя Нинка-певунья.

– Не ругай её.

– Я не ругаю. Мне за тебя обидно.

– Всё. Приехали, – отмахнулся Петрович.

Он ощутил себя одиноко стоящим в реке времени. Оно, время, течёт, как текло, но мимо Петровича, обтекая Петровича со всех сторон. А он, как камень, как валун какой, не нужный времени, мешающий ему.

Подъехали к дому. Катюшина мать уже стояла у двери, наверное, давно поджидала дочь. Петрович услышал, как она выговаривала дочери.

– Катька, да что же это такое, путём дома не побыла, как опять с этим Петровичем поскакала. Ты что, сдурела, что ли. Люди-то вон уже поговаривают: чего это она к старому липнет. Стыдобушка.

– Мама. Ну, сколько можно говорить на эту тему! Прекрати! Мне так надо. А кто что подумает, кто что скажет... Это их дело.

Солнце закатывалось. С полей потянуло подмерзающей прохладой. Сделалось зябко. Петрович поспешил в тепло своей квартиры, не простившись с Катюшей.

Тем же вечером Катюша уехала. А Петрович остался раздумывать в одиночестве о себе, о жизни и ждать, ждать Катюшу. Он давно уже научился ждать.

Николай НАСЕДКИН

ЧЕХОВСКИЕ МОТИВЫ

Судьба писателя

Новелла

Большинство людей не знают дату своей смерти. И слава Богу!

Александр Павлович Словакин знал. Вернее, он сам эту дату и определил-назначил – пятница 29 января 2010 года. И речь-то, в общем, не о суициде, нет, просто Александр Павлович хотел, мечтал, подгадывал и стремился завершить путь земной именно в этот знаменательный день и неистово верил, что именно так и произойдёт-случится. А, как известно, неистовая вера творит порой чудеса.

Чуть менее чем через полгода, а именно 15 июля, ему стукнуло бы пятьдесят – славный для писателя рубеж, но он даже этот соблазн отринул: важнее показалось подгадать под другой, более значимый и эпохальный юбилей...

Николай Николаевич Наседкин – председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России с октября 2003 года.

Родился в 1953 году в Сибири. Окончил Московский университет им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. С 1982 года живёт в Тамбове.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Нева», «Урал», «Подъём», «Южная звезда», «Российский колокол» и др.

Автор книг «Осада», «Криминал-шоу», «Алкаш», «Меня любит Джулия Робертс», «Люпофь», «Самоубийство Достоевского», «Достоевский: Энциклопедия» и других, вышедших в издательствах Москвы, а также Польши и Черногории.

Вообще с этими датами-цифирью, старым и новым стилями, на первый взгляд, возникала какая-то *та-ра-ра-бумбия*, но Александр Павлович столь многое в своей *idée fixe* притянул за уши и пришил белыми нитками, что на мелкие несоответствия-несуразности с датами можно было и не обращать внимания...

* * *

Всё началось лет двадцать назад, когда у молодого провинциального учителя и по совместительству подающего большие надежды писателя Александра Словакина началась столичная часть судьбы. До этого в родном своём Баранове напечатали несколько его рассказов в областных газетах, пробился он пару раз в региональный «Подъём», тиснули его повесть в коллективном сборнике «Молодая проза Черноземья». И вот на волне первых успехов он сперва попал на какое-то тогда ещё Всесоюзное совещание молодых, где его без проволочек втащили-приняли в Союз писателей тогда ещё СССР. Потом его опубликовал престижный «Наш современник». И тут же (ну попёрло!) ему удалось поступить на Высшие литературные курсы при Литинституте и, проучившись два года, зацепиться в Москве – устроился редактором в только что родившееся книжное издательство «Голос», основал которое его земляк и в котором незадолго до того стотысячным тиражом вышел первый сборник повестей и рассказов Александра.

Вот в те-то благословенные опьяняющие дни первых литературных успехов, во время бурных застолий в общаге Литинститута или в Пёстром зале ЦДЛ, когда кто-либо из подпивших приятелей-пиитов по сложившейся вековой традиции кричал ему в глаза, мол, Сашка, ты тоже гений, он всерьёз и начал задумываться над этой проблемой. Поначалу он тоже дарил-разбрасывал «гениев» направо и налево и вполне искренне. Ну как можно смолчать, если твой ослотивший сотоварищ только что прокричал-провыл слезливым голосом свою очередную нетленку, всего тебя обрызгав пьяной слюной, ждёт взасос адекватного отклика-суждения, а перед этим уже сам одарил тебя «гением»?

Однажды в одной умной книжке Александр вычитал, что во все времена и во всём мире писатели чётко делились на четыре класса, четыре разряда, четыре степени, четыре уровня, четыре титула, че-

тыре звания, четыре сорта – всего че-ты-ре: гении, таланты, профессионалы и графоманы. Всё! Для примера ранжировались имена из русской словесности:

- 1) Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов, Булгаков...
- 2) Некрасов, Лесков, Писемский, Куприн, Шолохов...
- 3) Баратынский, Булгарин, Крестовский, Вересаев, Леонов...
- 4) Хвостов, Боборыкин, Бедный, Ананьев, Донцова...

Поразмыслив на трезвую во всех смыслах голову, Словакин началу решил записать себя в третий разряд, в профессионалы. В последний – четвёртый – ряд, само собой, не очень-то хотелось, хотя, если поразмыслить, любой разряд, любой ранг в литературе уже почётен. Главное, ты уже имеешь основное и ключевое звание-титул – *писатель*. Однако ж, хотелось-желалось повыше.

И тут Александр ещё более трезво размыслил: так ведь окончательный итог деятельности и, соответственно, ранг-величие писателя определяется вовсе не при жизни и даже, зачастую, далеко не сразу после смерти. Ну а на перспективу, если поставить цель и хорошенько потрудиться на ниве российской словесности, то можно замахнуться и на ступеньку повыше. Почему бы, например, не занять место рядом с тёзкой – Александром Ивановичем Куприным?

Определившись, Александр Павлович и взялся в разговорах, когда дело доходило до пьяной раздачи «гениев», то и дело обрывать: мол, никакой он, конечно, не гений, не Толстой и не Достоевский – дай Бог, уровня автора «Поединка», «Олеси» и «Гранатового браслета» достичь...

А дела его писательские между тем шли в гору. Тогда, в лихие девяностые, когда вся страна превратилась в *криминал-шоу*, его рассказы, повести и романы, круто замешанные на остром сюжете и наполненные социально-кровавой реальностью, быстро находили своего издателя и читателя. В «Голосе» одна за другой вышли ещё две книги, а затем, когда в родном издательстве начался кризис и уже стоящий в плане роман-эпопея «Бомж» застрял, Словакин предложил его крупнейшему российскому издательскому холдингу «АСТ», и книга вышла там. Ещё несколько рассказов и повестей

проскочило в журналах. Больше того, первую его книгу перевели и издали в Польше, Черногории, Болгарии...

Короче, фундамент для желанного титула «Куприн наших дней» создавался-строился вполне успешно. Да уже, можно сказать, и был создан, как вдруг тихой сапой в бурлящей российской литературе появился ещё один провинциал, почти что земляк и хороший знакомец Словакина – Слава Дёгтев из Воронежа. Сначала он набузил в своей чернозёмной столице – произвёл переворот в замшелом журнале «Подъём», став там на какое-то время главным редактором, затем выступил в «ЛитРоссии» с каким-то революционным манифестом от имени молодых писателей, его энергичные рассказы начали нарасхват печатать в столичных изданиях, а критики, да и сам Вячеслав в интервью, всё чаще взялись сопрягать фамилию Дёгтев с фамилией Куприн: мол, Дёгтев – это Куприн сегодня!

Словакин начал было сокрушаться по этому поводу, но быстро вспомнил старую истину: всё что ни делается – к лучшему. Тем более, что в жизни-судьбе его именно в этот период, на рубеже веков, стряслись кардинальные перемены. Он снова женился и, главное, – бросил пить.

Первое произошло случайно. Прежнюю жену-училку Словакин оставил в Баранове и никогда об этом не жалел – сошлись они по молодости, по глупости, когда оба учились в пединституте: любви горячей не испытали, детей, слава Богу, не нажили...

Александр решил-наметил больше не связывать себя узами брака, довольствовался случайными подружками, тем более, что для стабильных серьёзных отношений и условий не было – он снимал замызанную квартирёнку в Зеленограде, куда приличную женщину и пригласить было зазорно.

И вот теперь судьба одарила его встречей с Олей, Ольгой Леонидовной, к тому времени уже вполне зрелой женщиной 32-х лет. Вернее, как одарила? Самое прикольное, что они работали бок о бок почти десять лет – в издательстве «Голос». Когда коллектив ещё был большим, пути их как-то не пересекались, хотя кой с какими бойкими издательскими девчонками холостяк Словакин интрижки крутил. Ольга успела за это время и замуж сходить, и развестись, и теперь проживала одна в двухкомнатной квартире на Добролюбова – совсем рядышком с общагой Литинститута. Так что

когда Александр взялся провожать Ольгу до дома – места оказались ему родные и близкие.

А началось всё у них, как и водится, случайно. В издательстве к этому времени осталось вместе с директором-основателем всего пять человек, но пока крутились-выживали. И не унывали. Как и в прежние времена частенько трудовой круговертный день завершали корпоративной пьянкой-гулянкой – то праздник какой, то автор изданной книги поляну накрыл, то день рождения чей-то случился. Вот после одного из таких застолий Александр и проснулся утром в незнакомой постели под незнакомой люстрой. Как оказалось – на Добролюбова.

Поначалу Словакин решил было отнестись к этому как к очередному секс-приключению, не больше, тем более, что об Ольге решительно ничего нельзя было сказать, кроме того, что она пухленькая и не безобразная. Но, к искреннему своему удивлению, он вновь оказался в постели пухлявой Оли через неделю... И – пошло-поехало, пока не завершилось походом в загс и переездом Александра Павловича из Зеленограда в Северо-Восточный административный округ города Москвы.

С первой женой у Словакина дети как-то не получались. Впрочем, поначалу, ещё студентами, они полстипендии тратили на презервативы, а потом, когда последние всплески чувств угасли, перспективы чадорождения сами собой отпали-испарились. С Ольгой они сразу решили как можно быстрее зачать хотя бы одного наследника, но как ни старались, потев в постельных сладостных трудах до изнеможения, результатов не было. Кинулись в конце концов по врачам – диагноз-вердикт поверг Александра в уныние: бесплоден он. Правда, один врач, совмещающий в своей лечебной практике последние достижения медицины и дремучее знахарство, взялся помочь беде, но сразу и жёстко поставил условие: бросить пить и курить немедленно.

Это удивительно как совпало с желанием самого Словакина. Курить он бросил ещё за три года до того, переболев жесточайшим воспалением лёгких, да и с питием уже пытался завязать раза три всерьёз: прошёл через общество анонимных алкоголиков, пил какие-то специальные чаи и даже подшивался – увы, самое большее выдерживал полгода. А пьянки здорово-таки мешали главному и

основному в жизни – творчеству. Словакин принадлежал к тому подавляющему меньшинству сочинителей, кои, выпив хотя бы кружку пива, не говоря о чём-либо покрепче, творить уже не могли. Так что кружка пива или полстакана водки стоили двух-трёх страниц нового текста, а уж загул на неделю, две, а то и три (что стало случаться с Александром всё чаще) перечёркивал на хрен целый рассказ, а то и повесть. А чего стоят кошмарные ночёвки в вырезвители (сподобился раза три-четыре!), пьяные семейные скандалы, похмельные конфликты на работе, всё возрастающие проблемы со здоровьем. А сколько уже знакомцев-ровесников сгинуло по пьяной дури, отправилось на тот свет раньше срока, так и не протрезвев... Нет, завязывать давно уже было пора!

Этот же доктор-знахарь пообещал вначале отрезвить Александра с гарантией не менее чем на десять лет по уникальному методу «двойной замок», затем вернуть ему радость отцовства, и за всё про всё надо выложить всего-то чуть более полутора тонн зелени, в переводе на российские – пятьдесят тысяч рублей. Наскребли, заплатили. С завязкой питья помогло – как отрезало. С завязью нового плода – не очень. Правда, Ольга раза два беременела, но дело заканчивалось выкидышем на ранней стадии...

Впрочем, вскоре мечты о ребёнке-наследнике, по крайней мере у Александра, сошли на нет, сгинули. Когда ему исполнилось сорок четыре, какая-то цепь судьбоносная замкнулась, и окончательно в голове его сформировалась-высветилась вот эта его *idée fixe*, которая заполнила без остатка все оставшиеся годы жизни и определила-сформировала финальную сцену судьбы. Именно в сорок четыре, зацепившись за возрастную аналогию с судьбой Антона Павловича Чехова, писатель Александр Павлович Словакин начал разматывать (или, наоборот, наматывать) клубок совпадений-подсказок, точек соприкосновения между ним и автором «Вишнёвого сада».

Не говоря уж о полном совпадении отчеств, ведь и фамилии явно перекликались – где Чехия, там рядышком, бок о бок и Словакия. Мало этого, но они ведь и, можно сказать, настоящие земляки: отец Чехова выходец из Воронежской губернии, мать и вовсе из тамбовского Моршанска. Оба в Москву перебрались из самой что ни на есть российской глубинки. Оба начинали с юмористики и всерьёз

публиковаться начали в 20 лет. Да даже через жён какая-то переключка аюкалась: обе на восемь лет моложе своих мужей; одна Ольга Леонардовна, вторая – Ольга Леонидовна. Да и детей-наследников в обеих семьях нет...

Понятно, что все эти поиски аналогий-сходств поначалу носили несколько шутейный характер. Тем более, что Словакин хотя и знал творчество Чехова на уровне студента-филолога, но близким себе по духу писателем его не считал: ему роднее были Достоевский, Толстой, Булгаков... В своё время ещё и неудачные постановки «Чайки», «Дяди Вани» и «Вишнёвого сада», на которых довелось ему подряд побывать, отвратили его от Чехова-драматурга. Но вот теперь он разыскал в своей домашней библиотеке пару томиков прозы Чехова, проглотил залпом, тут же пробежался по букинистическим отделам книжных магазинов и отыскал-купил академический 30-томник Чехова издания 1980-х. Стоил он пустяки по нынешним временам, всего-то три тыщи, но и выглядел соответственно: сверху голубенький коленкор обложек с полустёршейся позолотой букв, внутри плохо пропечатанный текст на пожелтевшей газетной бумаге – типичное советское массовое издание.

Он прочёл-впитал тридцать томов от первой до последней буквы – с предисловиями, вариантами, комментариями и примечаниями. Магия чеховской прозы не совсем была ясна Словакину. Некоторые вещи («Скучная история», «Дом с мезонином», «Дуэль», «Дама с собачкой»...) буквально сбивали ритм его сердца, и он долго ещё ходил после прочтения потрясённый, качая от упоения головой и сам с собой разговаривая. Пытаясь хоть как-то определить своеобычность внешне простой прозы Чехова, он сформулировал это так: можно спародировать стиль-письмо Достоевского, Толстого и даже Бунина, а вот Чехова – и пытаться нечего!

Естественно, следом за собранием сочинений Словакин проглотил ещё и несколько биографических книг об Антоне Павловиче. Он буквально заболел Чеховым! И всё чаще, всё настойчивее размышлял о вероятности-возможности реинкарнации. А что, почему бы и нет? Чехов родился в 1860-м, а ровно через век – он, Словакин. Более того, родился именно 15 июля, в день, когда Антон Павлович из жизни ушёл. И пусть по старому стилю это было 2-е число – сама дата, 15 июля, засветившаяся в биографиях обоих, крас-

норечива и важна. Тогда же у Александра и мерцнула мысль: а что, если б ему было суждено уйти из жизни, скажем, 15 июля, именно в день ухода Антона Павловича и свой день рождения? Или, ещё лучше и сопряжённое, – 29 января, в день его рождения? И, само собой, тогда же начал и зарождаться-оформляться сценарий финальных минут: мол, хорошо бы уйти из этой жизни не случайно и внезапно в результате несчастного случая или от банального инфаркта, а торжественно и сценично как Чехов – произнести-выдохнуть на немецком «Ich sterbe...» (хоть врач рядом будет и русский), выпить бокал шампанского, взглянуть последний раз на плачущую жену и, отвернувшись к стене, утихнуть навсегда...

Смущали Словакина в зарождающейся мечте два обстоятельства. Первое: он уже достиг возраста Антона Павловича, но умирать пока вроде не собирался – наоборот, после нескольких лет трезвости организм его начал работать как часы, он явно помолодел и встряхнулся. А второе: проведя ревизию всего им написанного, Александр Павлович обнаружил, что выдал к своим сорока четырём годам всего томов 15, из которых издано было только 11, так что о 30-томнике пока оставалось только мечтать. Причём, четыре готовых к изданию книги (два романа и два сборника повестей и рассказов) застряли напрочь: свой родной «Голос» теперь издавал авторов только за их счёт или на деньги спонсоров, а крупные коммерческие издательства вроде «АСТ» или «Эксмо» такую прозу, созданную, скажем так, в русле русского классического реализма, отметали начисто.

Впрочем, мечтать и расстраиваться Словакин не стал, а поставил перед собою чёткую сверхзадачу: работать на будущее (ведь не вечно же этот коммерческий хаос-беспредел будет длиться и в жизни, и в литературе!) – упереться рогом и выдать на гора собрание своих сочинений аналогичное чеховскому. Причём, 30-томник в полном смысле слова – в виде готовых оригинал-макетов с предисловиями и комментариями к каждому тому. Таким образом, его грандиозный план-проект сложился из двух составляющих – творческой и технической. Созидательной компоненте он решил посвящать вечера и выходные; производственно-технической – рабочие дни. В «Голосе» он уже давно помимо редакторской практики занимался макетами и даже оформлением, так что проблем с этим не воз-

никло. Теперь он быстренько лепил в Adobe PageMaker очередной издательский макет-заказ, а в оставшееся время в той же программе строил-творил макет очередного тома своего ПСС. Всё делалось профессионально: на обороте титула указывались и ББК, и УДК, и даже ISBN (правда, на всех томах один и тот же – Словакин взял его со своей книги, вышедшей в «АСТ»), и авторский знак, и копирайт; каждый том открывался фотопортретом автора соответствующего возраста; в примечаниях подробно рассказывалось, когда и где было создано произведение, где впервые опубликовано, комментировались отдельные слова и выражения, могущие быть непонятными для будущих гипотетических читателей.

Если техническая часть проекта претворялась в жизнь методично и без помех, то созидательно-творческая осуществлялась медленнее, чем хотелось бы. Словакин был писателем старой формации, то есть творил медленно, мучительно – не постранично, а пофразно, пословно и даже побуквенно. Черновики к 600-страничному роману «Бомж» занимали четыре толстенных папки – 3000 страниц: дважды переписывал всё от руки и дважды на пишмашинке... Почти два года работы! И теперь, хоть он и шаггал в ногу со временем, в последние годы писал-выдавал текст сразу на компьютере, однако ж процесс от этого убыстрился мало. Так же по три-четыре раза, надсаживая глаза, перелопачивал текст на экране, затем черкал-правил одну распечатку, вторую, а то и третью, пока не признавал работу законченной. Такими темпами, уж разумеется, тридцатитомник выдашь не скоро. Если вообще выдашь.

Необходимо было кардинально менять методы творчества. Понятно, что при любых усилиях за той же Дарьей Донцовой не угнаться: 10-12 «романов» в год – это из области сказок или анекдотов. Но вот на самого Антона Павловича Чехова равняться следовало: ведь он в расцвете сил как раз выдавал в год не менее чем по увесистому тому прозы. А когда Словакин потщательнее просчитал-увидел ситуацию, то замысел и вовсе стал казаться вполне доступным. Ведь проза и драматургия в собрании сочинений Чехова занимает всего 18 томов, так что ещё тома два повестей и рассказов, да том пьес (а наброски двух-трёх комедий и одной драмы уже давно лежат в столе) сочинить очень даже реально, ну а на остальные тома наберёт и досочинит статей, интервью, рецензий, писем...

* * *

Утром 29 января 2010-го последние сомнения Александра Павловича оставили: он предчувствовал, он знал, что сегодня, ближе к вечеру, *это* произойдёт-свершится. Это будет так символично: Антон Павлович ушёл из жизни в день его рождения, не дожив до 45-летнего юбилея полгода; он, Александр Павлович, окончит земной путь в грандиозно-юбилейный день рождения Чехова, не дожив до собственного 50-летия тоже почти шесть месяцев...

За эти пять лет напряжённейшего изнурительного труда организм Словакина окончательно надорвался-сдал. Он потерял более двадцати килограммов веса, обтянулся сухой кожей, был бледен, как сама смерть – сказались и дурное питание (до еды ли было!), и согбенное непрерывное бдение за монитором, и недостаток свежего воздух (в последний год он бросил работу и вообще не выходил из дома), и злоупотребление снотворными таблетками. Сомнений у него не оставалось: он непреложно, как какой-нибудь пустынный старец, умрёт-истает в назначенный самим собой час. В мыслях почему-то то и дело мерцало: «Дёгтев вон в сорок пять умер...» Впрочем, он тут же себя встряхивал: да, Слава Дёгтев хоть и умер практически в самом что ни на есть чеховском (а не купринском!) возрасте, но здоровьем – трагически и внезапно, от обширного инсульта...

Утром Ольга Леонидовна привезла последний том собрания сочинений. В знакомой типографии за вполне умеренную плату одели-оформили все 30 макетов в настоящие переплёты – тёмно-синего цвета с золотым тиснением букв: «А. П. Словакин. Собрание сочинений».

Александр Павлович уже три дня, завершив окончательную распечатку последнего макета, не вставал с дивана, где спал в последние годы. Не встал с постели и теперь. Над диваном на стене висел под стеклом большой фотопортрет А. П. Чехова – его безмолвный собеседник в бессонные ночи. Жена, уже давно уставшая спорить с упорными причудами своего свихнувшегося мужа, принесла по его просьбе тазик с водой, помогла ему умыться, надеть свежую белую рубашку и оставила одного. До самого вечера Словакин брал один за другим томики своего ПСС, гладил переплёты, перелистывал, прочитывал абзац, страницу, а то и весь рассказ или главу романа, плакал...

В шесть часов, когда за окном окончательно стемнело, он сам себе сказал: «Пора!» и позвал Ольгу Леонидовну. Она, прекрасно зная сценарий, с лёгким ворчанием внесла на подносе бутылку шампанского (самое дорогущее – 2900 рублей бутылка!) и бокал с высокой ножкой. Врача на этот момент Александр Павлович уже давно решил не вызывать (ещё откачает в последний момент!), так что ждать было больше некого и нечего, пора было приступать к финальному действию.

Ольга Леонидовна долго возюкалась с бутылкой, еле открыла, пролив половину вина на палас, наполнила бокал. Поглядела сквозь бутылку на свет, наверняка решила, что потом допьёт, подала шипящий бокал мужу. Он трясущейся то ли от слабости, то ли от волнения рукой взял, чуть расплескав, перекрестился, взглянул зашевелившимися глазами сначала на портрет Чехова, потом на жену и обречённо выдохнул:

– Ихь штербе...

Залпом выпил весь бокал, закашлялся, вытер рукавом рубашки рот и убедительно выдал оставшиеся от сценария слова:

– Давно я не пил шампанского...

Затем отвернулся к спинке дивана и – затих.

И вот в этот момент Ольге Леонидовне наконец-то стало по-настоящему страшно...

* * *

В субботу 30 января в нижнем буфете ЦДЛ некоторые завсегда-тай с удивлением узнавали в худом и безобразно пьяном человеке писателя Словакина. В его хмельном бормотании можно было разобрать что-то про «десять лет ни капли в рот не брал», «Антону Павловичу сто пятьдесят лет» и «тридцать томов»...

Зрелище было довольно жалкое.

Январь 2010 г.

Сто двадцать лет спустя

Скучная история

I

Чеховская «Скучная история», когда прочёл впервые 45 лет назад, конечно, не произвела на меня и сотой доли того впечатления, каковое производит сейчас, когда я сравнился возрастом с главным героем. А тогда, в 17 лет, меня лишь поразило, что он, главный герой, – мой полный тёзка, тоже Николай Степанович. Фамилия его в повести не упоминается, вернее, зашифровывается словцом-определением «такой-то», так что и я в этих вот своих записках тоже буду так себя именовать.

Не знаю, может, я подсознательно к этому стремился, хотя вряд ли, но судьба моя сложилась-сформировалась так, что текст чеховской повести по прошествии бездны лет начал перекликаться с моей жизненной повестью, так сказать, цитировать её. Или, наоборот, моя цитирует чеховскую. Так что ничего удивительного, что я теперь то и дело перечитываю её как собственный дневник.

«Есть в России заслуженный профессор Николай Степанович такой-то, тайный советник и кавалер; у него так много русских и иностранных орденов, что когда ему приходится надевать их, то студенты величают его иконостасом. Знакомство у него самое аристократическое; по крайней мере за последние 25-30 лет в России нет и не было такого знаменитого учёного, с которым он не был бы коротко знаком. Теперь дружить ему не с кем, но если говорить о прошлом, то длинный список его славных друзей заканчивается такими именами, как Пирогов, Кавелин и поэт Некрасов, дарившие его самой искренней и тёплой дружбой. Он состоит членом всех русских и трёх заграничных университетов. И прочее, и прочее. Всё это и многое, что ещё можно было бы сказать, составляет то, что называется моим именем.

Это моё имя популярно. В России оно известно каждому грамотному человеку...»

Практически это и обо мне! Разве что официальный устарев-

ший чин *тайный советник* надо поменять на нынешний неофициальный титул «литературный генерал», *учёного* на писателя, а *Пирогова, Кавелина и Некрасова* на *Леонова, Астафьева* и *Рождественского*...

Правда, в отличие от того Николая Степановича, я не профессор-медик, а профессор-литератор – преподаю в Литературном институте, автор нескольких романов (два-три из которых неизменно входят в списки «классических» произведений XX века, переведены на многие языки), главный редактор «толстого» журнала, секретарь правления Союза писателей России...

И ещё я разнюсь с замшелым моим тёзкой из XIX века, который сам себя называет стариком, портретами. У меня, слава Богу, в мои 62 года нет ни лысины (так, еле заметная проплешина и даже седины чуть-чуть), ни хронического *tic'a*, ни хронической трясушки рук и головы (разве что с большого похмелья), ни *старчески мертвенных морщин*, зубы мои почти все целы, грудь совсем не впалая и спина не узкая. И, думаю, ни у кого при взгляде на меня пока ещё не возникает *внушительная мысль*, что-де я собираюсь вскоре умереть.

А впрочем, может быть, я уже излишне хорохорюсь и бодрюсь? Надо признать, в последние года два я очень сильно сдал, – с тех пор, как формально стал пенсионером. Я почувствовал вдруг безмерную внутреннюю усталость (тому были другие причины – но о них потом), стал безобразно много пить, перестал поддерживать форму, утратил наслаждение движением. А ведь ещё года два-три тому я на даче то и дело наматывал по 15-20 километров в день на своём скоростном велосипеде «Stels», зимой регулярно катался на лыжах, по утрам делал зарядку и принимал контрастный душ...

Куда всё делось?!

Но всё равно и сейчас ещё в свои лучшие трезвые дни я держу себя молодцом, быть стариком не соглашаюсь. Я хорошо знаком с вечно молодым «пастухом» Зельдиным и когда при встречах пожимаю его крепкую руку или, тем более, когда вижу, как он поёт и танцует вживую, всегда думаю: «Господи, а я ведь моложе его на тридцать с лишним лет!»

Действительно, ну разве можно в шестьдесят два записываться в старики?! Меня вот это сейчас более всего и поражает в «Скуч-

ной истории»: Чехову было в момент её создания менее 30, основному прототипу героя, профессору Бабухину, – немногим за 50... Чего уж было так специально старить Николая Степановича, вернее, подчёркивать его именно старческую дряхлость?! Конечно, профессор чем-то сильно болен и предполагает через полгода вовсе уйти в мир иной, но смертельная болезнь и старческая возрастная дряхлость – вещи-понятия всё же разные. И ведь как достоверно и убедительно молодой Чехов передал мысли, ощущения, состояние старого, уставшего от жизни человека! Это подтверждали и читатели-ровесники главного героя вроде Плещеева и Льва Толстого...

Но если поразмыслить и сопоставить кой-какие обстоятельства и факты, то удивляться здесь особо нечему. Первое: Чехов, как и положено Писателю (без претенциозной большой буквы здесь не обойтись!), в момент создания произведения, тем более в форме исповедальных *записок*, полностью перевоплотился в своего героя, начал жить его жизнью, чувствовать его чувствами, болеть его болями и болезнями. Иными словами, «Скучную историю» написал не Антон Павлович Чехов, а именно и непреложно сам Николай Степанович *такой-то*. Можно назвать этот приём перевоплощением, выступлением писателя под маской, но ещё вернее будет сказать, что в момент создания «Скучной истории» не было Чехова, а был профессор Николай Степанович – писатель-гомункул. В таком же ключе написаны-созданы, скажем, «Журнал Печорина», «Записки из подполья», «Театральный роман»... Пытался вспомнить-привести пример из нынешней нашей словесности – на ум приходит разве что «Портрет и вокруг» Маканина да мой роман «Фармацевт». Жанр-приём чрезвычайно трудный и редкий!

(Замечу в скобках, что бывают случаи, когда писатель не создаёт в произведении другого автора, а как бы дублирует самого себя, как, например, Горький в автобиографической трилогии, Гарин-Михайловский в своей тетралогии или нынешний Лимонов почти во всех своих произведениях, и здесь, конечно, не вызывает сомнения тождественность почти полная между автором и автором-героём в главных чертах характера и поступках. Это совсем другой литературный приём, и он сразу понятен-виден любому искусственному читателю.)

Но, возвращаясь к «Скучной истории», перевоплощение автора

в героя – только одна сторона дела. Вторая: Чехов явно принадлежал к тому типу людей, биологический возраст которых намного опережает их возраст календарный. На последних своих портретах (да и по свидетельствам современников) он выглядит намного старше своих сорока с небольшим лет, и, доживи он до 62-х, можно не сомневаться, выглядел бы и ощущал себя глубоким стариком, – в точности, как Николай Степанович. К слову, в самой ранней юности у Чехова в домашнем кругу среди прочих было прозвище Старец и один из многочисленных его псевдонимов в юмористике соответствующий – Юный старец.

И кто ж теперь, кроме Господа Бога, может знать, где здесь следствия, а где причины: то ли Антон Павлович сумел так проникнуться жизнью героя-старика потому, что сам взрослел-старился стремительно (год за два!); то ли он так рано состарился и умер потому, что постоянно внутренней жизнью, сознанием обгонял свой возраст и время? Чехов проживал, вот именно, год за два и в 44 года оставил после себя наследие по значению, да и по объёму не меньше Достоевского (59 лет), Тургенева (64), не говоря уж о Куприне (68) и Бунине (83).

Я же, наоборот, всегда выглядел значительно моложе своих лет. И, к стыду своему, признаюсь, что чрезвычайно этим гордился. Точно в этом есть моя заслуга. Она, заслуга, разве в том, что я сам себя не считал (и не считаю!) стариком, бодрюсь и пыжусь изо всех сил, подтягиваю живот, делаю по утрам зарядку; да ещё и в том, вероятно, что с юности и до недавнего ещё времени был довольно умерен (не по-писательски!) в вине и табаком баловался только в подростковом возрасте.

Но всё же гордиться-чваниться молоджавостью мне, писателю, после рассуждений о наследии классиков довольно смешно. Последняя моя книга вышла семь лет назад, к моему 55-летию, и – как отрезало. С тех пор я практически ничего не создал. Мои студенты, самые язвительные, злорадно констатируют: мол, исписался старик! Они меня, несмотря на мою молоджавость, конечно же, держат за старика...

А вот бессонница – да-а-а... В этом я *того* Николая Степановича очень даже понимаю. Всё, что написано мною – написано по ночам. Но если раньше, когда всё это писалось-создавалось, я с на-

слаждением отрывал время от сна, мог, позабыв о времени, прокорпеть за столом до рассвета, то теперь бессонница, хоть и не каждую ночь, но когда я трезвый или с похмелья тоже привязывается ко мне. *Как и прежде, по привычке, ровно в полночь я раздеваюсь и ложусь в постель.* С женой мы теперь, с тех пор, как сын с глаз долой съехал-перебрался окончательно на дачу, обитаем в разных комнатах. (Впрочем здесь дело не только в сыне, но об этом после...) Я долго ворочаюсь в постели, но, в отличие от тёзки, в такие бессонные ночи вовсе не могу заснуть. Поворочавшись, встаю, завариваю на кухне в большой кружке пакетиковый зелёный чай, вскрываю плитку тёмного шоколада (моё любимое лакомство), иду в свою комнату, включаю опять компьютер, запускаю Word, открываю файл с текстом, который сам именую «новым романом», тупо смотрю с полчаса на экран, поправляю одно-два слова... Голова начинает от напряжения болеть, я чертыхаюсь и, закрыв-спрятав текст, с облегчением выхожу погулять по свалкам Всемирной Сети или запускаю «Паука» – раскладываю виртуальный пасьянс. Порой я выключаю компьютер и что-нибудь *читаю без всякого интереса.* Так, недавно в одну ночь я прочёл машинально целую книгу под странным названием «Когда мы стали животными».

Но часа в четыре утра я всё же отрываюсь с красными глазами от монитора или книги, принуждаю себя лечь в постель и худобно засыпаю.

Это – в лучшие ночи. В худшие, я, помаявшись в ночном бессонном одиночестве, достаю из заначки бутылку своего любимого белого мартини, решаю выпить лишь один бокал, но, как правило, увлекаюсь, допиваю бутылку до конца, конечно же, после этого погружаюсь в мучительные сновидения и с тоскливым осознанием, что наутро мне будет скверно...

Кстати уж выскажу здесь крамольную мысль: людям стоило бы спать по 12 часов в сутки. Когда я слышу или читаю, как какой-нибудь недоумок утверждает-пропагандирует, что-де спать надо как можно меньше, мол, на сон уходит часть жизни, и сам он спит по пять-шесть часов, не больше, – я раздражаюсь. Подумаешь, Чехов какой выискался или Менделеев! Да подавляющее большинство людей всё время, свободное от сна, занимаются тем, что губят собственное здоровье и, вот именно, как раз сокращают свою жизнь, а

попутно портят-уничтожают окружающую среду-природу. Нет, я твёрдо убеждён: когда человек спит, он, по крайней мере, не мучается сам и не мучает других людей. Сам я, когда изредка, в болезни или от большой усталости, умудряюсь спать подряд часов девять, а то и десять – я счастлив. Какие ясные, какие светлые грёзы сняться в таких долгих дрёмах!..

Часов в шесть закрытую дверь моей комнаты начинает терзать когтями и утробно мявкать наш кот Фарисей. Я лишь переворачиваюсь с боку на бок, осаду выдерживаю. Но вскоре на кухне, которая от меня через стенку, начинают звякать посудой и бубнить жена с дочерью. Я всё же, зарывшись с головой в одеяло, ещё раз умудряюсь задремать и обыкновенно не слышу, как Лера убегает, по привычке опаздывая, на работу.

Около девяти дверь моя тихонько приоткрывается, жена вполголоса спрашивает:

– Ты ещё спишь?

Если я не откликаюсь, она дверь затворяет, при этом ворча:

– Сам же говорил, чтобы в девять будить!..

Я на всякий случай ещё раз мысленно пролистываю план дня: в институт сегодня к одиннадцати, в редакцию можно к трём... Спешить некуда. Я позволяю себе ещё полчасика покомарить.

Потом мы сидим с моей Лидией Петровной на кухне, с неохотой пьём чай. Она – потому что уже пила его с Лерой; я – понятно почему. Жена говорит без остановки, хотя я бы с удовольствием посидел в тишине, подумал свои куцые думы.

– Нет, ну ты представляешь, Фарисей опять изодрал диван в гостиной! Нет, надо всё же обрезать ему когти!..

Нашему рыжему коту-патриарху уже почти 17 лет. (В книгу Гиннеса пора!) Для нас он давно уже не то что третий ребёнок, он самое родное и близкое существо, так что все эти разговоры про отрезание когтей – пустое сотрясение воздуха.

– Надо его вообще усыпить, – говорю я.

– Ты опять не в духе? – тревожится жена. – Что-нибудь болит?

– Душа болит, – кривлюсь я и решительно отталкиваю чай. – Знаешь, я всё же выпью лучше пива?

Звучит это как вопрос, но мы оба знаем, что это утверждение. Лида кривится, но я достаю из холодильника литровый баллончик

«Очаковского», наливаю в кружку, жадно пью. Жена смотрит. Вся её грузная фигура, расплывшееся лицо выражают осуждение. Плевать! Это раньше, когда Лида была *той самой тоненькой* Лидой, которую я страстно полюбил за хороший, ясный ум, за чистую душу, красоту и, как *Отелло Дездемону*, за «состраданье» к моему творчеству, – вот тогда я боялся лишней раз расстроить её. Желая всё же сдуть мой поднимающийся тонус, она сообщает:

– Представляешь, Лера себе ещё и верхнюю губу проткнула, вставила туда кольцо...

– Как же она теперь со своими субликами целоваться станет? – усмехаюсь я.

Усмешка моя горька. Дочь вроде не дура, пошла по стопам матери в журналистки, устроилась с недавнего времени в «Московский комсомолец», но никак не повзрослеет. Ей уже 28, но по виду она тоже очень даже отстаёт от своего возраста, ссылаясь теперь на то, что в газете ведёт тему тинейджеров. Именно поэтому-де она вся в пирсинге, тату, красит волосы в ярко красный цвет, пьёт пиво прямо из бутылки, курит и исповедует свободную любовь. Как-то в Итернете я наткнулся случайно на её фотографии в стиле «ню»: смотрит спокойно в объектив, позирует... Зачем? А недавно я слышал, как она разговаривала с кем-то по мобильнику: «Ну ты, блин, ваще!.. Твою мать!.. Зашибись!.. Пошёл на хер!..» Я поплотнее прикрыл дверь своей комнаты и включил приёмник погромче. Говорить с ней, особенно в последнее время, невозможно – на любое замечание один ответ: мол, ты, папочка, своих молодых подружек учи... Слава Богу, Валерия подписывает свои материалы фамилией матери и вообще не афиширует, что она моя дочь. Хоть на это у неё ума хватает.

– Ты в выходные не поедешь со мной на дачу? – спрашивает безнадежным тоном жена. – Поговорил бы с Димой... Ему нельзя там одному жить – неужели ты не понимаешь?..

Понимать-то я понимаю, да что толку. Дмитрий, сын, ему 25, погибает окончательно. Я это знаю. И от бессилия порой, закрывшись в комнате, тихонько плачу. Он бросил университет на втором курсе (тоже пытался стать журналистом), буквально добровольцем отправился служить, попал на Кавказ... Прошло уже три года, Дима сейчас почти не хромает, но вот именно часто *болен тис'ом* – порою

правое веко у него начинает странно дёргаться, словно он подмигивает. В такие минуты лучше с ним не разговаривать и вообще лучше отойти подальше... Впрочем, я и так его в эти три года видел редко, а теперь и вовсе почти не пересекаемся. На что он живёт, я не знаю. Знаю только по рассказам-стонам жены, что он шляется по ночным клубам да ресторанам. Я всё надеялся, что Дмитрий перебесится, упьётся вдоволь и остановится, а он начал нюхать всякую дрянь, курить, а потом и колоться. Жена пробовала уговорить его лечь в клинику – бесполезно...

– Нет, радость моя, – говорю я устало, – никуда я с тобой не поеду. Гене я скажу – он тебя отвезёт. А мне поработать в выходные надо – ты же знаешь, роман к Новому году хочу дописать...

Лида скептически поджимает губы: знаем, мол, как ты роман пишешь.

– Кстати, деньги в доме совсем кончились. Вам, что же, зарплату вчера не дали?

– В институте сегодня дадут, а в журнале – к концу недели...

Я быстро допиваю пиво, встаю из-за стола и спешу в свою комнату-берлогу. Как же мне всё это надоело! Меня, кстати, более всего бесит вот это постоянное и непрерывное повторение одних и тех же слов, предложений, фраз, мыслей, мнений, суждений. Все вокруг говорят и повторяют одно и то же изо дня в день. Вот ведь на что жизнь уходит-сжигается – на повторение и на выслушивание одного и того же...

Не-вы-но-си-мо!

II

В половине одиннадцатого я выхожу из дома и пешком отправляюсь в институт. Живу я на Малой Дмитровке, так что ходу неспешным шагом всего с четверть часа.

Середина декабря, а первый снежок только-только выпал. И от этого дышится даже и в самом центре Москвы как-то легко. Прохожу мимо памятника Пушкину в белой шапочке, смотрю на него, киваю головой: «Привет, Александр Сергеевич!» На лавочке рядом с ним мы когда-то, бездну лет назад, любили сидеть с Лидой. Целоваться прилюдно тогда не было принято, но мы не меньшее счастье-потрясение испытывали от соприкосновения наших рук... И

ведь были мы не так уж и молоды – ей 30, мне 32, а вели себя как подростки. Господи, ну неужели и это всё было?!

Раньше я, выбравшись из толчеи подземного перехода, продолжал путь по Большой Бронной, но с тех пор, как в правом углу площади вместо привычного кафе соорудили «Макдональдс», предпочитаю идти к институту по Тверскому. Когда я был добродушнее, эта американская забегаловка с её дебильными гамбургерами, чизбургерами и картошкой фри, переполненная снобствующей публикой (приобщились к западной цивилизации!), напоминала мне муравейник, теперь же эта картина вызывает у меня совсем отвратные ассоциации – громадный труп койота в месиве червей-посетителей. Бр-р-р!

Настроение у меня ни к чёрту, так что я вполне, кажется, готов вслед за чеховским профессором начать брюзжать по поводу мрачного неухоженного вида институтских ворот, построек, сада... Да, и здание Литинститута, и старое здание университета на Моховой, где преподавал мой тёзка и где мне доводилось бывать не раз, – за минувшие сто с лишним лет новее и, может быть, ухоженнее не стали, но теперь аура истории всё скрашивает-смягчает. *На свежеего мальчика, приехавшего из провинции и воображающего, что храм литературы и в самом деле храм*, ворота и здание Литературного института («Дома Герцена») производят очень даже *здоровое впечатление*. К слову, второе здание университета на Моховой, где располагается факультет журналистики и где училась, а потом работала моя жена, где учились и мои дети, внутри действительно производит впечатление неприглядное, оно ещё в студенческие годы Лиды обветшало без капремонтов изрядно, но она до сих пор вспоминает-подчёркивает с гордостью, что училась и работала именно в этом старом здании университета, а не в современных высотках и стекляшках на Ленинских сиречь Воробьёвых горах. У меня же, слава Богу, и альтернативы не было: здание у Литинститута одно, так что и в студенческие, и в аспирантские годы я учился-обитал в благодатной атмосфере, где витают тени Герцена, Гоголя, Белинского, Платонова, Пастернака... Скоро в углу институтского двора на месте хозпостроек выстроят двухэтажную современную коробку учебного корпуса, и новым поколениям студентов не дано будет ощущать вдохновляющую ауру исторических стен.

Но вот насчёт сада или скорее скверика институтского я с Николаем Степановичем в принципе согласен: лучше бы вместо *чахоточных* деревьев и кустов *росли тут высокие сосны и хорошие дубы*. Под сенью могучего дуба студенты, быть может, сочиняли бы не *чахоточные* стихи и рассказы, а совсем даже наоборот.

Первый, с кем сталкивает меня судьба при входе в институт, поэт Рейдер. Вот уж не задался день, так не задался! В нашей творческой альма-матер среди моих коллег вообще на удивление много неприятных особей, но вот именно с Рейдером общаться у меня совершенно нет охоты. Понятно, все мы, пишущие-творящие, мним себя гениями, но не до такой же степени! Во времена оны Рейдер сподобился пообщаться с Бродским и, судя по всему, даже подсказать тому парочку рифм. На этом основании ему придумали (или он сам себе придумал) титул учителя нобелевского лауреата. Сам Рейдер пишет-выдаёт километрами рифмованную чушь, не найдёшь в его «поэзии» ни единой запоминающейся строки, но его печатают, издают, включают во всяческие антологии, награждают премиями, пригласили вот в Литинститут новых Бродских пестовать. Он и держит себя соответственно – мэтр из мэтров. Да и ладно бы, чёрт с ним, но меня уже окончательно достала его чисто еврейская бесцеремонность. Ну неужели не видно, что человек не хочет с ним общаться, разговор поддерживать – нет, руки расставил, лицо расморщил в улыбке, с объятьями лезет:

– Николай Степаныч, голуба, здрасте! Вы видели в «Литературке»? Что творят, а? Я им цикл из тридцати стихов дал, самое свежее, а они только десять опубликовали... Нет, пора Полякова гнать в шею!..

Минут десять я стою на лестнице, переминаюсь с ноги на ногу и выслушиваю эту галиматью, то и дело гмыкая или протягивая неопределённо: «Мда-а-а...» Наконец у Рейдера звонит мобильник, он отвлекается, и я, воспользовавшись моментом, спасаюсь бегством. Между прочим, этот Рейдер публикует в той же «Литгазете» фрагменты своих «мемуаров» именно о том, как он уже в юности бесцеремонно доставал известных людей: например, однажды без приглашения и вообще предупреждения припёрся домой к Николаю Глазкову знакомиться, и тому только через полчаса чуть ли не силой удалось выставить непрошенного гостя за дверь; в другой

раз юный Рейдер, столкнувшись случайно с Зоценко, тут же попросился к нему гости, хотя и сам сразу понял-разглядел, что больному уставшему писателю совсем не до гостей. И ведь приперся-таки к Зоценко домой, сидел и мучил автора «Аристократки» до упора...

Уже поднявшись по лестнице, я вдруг вспоминаю, что ведь сегодня у меня семинар на ВЛК (вот память стала буксовать!), чертыхаюсь, возвращаюсь на улицу, перехожу двор к флигелю, где располагаются Высшие литкурсы и заочное отделение. Слушатели уже ждут меня. Правильнее было бы именовать их курсантами, но так сложилось, что официально они – слушатели Высших литературных курсов; в обиходе – взэлкашники. Десяток мужиков (многие уже с сединами, чуть ли не мои ровесники) и две дамы неопределённого возраста и, как это бывает зачастую у литературных дам, с проблемной внешностью. Уже давно стало общим местом утверждение, что Литературный институт писать-творить не научит. Даже по окончании диплом выдаётся с неопределённо-размытым обозначением статуса-профессии: «литературный работник». А чего бы, казалось, не вписать – «прозаик», «поэт», «драматург»? Или, того чище, – «талантливый прозаик», «гениальный поэт», «профессиональный драматург»? Чего стесняться-то?!

Понятно, что из ста выпускников Литинститута благо если дватри через десяток лет будут что-то значить в текущей литературе, печататься и издаваться, что называется, активно участвовать в литпроцессе, формировать этот процесс. Для чего учились остальные? Где они и что делают? Вот я, выпускник середины 1970-х, порой в тоскливую минуту оглядываюсь на литературном пустынном поле текущего XXI века, прикладываю ладонь к глазам, до боли всматриваюсь: ау, соратники-сокурсники, где вы? Есть ли в поле жив человек? Вместе со мной диплом «литературного работника» получили 85 человек, 35 лет минуло (вся творческая жизнь Чехова уместилась в 25 лет, Лермонтова – в 15!) – ни единый, кроме меня, не поставил хотя бы одну заметную книгу на полку российской словесности. *И грустно, и скучно, и некому руку подать...*

С ВЛК, казалось бы, картина совсем другая. Сюда принимают людей, уже чего-то добившихся в литературе, имеющих корочки Союза писателей, можно сказать, профессионалов. У них лишь один

пробел – нет высшего образования, крестьяне и пролетарии. Им и выдаётся через два года учёбы свидетельство, что они прослушали курс наук, подтянулись по грамотности до выпускников гуманитарных вузов. Но и здесь, на ВЛК, общая картина-ситуация и прежде радовала мало, а ныне, когда курсы стали платными, дело вообще швах. Ну нет слушателей уровня Айтматова, Астафьева, Белова – прежних славных выпускников.

Итак, сидят мои подопечные, ждут. Лица у многих взъеркашки помята. В комнате явно ощущается запах перегара. У меня опять начинает болеть голова, настроение ещё более понижается. Сегодня мы обсуждаем творчество (а если говорить обыденным слогом – литпотуги) Олегова – сорокалетнего сноба из Баранова. Впрочем, почти все взъеркашки и уж тем более студиозусы – они все снобы. Так что для разминки я пытаюсь хотя бы чуть сбить с них эту авансом выпестованную спесь.

– Друзья мои, коллеги, – говорю я деловито, – сейчас я зачитаю-назову вам ряд имён прозаиков: определитесь сами для себя, кого из них вы считаете настоящими состоявшимися писателями. Итак: Юрий Доброскокин, Людмила Репина, Валерий Болтышев, Сергей Марков, Николай Дорошенко, Алексей Кирилин, Георгий Караваев, Юрий Вяземский, Николай Скромный... Ну и так далее.

По мере чтения я то и дело взглядывал на слушателей и видел-замечал, как недоумение всё явственнее проступает на их лицах. Они молчат, потом тот же Олегов неуверенно говорит:

– Марков – это который «Сибирь» написал, что ли?

Одна дама полувопросает:

– Николай Дорошенко – редактор «Российского писателя»? А он разве прозаик? Я думала поэт...

– Нет, друзья мои, – с непонятным мне торжеством говорю я, – Марков, не который «Сибирь», и Дорошенко вовсе не поэт. Это всё имена из статьи «Первые шаги» с подзаголовком «О прозе дебютантов 80-х годов» критика Владимира Куницына, опубликованной в сборнике «Молодые о молодых» почти четверть века назад.

Я демонстрирую аудитории пухлую книжицу в розовой обложке.

– Первые книжки всех этих прозаиков вышли тогда в крупнейших столичных издательствах, и Куницын, на полном серьёзе разбирая их, делал вывод, что-де лет этак через 10-15 именно вот эти

«писатели» и будут делать погоду в русской литературе... Почти двадцать пять прошло!

Помолчали.

– Ну-с, – нарочито бодро прерываю я философский момент, – приступаем к разбору новой повести Олега...

Да-а-а, бедолаге не повезло. Вээлкашники и прежде бывали не особо доброжелательны при разборе-критике опусов друг друга (Иероним Ясинский отдыхает!), а уж сегодня и вовсе стараются размазать повестушку Олега «Раздольные поля» и её автора...

Откровенно говоря, мне дела нет до чернозёмных полей и неинтересно, чего там о них, повторяя зады почившей в бозе деревенской прозы, в очередной раз наврал бездарный Олев. Я почти не вмешиваюсь, сижу, думаю о своём. Сейчас приду в редакцию журнала, там Саша...

Но после семинара сразу уйти не удаётся: на выходе из аудитории я сталкиваюсь нос к носу с Иваном Владимировичем Павлиновым, завкафедрой теории литературы. Он бывает-находится в двух состояниях – трезвым или не очень. Если трезв, с ним общаться трудно, да он и сам в такие часы не охотник до разговоров, мизантроп. Ну а если Иван Владимирович подшофе, вот как в данный момент, – это очень даже милейший и остроумный, впрочем не без желчи, человек. И вообще он достоин если не восхищения, то удивления. В свои семьдесят с довеском Павлинов даст мне сто очков форы в, я бы сказал, жадности до жизни и бодрости. Вот уже более двух десятков лет он, помимо кафедры в Литинституте, председательствует-княжит в одном из писательских союзов, возглавляет журнал «Столичный вестник» и газету «Литератор», плюс к этому совмещает ещё пять-шесть должностей в различных секретариатах, редакциях, президиумах, продолжая при этом печатать статьи и выдавать книгу за книгой. Признаться, лично я эти его печатные труды одолеть не в силах, как ни пытался, но уже одна неиссякаемая жажда трудолюбия Ивана Владимировича, повторяю, достойно удивления. Я уж не говорю о том, что в свои семьдесят с лишком Павлинов имеет бойкую любовницу на сорок лет его моложе, пишет-сочиняет ей страстные стихи, которые и публикует, несмотря на смешки, в своём журнале и в своей газете.

Впрочем, о молодой любовнице не мне бы заикаться...

Я охотно откликаюсь на приглашение Павлинова заглянуть к нему на кафедру «по делу». Дело выглядит так: початая бутылка «Гжелки», бутерброды с колбасой, сыром и солёные огурцы. Между прочим, может быть, вот именно в этом и начал проявляться возраст Ивана Владимировича: раньше он неуклонно придерживался железного правила: до 18-00 не пить и не опохмеляться. Теперь вот начал позволять себе и среди дня. Может, виной этому, если верить слухам, капитальная размолвка-развод с юной подружкой-музой. Ну а вообще Павлинов принадлежит к тому типу людей, в крови которых алкоголь является необходимым ингредиентом, выполняет функцию горючего, и если такой человек вдруг резко и совсем бросит-прекратит пить, организм, да и вся жизнь его сдуется, словно проколотый воздушный шарик.

Я с удовольствием опрокидываю в себя большую стопку холодной водки, захрустываю огурчиком. Павлинов, тоже глотнув, довольно потирает руки:

– Ну вот и славненько! А то я уже один начал, как алкаш, прости Господи...

– Слышал, – осторожно спрашиваю я, – что ты, Иван Владимирович, опять скоро будешь баллотироваться на председателя правления в своей писательской?

– А как же! Кому ж я место-то уступлю? Тридцать лет строил, строил, а теперь отдам кому-то? Хрен им! Только когда ногами вперёд вынесут! Ты видел, как меня в «ЛитРоссии» пытаются размазать?

Он ещё плескает в рюмки.

– Да ну их на хер всех! Давай-ка, Николай Степаныч, репетатур, да я тебе свежий анекдотец про нас с тобой расскажу...

Выпиваем, закусываем.

– Слушай. Значит, сидит мужик у психотерапевта и жалуется: «Боюсь, что я теряю свою жену». Тот спрашивает: «Она, что, избегает вас?» «Нет, – отвечает мужик, – совсем нет. Она встречает меня с работы у порога. Всегда готов вкусный ужин. Рубашки все наглажены, носки постираны. Она даже разрешает мне смотреть по телеку футбол и в постели выполняет самые мои извращённые секс-потребности...» Врач поражён: «Так в чём проблема-то?!» «Понижаете, – говорит мужик, – может быть, я слишком чувствителен, но

вечером, когда я ложусь спать и жена уверена, что я заснул, она часто шепчет мне в ухо: “Боже, когда ты наконец сдохнешь!!!”»

Я искренне всдохатываю, а потом, после третьей и последней рюмки, зачем-то спрашиваю-уточняю:

– А почему это про нас с тобой?

– Да ладно, Николай Степаныч, – кривится Павлинов, – наслышан я и про твои семейные дела...

Пока я спускаюсь по лестнице, выхожу, иду к редакционному «Вольво», здороваюсь с водителем Геной, и мы едем на Арбат в журнал, я всё думаю-размышляю о реплике Ивана Владимировича. Мне неприятно осознание, что и мои внутрисемейные дела вот так же обсуждают-обсасывают, как и бурливую личную жизнь Павлинова.

III

Члены редколлегии уже собрались, ждут меня. Вернее, это даже не заседание редколлегии, а обычная редакционная летучка. Из маститых свадебных литгенералов теперь редко кто удостоивает своим посещением. Даже я в последнее время ощущаю себя здесь свадебным генералом. Давно бы уже ушёл, да на моё место особо никто и не рвётся: тираж неуклонно тает, финансовые проблемы-болячки, напротив, упорно растут. Фактически всеми делами управляет мой зам Иванов. Он, может быть, и мечтает занять моё кресло, но понимает, что журнал тогда рухнет-умрёт окончательно: моё имя ещё помогает хоть как-то решать наваливающиеся проблемы и поддерживать имидж «толстяка». Хотя, с другой стороны, в нынешней «толстой» журналистике только и остались два мастодонта с именами, я да Стас Куняев в «Нашем современнике» – «Октябрь», «Знамя», «Новый мир» и прочие столичные «толстяки» как-то без этого барахтаются-выживают...

Когда-то тираж нашего журнала достигал почти миллиона. Благословенные, казалось бы, времена. Но я лично вспоминаю о них с содроганием. Именно тогда, в конце 80-х, началась вот эта вакханалия с печатанием-изданием возвращённой литературы, именно тогда мы, словно недоумки, взялись обжираться до икоты всеми этими откопанными в анналах истории или в эмигрантской литературе «шедеврами». Наелись, как говаривал Шукшин, что дальше? А

дальше выяснилось, что современная словесность загнана на задворки и захирела, молодые да начинающие и вовсе засохли, не успев расцвести, потерялись в необъятных болотах Инета. И самое обидное, что из всей выплеснутой на страницы журналов и книг массы старых имён и текстов, испытание даже небольшим, в десятилетие, сроком-временем выдержали единицы, один процент – несколько вещей Солженицына, Булгакова, может быть, Платонова. А остальное... Ну кто сейчас из нас, а уж тем более из новых поколений будет читать-перечитывать «Белые одежды», «Детей Арбата», романы Максимова или повести Пильняка? А уж сколько шуму было вокруг их якобы возвращения. Да даже такие вполне серьёзные литераторы, как Замятин и Шмелёв, увы, всё равно остались в своём далёком времени, несмотря на все попытки реанимировать их наследие. Нет, всё же не от конкретного желания конкретных людей зависит пресловутый литературный процесс и формирование-создание иерархии писательских имён. Уж как ни пытались, к примеру, Есенина с Достоевским задвинуть-забыть при Советской власти, они не задвинулись, не канули в небытие – их и возвращать не пришлось. Как ни возвеличивали, ни обвешивали премиями при жизни Шагинян, Панфёрова или того же Георгия Маркова – классиками они не стали...

Итак, надо лепить из чего-то очередной номер. Лица у моих товарищей-подчинённых кислые, огонька – ни в едином глазу. Предстоит скучное обсуждение скучных произведений в очередную скучную книжку журнала. Иванов бубнит-докладывает, что уже есть-скопилось в редакционном портфеле. А там есть: стишков вагон и маленькая тележка, рассказцев и повестушек целый воз, ворох нудной псевдопублицистики. Зато нет: добротного читабельного романа, крепкой профессиональной критики, удивляющих творений молодых...

Общую тональность заседания, как я и предполагал, начинает нарушать Саша, не выдерживает. Вообще-то она не должна присутствовать на редколлегии, но завотделом поэзии лежит в больнице (отравился каким-то пойлом), так что она не преминула заявиться на это сборище. Я старался не смотреть в её сторону, но приходится: речь заходит о поэзии, и Саша деловито предлагает:

– А чего тут думать! Давайте поставим в номер первую пятёрку

лучших поэтов современности... – держит театральную паузу. – Вы что, не в курсе? Журнал «Поэзия» опубликовал список из пятидесяти имён под заглавием «Рейтинг современных поэтов».

– И кто же у них в первой пятёрке? – недоверчиво спрашивает Иванов.

– Пожалуйста, – достаёт из сумки журнал. – Станислав Куняев, Юрий Воротнин, Владимир Исайчев, Максим Замшев, Сергей Соколовский.

– Да Куняев давно уже стихов не пишет!..

– А остальные – это кто?..

– Они что, всё это серьёзно?..

– Маразм крепчает!..

– Просто анекдот!..

– Дебилизм!...

Возгласы-реплики сливаются в общий шум, однако журнал переходит из рук в руки, Иванов и другие пииты жадно шарят по списку, отыскивая себя.

Судя по всему, не находят.

– Кто же этот рейтинг составил? – встречаю я. – И отчего это в первых рядах нет самого Котюкова?

– Ранжир составлен по заказу редакции Институтом независимых экспертиз при участии Центра Интернет-мониторинга, – глядя мне прямо в глаза, зачем-то зло чеканит эту абракадабру Саша. – А главный редактор «Поэзии» Лев Котюков попросил не включать его в данный список...

– Что ж, – бормочу я, – хоть на это ума хватило...

Агрессивность Саши мне не совсем понятна, и она, эта агрессивность, неприятна мне, давит, вгоняет в ещё большую хандру. Мы с ней до сегодняшнего дня долго, недели три, вообще на общались...

Оказывается, это ещё не всё. Когда дело доходит до прозы, Саша встречается опять:

– Я хочу вниманию уважаемых членов редколлегии предложить суперсовременную вещь молодого автора. Называется «Животная любовь», по жанру – «email-роман».

– Какой, какой роман? – останавливает Иванов.

– Емэйл... – поясняет Саша. – Эпистолярный, по старинке гово-

ря. Большая часть текста – переписка по электронной почте двух любовников. Он – известный писатель; она – начинающая поэтесса. Разница в возрасте тридцать пять лет. Фонтан чувств, раскованный стиль. Читатель как бы сам переживает все перипетии романа старпера и нимфетки. Разделы-главы названы соответственно: «Прелюдия», «Коитус», «Оргазм», «Релаксация»...

Иванов не врубается, хотя по углам уже раздаются явственные смешки:

– Да кто автор-то?

– Я.

Минута молчания.

Продолжать заседание нет ни смысла, ни желания. Я прошу Иванова в рабочем порядке завершить работу над составлением номера и остаюсь один. Достаяю из сейфа мартини, наливаю почти полный стакан, залпом выпиваю. Руки дрожат, вермут пресен и слишком тёпл. Можно держать бутылку и в холодильнике в приёмной, но мне не хочется, чтобы Людмила Ивановна, моя секретарша и верная помощница, фиксировала каждый выпитый мною глоток – ворчунья почище Лидии Петровны. В организме ещё не до конца перебродила павлиновская водка, так что тёплый мартини душа встретила с удивлением. Я уж не говорю о животе. Назло и душе и животу налил ещё полстакана и впихнул в себя. Ничего, сейчас полегчает...

Саша – это моя Катя. Только ей не 25, а уже 28, и воспитанницей моей в прямом смысле слова она никогда не была. Хотя... Да, три года назад, когда у нас всё началось, она была как раз ровесницей чеховской героини и в какой-то мере моей воспитанницей. Точнее сказать – студенткой-дипломницей. Училась она все годы на отделении поэзии, была на курсе не последней. Её стихи публиковались во многих центральных изданиях, вышло два сборника. На мой взгляд, когда я начал постигать её поэзию, Саша чересчур увлекалась формой, внешними эффектами, словесной эквилибристикой. Впрочем, эта болезнь многих молодых и небесталанных. Материала жизненного, опыта, накопленных радостей и страданий не хватает, вот и приходится уравнивать это блеском оформления, загадочностью слов. Основное содержание двух поэтических книжек Саши исчерпывалось её первой взрослой любовью, како-

вую пережила она в промежутке между школой и институтом. Судя по стихам, всё, как и мириады раз до этого, началось с внезапно вспыхнувшей страсти на школьном выпускном вечере между Сашей и её одноклассником, с которым до этого они просто приятельствовали, потом – попытки жить вместе, быт, нехватка денег, вырождение страсти в утомительный секс, разрастание мелких ссор до диких скандалов и взаимных измен...

Я лично стихи Саши воспринимал с трудом, хотя и видел-замечал в них мерцание огонька. Я обычно просил её растолковать мне ту или иную строку, тот или иной образ, она обижалась, начинала сердиться, подозревать меня в попытке иронии и даже издёвки. Но я и правда не мог, например, сразу осознать-представить, что такое «окна кляпами впились» или «стебли острее звёзд».

Но она сама в конце концов поняла-решила, что рамки поэзии ей тесны, что уже началось хождение по кругу. Как-то подошла ко мне в коридоре института, представилась, попросила: мол, я из семинара Рейдера, но очень хочу послушать, как обсуждают друг друга прозаики – нельзя ли поприсутствовать? Да отчего же, пожалуйста! Хоть девушка и не отвечала моим параметрам женской красоты, но вполне симпатичная худенькая брюнетка с мальчишеской причёской, тёмными блестящими глазами, и, самое главное, какие-то волнительные биотоки-флюиды, исходящие от её юного тела, видимо, проникли в мой организм, в мою уставшую от одиночества душу. (Вот сейчас поймал себя на том, что задним числом подвожу какую-то платформу под начало наших отношений. Боже мой, да, конечно же, я при первой встрече и не думал смотреть на неё «мужским» взглядом – студенточка, девчушка, ровесница моей дочери!)

Александра начала посещать мои семинары, а затем и решила защищать у меня диплом. С прозой её тоже не всё было гладко. И здесь Саша увлекалась внешними эффектами, ей хотелось поразить потенциального читателя изысканностью фразы, непонятным словом, вычурностью сюжета. Я, конечно, пытался её урезонивать, но всякую критику Саша встречала в штыки, реагировала на замечания болезненно, редко соглашалась что-либо править-улучшать. На её взгляд, правка только ухудшала бы её творения.

– У вас, Николай Степанович, уж простите, устаревшие взгляды и подходы, – выговаривала она мне ещё в начальный период наших

отношений, когда мы были ещё в связке преподаватель-студентка. – Вы зациклились на Чехове. И затормозились на нём же. Чехов по стилю несовременен. Сейчас вот так просто, как он, писать нельзя – лажа получится...

– Это «Скучная история» написана просто?! Или «Дама с собачкой»?!! «Студент»??!!!

Смешно, но я начинал спорить как мальчишка, в запальчивости говорил порой глупости, на полном серьёзе дулся-обижался, но, вероятно, вот эти мои провалы-падения в мальчишеское состояние как бы уравнили нас в возрасте, сблизили...

Мой организм действительно чувствует себя бойчее. Я выпиваю-добавляю ещё добрый глоток, зажёвываю «Орбитом» и отправляю Саше эсмэску: «Можешь зайти?». Через несколько минут заходит. Садится в кресло у окна, демонстративно закидывает ногу на ногу. Я удерживаюсь, чтобы по привычке не сделать замечание (ну ведь вредно это, особенно для женских ног!), переставляю-перекладываю на столе бумаги, ручки, мобильник. Прокашливаюсь. Кислым голосом спрашиваю:

– Саша, ты что, и в самом деле написала-составила роман из мэйлов?

– В самом деле. Причём *написала-составила* его, Николай Степанович, из *наших* мэйлов. Вы это слово почему-то пропустили.

Ясно, если она подчеркнута на «вы» и по имени-отчеству – разговор вряд ли получится.

– Зачем?

– Облом! Я думала, моему наставнику и учителю интересно будет в первую очередь, *как* я это сделала.

– Мне интересно и как, и зачем, и почему! И вообще, ты можешь мне объяснить, что происходит?

– Где? С кем?

– Саша, – я стараюсь говорить спокойно, – ведь это ты меня оставила... Ты! И теперь почему-то на меня же и злишься... Я-то в чём виноват? Ты бы знала, что я пережил в эти два последних года...

В голосе моём проступает-слышится постыдная слёзная дрожь. Я закрываю глаза, до боли сжимаю голову руками.

– Знаю, всё я знаю... – слышится сквозь шум в висках её усталый голос.

Проходит в молчании минута, другая. Слышен лёгкий стук двери. Я остаюсь один.

На следующий день я проснулся больным.

Сначала я решил-подумал, что это всего лишь пошлое похмелье, но вскоре понял, что это не так. Опять, уже не в первый раз за последние два года скрутила меня какая-то неведомая хворь: странная блуждающая боль то ли в правом боку, то ли в пояснице, то ли в паху, лёгкая температура, слабость... Ни рентген, ни УЗИ, ни анализы внятно врачам ничего не подсказывали – вроде бы камни в почках и желчном пузыре. Жена, коллеги и даже дочь Валерия советовали лечь в платную клинику, пройти полное обследование, томографию. Я отшучивался, я отнекивался, я оттягивал с этим как мог. И на этот раз я решил-понадеялся отсидеться дома, отлежаться недельки две. Тем более, что пора было действительно продвигаться с новым романом, который я мусолил уже третий год.

IV

Через неделю, в ясное морозное утро, почувствовав себя значительно бодрее, я после завтрака сажусь за компьютер. *Но работаю с перерывами, так как приходится принимать посетителей.*

Слышится звонок. Бубнёж жены и чей-то мужской голос, потом дверь приоткрывается – голова Лидии Петровны:

– Прости, но к тебе профессор Павлинов.

В моих коллегих-соратниках по институту, журналу, секретариату СП жена моя почему-то ценит не их писательский статус, а должностные звания: для неё они в первую очередь профессора, зам-редакторы, секретари или председатели.

Я вздыхаю, выкликаю на монитор заставку-аквариум, леплю улыбку на лицо, встаю навстречу гостю. Иван Владимирович пытливо всматривается в меня сквозь затемневшие очки, ставит пухлый портфель на стул, раскрывает объятя, но, вспомнив, что я болен и мять меня нельзя, просто протягивает руку, сочно цокает румяными губами:

– Да ты, Николай Степаных, вполне! Огурчик! А говорили – чуть не при смерти...

Он оглядывается на закрывшуюся за Лидией Петровной дверь, заговорщицки кивает на портфель:

– А?

Я пробую сопротивляться, заранее зная, что это бесполезно. Напору Павлинова противостоять невозможно. Тем более, такой повод – Ивана Владимировича накануне переизбрали председателем правления городской писательской организации на новый, уже четвёртый, срок. Несмотря на то, что вечер накануне, а то и всю ночь Павлинов провёл за праздничными столами, выглядит он как всегда на все сто даже в наших гостевых тапках – чисто выбрит, в белой рубашке, галстуке: я в своих домашних джинсах и растянутом джемпере чувствую себя рядом с ним неловко. Чего уж скрывать: я завидую неиссякаемой энергии-бодрости своего коллеги – уж я-то в его годы точно таким, как выражается моя дочь, «перцем» не буду. Если вообще ещё буду жив...

Выпиваем мы всего по стопочке «Гжелки». Мне и правда нельзя, да и не хочется, а Иван Владимирович и без того опьянён своей победой. Он в подробностях живописует, как ему удалось нейтрализовать главных врагов-оппонентов ещё до начала собрания, не пустить их в зал, как умело он выстроил отчётный доклад... Я слушаю, киваю головой, но чувствую себя не совсем ловко. Я отлично помню статьи в «Литературной России», в «Деловом вторник», в других газетах, где оппоненты Павлинова очень доказательно с цифрами, фактами и документами рассказывали о махинациях Ивана Владимировича с писательской недвижимостью, о приёме в этот союз людей не за книги и талант, а буквально с улицы за вступительный взнос в несколько тысяч рублей... Впрочем, и в большом писсоюзе, где я секретарствую, дела творятся ещё те, так что слишком уж морщиться, слушая рассказ Павлинова, мне не пристало. У меня одно оправдание: я не рабочий секретарь, а так, опять же – свадебный. Но бывает, уж признаюсь, до того муторно на душе, когда сижу я в президиуме очередного съезда или пленума нашего писсоюза, слушаю словоблудие с трибуны нашего председателя и рабочих секретарей. Господи, думаю я, да что же я здесь делаю, зачем позорю себя на старости лет? А что здесь делает (он сидит рядом со мной) тот же Валентин Григорьевич Распутин? Он разве не понимает, что и он, и я, и ещё два-три писателя с именем – толь-

ко лишь авторитетная дымовая завеса для наших пронырливых писвождей?..

Иван Владимирович наконец иссякает, прячет «Гжелку» в портфель и встаёт. *Провожая гостя до прихожей; тут даже пытаюсь помочь ему надеть дублёнку, но он всячески уклоняется от этой высокой чести. Я делаю вид, что готов идти за ним даже на улицу, но товарищ уверяет меня, что я простужусь. И когда, наконец, я возвращаюсь к себе в кабинет, лицо моё всё ещё продолжает улыбаться, должно быть, по инерции.*

Немного погодя, другой звонок. Слышно, как жена открывает дверь и пытается кого-то не пускать. Визитёр, судя по всему, настойчив. Я выхожу в прихожую и вижу молодого человека приятной наружности. Это мой студент Ерофеев. Я делаю в сторону Лидии Петровны успокаивающий жест, предлагаю визитёру раздеться и пройти. Он вальяжно снимает дублёнку (шикарнее, чем у меня и даже Павлинова), с сомнением смотрит на свои лакированные мокасины. Я, сложив руки на груди, жду. Вздохнув, наклоняется, вжикает молниями, разувается, с сомнением смотрит на тапки под вешалкой, выбирает самые новые. Идёт вслед за мной в кабинет.

– Садитесь, – говорю я гостю. – Что скажете?

– Вы меня простите, Николай Степанович, что решился побеспокоить вас дома и без звонка, – вальяжно говорит Ерофеев, устраиваясь в кресле, – но ведь ситуация безвыходная: если вы не поставите мне зачёт до конца сессии, мне кирдык...

Пауза. Мне приходит охота немножко помучить студента за то, что пиво и ночные клубы он любит больше, чем учёбу, и я говорю со вздохом:

– Смотрите, как интересно: вот вы только что нашли какую-никакую синонимическую замену матерному слову. Почему бы вам в этом направлении ещё не поработать и над текстом? Поработайте, доведите до «печатного» уровня, и я тут же поставлю вам зачёт...

Дело в том, что этот Валерий Ерофеев в качестве курсовой работы сдал текст под названием «Вагинальная рапсодия» в виде дневника 16-летней героини, подробно описывающей свой первый сексуальный опыт. Само собой, язык раскован до предела, мат на мате и матом погоняет. На семинаре, когда обсуждали это творение, я спросил автора:

– Скажите, Валерий, а вы читали, к примеру, «Здравствуй, грусть» Франсуазы Саган?

Ни сном, ни духом. Нынешние студенты-литераторы, надо сказать, вообще мало начитаны. И это поразительно: испокон веку писатели рождались-вырастали, как правило, из запойных читателей.

– Хорошо, – сказал я, – хотя ничего хорошего в этом нет. Тогда скажите, для чего вы взяли такой сюжет и, главное, зачем, с какой целью так обильно используете в тексте абсценную лексику?

– Какую-какую?

– Абсценную, сиречь – похабную, непристойную, скабрёзную, матерную, ненормативную, непечатную.

– Какая же она непечатная? Её сейчас совершенно свободно печатают. И не только печатают, вон и на ТиВи, и в театре, и в кино...

Что правда, то правда, мат становится обыденной частью сегодняшней речи. Казалось бы, к этому можно уже привыкнуть, но лично у меня, увы, никак не получается. Как испытал я уже лет двадцать тому первый шок на спектакле «Вальпургиева ночь» по Веничке Ерофееву, так до сих пор невольно вздрагиваю и морщусь от каждого услышанного со сцены-экрана или увиденного в книге мата. Публичное демонстративное хамство тогда, в 1990-м, особенно поразило ещё и потому, что творилось-свершалось на сцене театра МГУ, который располагался в здании факультета журналистики в стенах университетской церкви Святой Великомученицы Татьяны – Лида-дурёха потащила меня с целью похвалиться: вот, мол, какие мы, эмгэушники, лидеры-новаторы...

Меня особенно, помню, потрясло как подчёркнуто лихо и смачно матюгались на сцене девушки-актёрки – это было так отвратно, словно они прилюдно совершали акт дефекации. Мы ушли, не дождавись перерыва.

Я не ханжа, вполне могу вернуть непечатное словцо в смешном анекдоте в мужской компании, но слушать маты из женских или детских уст, со сцены и экрана, видеть-встречать в книгах – увольте. Хотя я вполне понимаю, что выросло уже целое поколение читателей, которым мы, писатели, пишущие нормальным русским языком, кажемся пресными, устаревшими, отжившими. И ещё мне порой в голову приходит совсем уж странная мысль: а заговори я

со своей родной дочерью матерками, глядишь, мы бы с ней лучше и легче друг друга поняли?..

На семинаре обсуждение «Вагинальной рапсодии» нашего Валерия Ерофеева закончилось, в общем-то, его конфузом. Я в конце концов предложил ему прочесть свой текст вслух. Он в пылу полемики согласился, начал с выражением читать, но на первом же мате споткнулся, как-то скомкал его, проглотил, второй и вовсе застрял у него в горле. Ерофеев отложил распечатку, поёрзал на стуле, попытался сбалансироваться:

– Ну это провокация! Во-первых, такие тексты, конечно, лучше читать про себя, наедине – они на это и рассчитаны. А во-вторых, это же написано от имени девчонки, как-то неловко мне, мужику, читать – не ложится на голос...

– Что провокация – это точно: подобные скатологические тексты (прошу не путать со скотологическими!) всегда провокация. Что касается «во-первых», то на прозе вы ведь не остановитесь, сочините потом и какую-нибудь свою «Вальпургиеву ночь», а её придётся на сцене исполнять-ставить, вслух, публично. Ну а насчёт «во-вторых», попросите вон Машу вместо вас прочесть.

Машенька, белокурая студенточка, уже и без того сидела красная как вишенка, а уж от одного только предложения-предположения читать гнусный ерофеевский текст зарделась до пунцовости и чуть не брызнула слезами. Встречаются ещё реликтовые девушки!

И вот теперь Ерофеев пришёл-заявился мучить меня ко мне домой.

– *Извините, мой друг, – говорю я гостю, – поставьте вам зачёт я не могу. Подите ещё поработайте над текстом. Тогда увидим.*

Я знаю, что зачёт Ерофееву я всё равно поставлю. Помучаю и поставлю. И он это знает. Но ему непонятно, зачем я его мучаю. Он продолжает сидеть и уныло-просительно смотреть мне в глаза.

– Скажите, – зачем-то дллю-продолжаю я ничёмный разговор, – вы что же, хотите в литературе быть всего лишь третьим Ерофеевым? Будете поначалу, как вы и делаете, подписываться «В. Ерофеев», чтобы вас путали хотя бы с Виктором? Для этого и маты подпускаете? Ну а потом что? Нет, я понимаю, есть в истории нашей словесности пример: третий Толстой не потерялся на фоне первых двух, занял своё достойное место, но это всё же исключение из пра-

вил. Вам, я думаю, лучше наоборот с самого начала выступать под псевдонимом и пойти своим путём. Что вам эти Ерофеевы и их скандальная слава?..

Я говорю, но по взгляду студента понимаю, что ему глубоко всё это, как они выражаются, фиолетово: мол, да пошёл ты, старый козёл, со своими нотациями!

Мне становится даже обидно и хочется хоть чуть сбить с нахала эту вальяжную спесь:

– И вообще, друг мой, если уж начистоту: по части таланта вам далековато до Венедикта, а по части энергии и пробивной силы – до Виктора. Вам лучше совсем оставить литературу.

Он таки вспыхивает, от смущения или возмущения, вскакивает. Я тоже встаю, развожу руками:

– Что ж, не смею задерживать.

Он нерешительно идёт в переднюю, медленно одевается там и, выйдя на улицу, вероятно, опять долго думает; ничего не придумав, кроме «старого чёрта» по моему адресу, он идёт в плохой ресторан пить пиво и обедать, а потом к себе домой спать. Мир праху твоему, честный труженик!

Третий звонок. На этот раз пришёл отнимать моё время и меня мучить аспирант. Он вздумал лепить диссертацию по Чехову, до Нового года надо подать заявку, поэтому ему хотелось бы поработать у меня, под моим руководством, и я бы премного обязал его, если бы дал ему тему для диссертации.

Миллион лет назад я защитил сначала кандидатскую, потом докторскую по творчеству Чехова, но преотлично помню, что не ходил и не выпрашивал ни у кого тему – она сама в голове родилась и настоятельно требовала изучения, воплощения, развития.

– *Очень рад быть полезным, коллега, – говорю я, – но давайте сначала споёмся относительно того, что такое диссертация. Под этим словом принято разуметь сочинение, составляющее продукт самостоятельного творчества. Не так ли? Сочинение же, написанное на чужую тему и под чужим руководством, называется иначе...*

Визитёр молчит. Я уже намереваюсь, как мой предшественник в XIX веке, закатить лёгкую истерику и даже потопать ногами от негодования, но вовремя понимаю-спохватываюсь, что может усилить-

ся боль в боку, да и бесполезно. Всё равно я дам-подарю ему тему, *которой грош цена, он напишет под моим наблюдением никому не нужную диссертацию, с достоинством выдержит скучный диспут и получит* очень даже нужную ему учёную степень, за которую станет получать солидную надбавку к зарплате.

Ещё звонок. Новый гость, в отличие от предыдущих, хотя бы предупредил о визите по телефону. Да и вообще, можно сказать, я даже рад его визиту. Это один из рабочих секретарей правления СП Коромыслов, и мне приятно, что сотоварищи обо мне, болящем, вспомнили. В руках у Коромыслова помимо сумки-портфеля зачем-то букет красных гвоздик и пакет с апельсинами.

– Надеюсь, гвоздик не чётное число? – пытаюсь шутить я.

– Это от женщин, от наших женщин, – частит Коромыслов, – приказали купить и вручить. Говорят: больным положено цветы для настроения.

Мы с Коромысловым до этого как-то особо и не общались. Он из молодых да ранних, ему лет 35, в секретари попал совсем недавно, на последнем съезде и сразу развернул кипучую деятельность: уже опубликовал свою прозу, драматургию, стихи (он, что называется, многостаночник) в «Столичном вестнике», «Подъёме», «Севере», ещё двух-трёх центральных и губернских изданиях. Можно было бы по этому поводу поиронизировать, но, кто его знает, может, действительно, просто две волны – творческая и карьерная – совпали по амплитуде и времени. На меня, впрочем, то, что я видел-читал из творений Коромыслова, впечатления не произвело...

Итак, цветы поставлены в вазу, Лидия Петровна, которая вместе с апельсиновым пакетом получает просьбу приготовить нам кофе, удаляется на кухню, начинается беседа. Коромыслов, оглаживая чёрную окладистую бородку, степенно рассказывает о секретарских делах-заботах. Дела-заботы эти, признаться, скучны: проблемы с арендой, делёж постов в Литфонде, происки оппозиции в Союзе. Но как-то вдруг разговор перескакивает на очень даже интересную для меня тему – на мой журнал. Оказывается, узнаю я, редактируемый мною журнал самый лучший в России, самый престижный, только в нём ещё сохранился и сохраняется островок настоящей русской литературы, не опоганенной низкопоклонством перед Западом и доморощенным авангардом...

Жена приносит кофе. Я укоризненно (мол, что ж ты, голубушка, сама-то не догадалась?!) прошу её добавить к кофе коньячок и чего-нибудь лёгонького на закуску. Лидия Петровна смотрит на меня с недоумением, вздыхает, но послушно приносит на подносе коньяк, порезанный лимончик, коромысловские апельсины и сыр. Мы чокаемся, опрокидываем по рюмашке. «Эх, – думаю-сожалею я, – день сегодня для работы потерян!» Ещё с полчаса мы сидим с милым Коромысловым за обсуждением насущных проблем большой российской словесности, удивительно как совпадая по взглядам-оценкам, при этом чокаясь и пригубливая. Наконец, когда я, окончательно разомлев, собираюсь проводить дорогого гостя в прихожую, он спохватывается и достаёт из сумки объёмистую папку:

– Николай Степанович, вот тут у меня роман исторический «Святополк Русский», очень бы хотелось...

Я меняюсь в лице, я скучнею, я начинаю мямлить, что-де у меня заведомо прозы рукописи первым смотрит, что времени нет совсем... Напрасные потуги. Коромыслов растворяется-исчезает, выцарапав из меня обещание прочесть его «Святополка Русского» лично. Представляю себе! В последнее время творится настоящий бум беллетристики, окучивающей поле российской истории. Романисты то ли не решаются осмысливать бурливую современность, то ли ищут аналогии в глубине веков. Миссию Достоевского в текущей русской литературе мало кто пытается нести-исполнять, большинство плетутся по стопам Толстых: пишут-сочиняют в меру способностей свои вариации «Войны и мира» о Великой Отечественной, выдают на гора кто своего «Князя Серебряного», кто «Петра Первого»...

Слава Господу, я исторических романов не пишу, я, как определял это Достоевский, *одержим тоской по текущему*.

Итак, категорически прошу жену больше ко мне никого и ни под каким видом не пускать. Между тем день-то скатывается к обеду. Махнув окончательно на свои желания-поползновения работать, я заглушаю эту свою тоску по текущему, выключаю комп и справляюсь у Лидии Петровны, не пора ли нам подзакусить? Оказывается, пора. Садимся вдвоём за стол. Третьим в трапезе участвует Фарисей. У него на кухне рядом с плитусом есть своя столовая, свой сервиз – три чашки-плошки: в одной баночный «вискас», в другой сухой, в третьей вода. Однако ж рыжий котяра считает своим дол-

гом занимать свободный стул за нашим обеденным столом и выглядывать-вынюхивать с завистливым подозрением – чего это такого вкусенького втайне от него хотят-намереваются съесть хозяева?

Насчёт вкусенького вопрос, конечно, спорный. Раньше, когда жена работала и когда дети были маленькими, у нас кухней заведовала домработница, теперь Лидия Петровна стряпает сама. Обычно это овощной салат, суп-лапша или рисовый на курином бульоне, котлетки и биточки из полуфабрикатов. Впрочем, я, в отличие от Фарисея, непривередлив. Правда, примерно раз в месяц на меня накатывает волна кулинарного вдохновения, я сам делаю закупки на рынке, оккупирую на полдня кухню и выдаю праздничный обед или ужин с домашними пельменями или украинским борщом, с голубцами или даже какими-нибудь кроликом в белом соусе... В часы, когда я возюкаюсь на кухне, сочиняя-стряпая свой очередной аппетитный шедевр, мне порой приходит мысль, что, может быть, мой талант как раз и есть талант кулинарный, а вовсе не писательский. Может быть, открой я свой ресторан, как это делают многие бездарные певцы и артисты, я бы давно уже процветал и был миллионером...

Итак, сидим с Лидией Петровной вдвоём за большим столом, дымятся две тарелки с супом. Фарисей сидит на третьем стуле, степенно ждёт свой кусочек тощей, но зато натуральной курицы. Я вдруг экспромтом вопрошаю в пространство:

– А почему бы нам не скрасить ужин глоточком чего-нибудь взбодрительного?

Вопрос повисает в воздухе.

– Чего ж добру пропадать, – убедительно продолжаю я, – там ведь коньячок раскупоренный ещё, кажется, остался?

– Остался, остался, – вынуждена согласиться Лидия Петровна и ставит на стол заветную бутылочку, не преминув добавить: – Больно много ты пить стал, Николай Степаныч...

Что верно, то верно, спорить нечего. Да и смысла нет. Я медленно наливаю себе большую рюмку до краёв, с наслаждением выпиваю. Вот и славно, теперь можно и жалобы-рассуждения супружницы слушать...

Но наш привычный тет-а-тет нарушается: слышится шум открываемой входной двери и появляется наша дочь Валерия. Она, ещё одетой, заглядывает на кухню:

– О, вы едите? Как раз! Я с вами перехвачу...

Радость-то какая. Лидия Петровна подхватывается, начинает хлопотать. Я выпиваю остатки коньяка, принимаюсь за суп. Лера, звеня цепями, бусами и браслетами, устраивается за столом.

– Хорошо бы, – говорю я, – поздороваться с отцом и помыть перед едой руки.

– Ну, папик, опять ты не в настроении! – кривится дочь, но всё же встаёт из-за стола, отправляется в ванную, и потом, вновь возникнув на пороге кухни, демонстративно кланяется: – Здравствуйте, Николай Степанович!

– Добрый вечер, Валерия Николаевна! – в тон отвечаю я и продолжаю есть.

Затем, когда суп заканчивается, я в ожидании, пока жена положит мне котлетку с гречкой, смотрю, как дочь моя ест. Ест она быстро, жадно, хлебает полными ложками – сразу видно, целый день горячего не ела. Кольцо в верхней губе стучит об ложку.

– Скажи, Валерия, – спрашиваю я. – Вот ты сейчас при морозе в минус пятнадцать ходишь без головного убора и с голой поясницей. Ты что, не слышала про менингит, радикулит? Ты не знаешь, что такое почки? Ну почему бы не надеть дублёнку с капюшоном или шубку с шапкой?

– Ну, па-а-а! – надувает губки Лера. – Опять ты со своими нотациями... Я вот сейчас иду брать интервью у Гай Германики: представляешь, я к ней в шубке с шапкой заявлюсь?

– Между прочим, я вчера читал интервью в «Семи днях» с твоей Германикой: она как раз обожает хороший парфюм, так что пахнет от неё, в отличие от тебя, не сигаретным дымом и пивом, а французскими духами. И на снимке она как раз в элегантной норковой шубке...

Честно говоря, я не помню, во что была одета девица-режиссёр, авторша скандального сериала «Школа», но дочь моя задумалась, наморщила лобик:

– Ты ещё скажи, что Лера без пирсинга была...

– Нет, почему же, с этим всё в порядке: уши в кольчугах, из носа железяка торчит...

Я решаю после обеда, несмотря на хвори, выглянуть на улицу. Для Лидии Петровны легенда – пойду подышу свежим воздухом, а

то голова болит; на самом деле – надо прикупить на вечер мартини или фляжку коньяка: сегодня уж грех останавливаться.

Выходим мы вместе с Валерией. Она в дублёнке и пахнет от неё «Шанелью». Мне приходит на ум, что если б приложить чуть-чуть усилий и упорства, дочь мою ещё можно было бы, что называется, перевоспитать, вернее, довоспитать, спасти, может быть, её судьбу. Мне хочется сказать ей что-нибудь славное, но лифт уже останавливается, Лера спешит, выскакивает из подъезда, на ходу машет мне рукой, устремляется к джипу, громоздящемуся на тротуаре, вскакивает в него. Стёкла у этого танка на колёсах, разумеется, тонированные, так что я не могу разглядеть владельца-хозяина «Ниссана», да мне это и не особо-то интересно. Судя по тому, что почти час терпеливо ждал Леру у подъезда, он у неё на привязи; а судя по тому, что она не удосужилась пригласить его в дом и даже сейчас не захотела со мной знакомить – женихом его, даже потенциальным, считать пока преждевременно.

Оно и слава Богу, а то вдруг опять окажется аферистом. Однажды дочь под видом жениха привела в дом одного такого хлыща. Впечатление поначалу он произвёл благоприятное: Лидии Петровне гвоздики вручил, мне бутылку виски. После праздничного ужина, не откладывая, попросил у меня аудиенции для делового разговора. В моём кабинете, по-родственному развалившись в кресле, изложил суть дела-предложения: у него готовы рукописи трёх романов в жанре экшен, мы их выпускаем-печатаем под моим именем, а гонорары-дивиденды делим пополам. «Представляете, ваше имя плюс мои забойные тексты? – закатывал глаза в экстазе мальчик. – Мы весь мир порвём!..»

Я смотрю на японскую машину, проглотившую мою дочь, и вспоминаю старую поговорку, переделанную на современный лад: «Не в свои “ниссаны” не садись!». Стою жду у двери подъезда, пока джип не съедет с тротуара. Вот это меня раздражает. Раньше я к машинам был равнодушен. Теперь я их порой ненавижу. Я убеждённый пешеход и велосипедист. Если бы не моё положение и врождённая робость перед условностями, я бы и по Москве раскатывал на велосипеде. В этом вопросе не только Япония, но и Китай с Вьетнамом намного демократичнее и цивилизованнее нас. Никогда я не стремился заиметь-купить личное авто, за что, к слову, Лидия

Петровна в молодости мне проедала плешь. Потом, когда я возглавил журнал и у меня появилась служебная машина с водителем, жена чуть успокоилась, но со временем, когда хлынул на российские дороги бурный поток блестящих иномарок, принялась давить на меня и, соединив усилия с моим замом Ивановым, додали они меня таки – «Волгу» пришлось сменить на «Вольво». Но пользуясь я служебной машиной редко, в основном Геннадий возит мою жену и моего зама – с ними делит всю прелесть московских пробок. Лидия Петровна сама не решалась сесть за руль, хотя периодически мечтала о том, как приобретёт себе «жука» немецкого, обязательно красного цвета, и станет раскатывать на нём по столице и на дачу. Дочь, насколько я знаю, даже и не мечтала заделаться автовладелицей. Но если мне вождение мешало бы думать-размышлять, то у Валерии причины отказа от водительских прав, вероятно, были более весомые: во-первых, зачем утруждаться, исполнять довольно утомительную и по сути плебейскую роль извозчика-водилы, когда для этого есть ухажёры с машинами; а во-вторых, это что же, не пить, когда захочешь, пиво и вино?!

В семье нашей автотелега имела одно время только у сына. Когда у него завелись собственные большие деньги, он тут же приобрёл себе «Тойоту». Первая авария случилась уже на следующий день: Дмитрий въехал-впечатался в столб. Отделался лёгким испугом и ремонтом машины. Через месяц уже в него врезался «мерс», причём признали виновным Диму, к тому же у него обнаружили алкоголь в крови. Сотрясение мозга, сломанные рёбра, ремонт двух машин, крупный штраф. Но и это его не остановило. И только после того, когда он сбил на переходе десятилетнюю девочку (слава Богу, та отделалась синяками!), мне удалось убедить сына продать машину. Я ему внятно объяснил-внушил: даже если при следующей аварии (а она обязательно, она непременно будет!) он сломает себе позвоночник и останется на всю жизнь инвалидом, прикованным к постели, это ещё терпимо – мы с матерью за ним будем ухаживать и кормить с ложечки; но вот если он, не дай Бог, сожёт следующую девочку насмерть (а он непременно, он стопроцентно сожёт!) – ему светят тюремные нары на несколько лет. В тюрьму Дмитрий не хотел.

Ну так вот. Теперь я не просто к машинам равнодушен, теперь

они меня раздражают, а порою и выводят из себя. Они мешают мне, вторгаются в мою жизнь. Мало того, что они сжигают кислород, отравляя меня выхлопными газами, они ещё и заполонили тротуары, и я вынужден, протискиваясь мимо них, пачкать одежду или сходить на проезжую часть и подвергать свою жизнь опасности; они стоят нагло на пешеходных «зебрах», и мы, униженные пешеходы, вынуждены лавировать между ними, сталкиваться в узких проходах-лазейках, портить себе и другим настроение.

Меня больше раздражают в таких ситуациях даже не наглые хамы-водители, а наши доблестные гаишники-гибдэдэшники. Казалось бы, не надо гнаться за нарушителем ПДД, рисковать жизнью – вот он, стоит на тротуаре или «зебре», явно и в открытую нарушая все и всяческие правила: просто подойди и накажи-оштрафуй. Даже и водителя искать не надо. Помню, ещё в 60-е годы прошлого века на наших экранах широко демонстрировались французские фильмы, где бравый жандарм в исполнении Луи де Фюенса подходил к неправильно припаркованному автомобилю, выписывал-заполнял на капоте штрафную квитанцию, прижимал её дворником к ветровому стеклу и – всё. Насколько я знаю, бывая в Европах, тем более так работает дорожная полиция в наши компьютерные времена. Почему у нас до сих пор подобная практика не приживается – ума не приложу.

Несколько лет назад я совершил поступок, за который мне до сих пор стыдно. Какой-то недоумок из нашего подъезда взялся ставить свой «Лексус» на тротуар прямо у двери, загораживая проход. И вот однажды, поздно вечером возвращаясь домой и будучи не в духе да ещё и подшофе, я впал в такую ярость при виде беспардонной машины, что не поленился: поднялся домой, набрал и распечатал крупным шрифтом плакатик «Проход не загораживать!!!», обильно смазал обратную сторону листа «Моментом», выскочил на улицу и намертво приклеил-прилепил бумагу к ветровому стеклу. Представляю, что бы было, застукай меня хозяин «Лексуса» на месте преступления. Однако ж, подействовало – машина эта дурацкая вплотную к подъезду больше не ставилась.

Зато тут же её место занял громадный «Форд»...

V

За ужином мы благополучно ссоримся с Лидией Петровной, и она уходит пить чай в свою комнату. Я тоже отправляюсь в свой кабинет – пить-смаковать мартини. С собой прихватываю оставленную женой на кухне книгу, сборник Виктории Токаревой с чеховским названием – «О любви». Вообще-то я не поклонник женской прозы, но хочется просто отдохнуть, полистать что-нибудь особо не напрягаясь, да и Токарева всё ж таки из всего легиона наших раскрученных дам-писательниц, может быть, как я помнил, наиболее адекватна.

Устроившись поуютнее на диване под торшером и глотнув божественного женского напитка, я берусь за книгу. По привычке, как и положено профессионалу, осматриваю для начала обложки, титульный лист, выходные данные – издательство, аннотацию, объём, тираж. Все примочки нынешнего издательского процесса налицо: издательства целых три, год издания на титуле не указан, тираж якобы дополнительный... Ну да Бог с ними! Читаю аннотацию: «Любовь нашего времени. Странная и непростая. Счастливая и неразделённая...» Уже смешно. В прежние времена, выходит, любовь была иная. На задней обложке рядом с фото автора явно двадцатилетней давности ещё одно яркое утверждение: «Виктория Токарева не просто “золотой классик”, но – СОЗДАТЕЛЬ современной отечественной женской прозы...» И «золотой классик» в кавычках и «СОЗДАТЕЛЬ» заглавными буквами смотрелись-воспринимались не так бы пародийно, если бы в явно автобиографическом рассказе «Из жизни миллионеров» я через какое-то время не прочёл утверждение самой Виктории Самойловны: «Первый вопрос – о женской литературе, как будто бывает ещё мужская литература... Но я знаю, что в литературе имеет значение не пол, а степень искренности и таланта...» Что же, издатели не могли договориться с автором, согласовать – женскую она прозу пишет или не женскую?

Понятно, что мой читательский настрой от благодушного начинает поворачивать к раздражённому. И странные порой откровения авторши меня уже не веселят, а злят. К примеру: «Кто я без своего дела? Стареющая тётка. Но вот я опускаю голову над чистым листом, и нет мне равных...» Насчёт стареющей, может быть, и в точ-

ку искренность, но вот насчёт «нет равных»... Повестушка «Стрелец» и вовсе разочаровывает: типичная кинематографическая скоропись с торчащими белыми нитками из каждого сюжетного шва. Вообще, Токарева могла бы быть неплохой писательницей, если бы не стремилась усидеть на двух стульях – сценариста и прозаика. Впрочем, я ещё продолжаю перелистывать начинающую утомлять меня книжку, и окончательно добивает меня пассаж про героиню-эфиопку. О ней сначала сказано-подчёркнуто, что она семитка, и это, в общем-то, не противоречит истине, но затем о ней же ничтоже сумняшеся говорится: «Красивая женщина не имеет национальности. И всё же еврейская женщина точно знает, что она хочет...» Приехали! С какого это перепугу эфиопка превратилась вдруг в еврейку? А почему, например, не в арабку? Ведь и арабы тоже семиты, и эфиопы, и евреи, и... Да мало ли кто!

Помню, не так давно взялся я наконец прочесть что-нибудь из прославленной Нины Садур. И что же? На первой же странице: «У него был красивый еврейский нос...» Через пару страниц: «У неё были невыразительные славянские глаза...» Ну, как после этого читать дальше? И подобное сплошь и рядом, в том или ином виде, что у Петрушевской, что у Толстой, что у Улицкой, что у Рубиной... Как только они касаются хотя бы вскользь еврейской темы, тут же и чудеса начинаются – шнобели вдруг превращаются в греческие носы, каждая красивая женщина объявляется еврейкой...

Нет, думаю я, отбрасывая Токареву на диван и наливая себе добрую порцию мартини, если уж когда вновь потянет чего-нибудь из женской прозы полистать, уже лучше взять Маринину или Дашкову – там, по крайней мере, без претензий.

В этот момент хмыкает мобильник – пришла эсэмэска. От Саши. На дисплее одно слово: «Мэйл». Я запускаю комп, получаю почту и понимаю: судьба подбросила мне образчик женской прозы, который априори мне жутко интересен. В тексте письма одна фраза: «Это мой роман». Я сохраняю пристёгнутый файл, запускаю Word, открываю текст под названием «Животная любовь». Шрифт, как всегда у Саши, какой-то экзотическо-готический. Выделяю весь текст, меняю шрифт на привычный Times New Roman, заодно увеличиваю кегль до 14 – сформировалось чуть более двухсот страниц. Распечатываю на принтере, начинаю читать...

Когда возвращаюсь в настоящее – на часах уже четыре утра. Бутылка из-под мартини давно пуста, кофе, пробираясь на кухню, варил раза три. В голове лёгкий гул, на сердце тяжесть, в душе тоскливая боль. Бедная Саша! Из её нервного, порой эпатажного, предельно исповедального текста я понял две непреложные вещи: она глубоко несчастна, и она всё ещё *думает* обо мне. Одного я, к сожалению, так и не понял, не прочёл в её романе – того, что до сих пор не даёт мне спать, хотя минуло тому уже два года: почему она тогда так резко, вдруг, внезапно, в самый разгар страстей откачалась от меня?

В своё время Суворин, прочитав «Скучную историю», высказал мнение, что-де Катя любит Николая Степановича в полном смысле слова – как женщина мужчину. Плещеев написал об этом Чехову. Тот даже возмутился: *«Уж коли отвыкли от веры в дружбу, в уважение, в безграничную любовь, какая существует у людей вне половой сферы, то хоть бы мне не приписывали дурных вкусов»*.

А вот я на стороне опытного 55-летнего читателя Суворина, а не 29-летнего автора. Любила Катя моего архаического тёзку, любила в полном смысле этого слова. Как и он её. Это в повести хорошо видно. Просто характеры имели довольно робкие и вялые. Ну и, конечно, сдерживало-тормозило выплески чувств осознание, что Николай Степанович фактически играл роль отца Кати, растил-воспитывал её.

У нас с Сашей таких искусственных препон не имелось, да и характеры, особенно у Саши, явно покруче. Она, например, уже после первой встречи-разговора со мной в коридоре Литинститута вдруг сама себе сказала: «Я с этим мужчиной хотя бы раз пересплю!». Это я из её романа узнал. Порыв безотчётный, каприз. Правда, она тогда как раз переживала период депрессии после первой неудачной любви, пытался всячески встряхнуться, самоутвердиться, выскочить из затягивающей самоубийственной воронки. Но потом она сама, и в романе это фиксируется-подтверждается, бросилась-погрузилась в наши отношения как в омут, безотчётно и с головой, влюбилась если не в меня, то в свою любовь ко мне без памяти. И я, который, надо признать, не хуже Чехова тогда ещё считал *дурным* тоном связь между девушкой и женщиной, по возрасту годящемся ей в отцы, поначалу вошёл в эти отношения как бы по-

мимо воли, с кривой усмешкой, но сам со временем и довольно быстро заполыхал не слабже юнца, тоже унырнул в отношения с головой, начал наслаждаться и творить глупости. Чуть до развода с Лидией Петровной не дошло...

Повторяю, я и тогда не понял, и потом, и вот сейчас, уже прочитав текст Саши, почему ЭТО вдруг всё рухнуло, почему казавшейся безмерной и нерушимой любовь (Саша каждый день клялась-утверждала, что без меня не проживёт и дня) вдруг надломилась, дала трещину, стала доставлять вместо блаженства и счастья страдания и боль?! «В «Животной любви» только фиксировалось: да, так произошло-случилось.

Я тогда уехал всего на пять дней в Париж, на книжный салон, где Россия в кои веки была почётным гостем. Ну никак нельзя было отказаться! И Сашу взять с собой не удалось – у неё ещё не был готов загранпаспорт. А когда, измучившись за эти пять дней донельзя, примчался, уж по-другому не скажешь, на крыльях любви, тут-то вот и ударился-расшибся со всего лёту о прозрачную стену, которая вдруг возникла между нами. И имя автора стены вскоре мне стало известно – Стефан. Совершенно ничтожный, но смазливый студентик из Болгарии. Когда Саша во время одной из сцен (а сцены были!) крикнула в запальчивости, что не надо было уезжать в этот грёбаный Париж, а теперь я опоздал, – я вдруг понял-осознал, что возникшая ситуация уже совсем не из мира Чехова, а очень даже зло напоминает-пародирует сцену из биографии мученика Достоевского. Он собрался в Париж с молодой возлюбленной Аполлинарией Сусловой, но, отправив её, сам задержался по неотложным делам на несколько дней в Петербурге, а когда до Парижа домчался, любимая встретила его фразой: «*Ты немножко опоздал приехать!*». Оказывается, за эти считанные дня в её жизни появился студент-испанец Сальвадор, и вся её страстная любовь к Достоевскому не остановила, не спасла её от адюльтера. Причём, Сальвадор этот насытился быстро и взялся мучить-отталкивать Полину, та посвящает Фёдора Михайловича во все подробности своих взаимоотношений с испанцем, спрашивает советов, жаждет понимания, при этом продолжая поддерживать в бедном Достоевском пламя неистовой любви, и в итоге чуть не довела и себя и Достоевского до самоубийства...

По злой иронии судьбы Достоевский *немножко опоздал приехать* в Париж, а я – из Парижа. Но в остальном всё один к одному было и у нас. Саша в злые минуты даже самые интимнейшие мучительные для меня подробности отношений со своим Стефаном выплёскивала в разговорах или мэйлах. При этом, стоило мне набраться сил-решимости и заявить о полном разрыве, о моём уходе из больной ситуации, она прилагала максимум усилий и ласки, чтобы успокоить меня, вернуть, посадить-привязать обратно на поводок своей мучительной любви. В те дни, отчаявшись, я написал ей довольно жестокосердное письмо-предсказание:

«...Я недавно, перечитывая биографию Достоевского, понял-догадался, что ты – Сулова в моей судьбе. И характеристика этой женщины (из письма Ф. М. к её сестре) – точный твой портрет:

«Аполлинурия – больная эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям. Она колет меня до сих пор тем, что я не достоин был любви её, жалуется и упрекает меня беспрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: “Ты немножко опоздал приехать”, то есть что она полюбила другого, тогда как две недели тому назад ещё горячо писала, что любит меня. Не за любовь к другому я корю её, а за эти четыре строки, которые она прислала мне в гостиницу с грубой фразой: “Ты немножко опоздал приехать”».

<...> Я люблю её ещё до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить её. Она не стоит такой любви.

Мне жаль её, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна...

...Ведь она знает, что я люблю её до сих пор. Зачем же она меня мучает? Не люби, но и не мучай...»

К слову, насчёт “вечно будет несчастна” писатель-провидец как в воду глядел: Сулова профукала свою жизнь, мучилась в отношениях сама и мучила других... Боюсь, что и ты свою жизнь-судьбу пустишь коту под хвост – умрёшь, как Аполлинурия, в одиночестве, без любви, озлобленная на весь белый свет...»

Саша в ответ, пытаясь перечеркнуть-опровергнуть мрачный прогноз, выплеснула убийственную новость: она ждёт ребёнка от Стефана...

По сути после этого наши *близкие* отношения, казалось, умерли окончательно: мы стали видеться-встречаться только в редакции, обращаться друг к другу на «вы». Почему Саша, с её-то характером, не уходила из журнала, ума не приложу. Впрочем, как раз из-за своего характера и не уходила. И сама мучилась, и меня мучила. Да и, вероятно, деньги были очень уж нужны. Глухо и обрывисто, как я ни отгораживался, доходили до меня слухи о её жизни: красавчик болгарин, узнав о беременности, тут же окончательно Сашу бросил, вскоре у неё случился выкидыш (уж сам по себе или искусственный – Бог весть), она была в жуткой депрессии, естественно, на работу не ходила, закрылась в свое норе, пробовала пить, был даже какой-то скандал, связанный с милицией – соседи вызывали; мне пришлось звонить милиционерскому начальству, улаживать конфликт...

Радости всё это слышать-узнавать было мало. Губила её, конечно, свобода. Ещё в начальной юности, увлечшись в первый раз, она без раздумий ушла из дома вместе с возлюбленным на съёмную квартиру. Родителей её, кстати, я ни разу в жизни не видал. Знал, что живут неподалёку от Литинститута, на Малой Бронной. Отец, довольно крупный чиновник-функционер, служит в команде Лужкова; мать – домохозяйка. Саша – единственная дочь-наследница в семье. Расставшись со своим первым бойфрендом, она так и не вернулась к родителям, продолжала жить в съёмной однушке у метро «Войковская». Когда однажды я завёл на эту тему разговор, она пояснила-отрезала: мол, она хочет жить сама себе хозяйкой и приводить в свою квартиру того, кого хочет, ни перед кем не отчитываясь...

На часах уже пять. В квартире, что называется, мёртвая тишина. Только чуть слышно всхрапывает во сне Фарисей в углу дивана. Я иду в туалет, потом долго и тщательно чищу зубы в ванной, ещё и сам не зная, – вечерний это ритуал или утренний. Ложится вроде бы уже бессмысленно. Я всё же, потревожив кога, постилаю постель, и, странное дело, едва голова моя касается подушки, я мгновенно проваливаюсь в глубокий тёмный сон. И мне даже ничего не снится.

Будит меня Лидия Петровна – нельзя же столь долго спать: вре-

мя уже одиннадцать. Я сразу вспоминаю «Животную любовь», мною овладевает какое-то нетерпение, я быстро завтракаю, уединяюсь в кабинете и отправляю sms:

«Привет! Ты уже на работе?».

Тут же получаю ответное:

«Привет! Я тоже на больничном, дома».

«Приехать можно?»

«Приезжай.»

«Адрес тот же?»

«Тот же. ;-))»

Жене говорю, что еду в поликлинику. Она, конечно, сразу заикается о Гене, но я вполне естественно отмахиваюсь: в это время дня пробки жуткие. Да мне на метро и привычнее. Одеваюсь, выхожу из дома.

Настроение у меня странное: какие-то лёгкие туманные надежды-мечтания кружатся в голове...

VI

– День добрый, Александр Сергеич! – говорю поэту. – Давненько не видались...

Перекрёсток Тверской и бульвара – словно громадный крест из вставших намертво машин. В метро к кассам тоже огромные очереди. Слава Богу, моя карта ещё действительна на три поездки. Загружаюсь с толпой на эскалатор, еду в преисподнюю. Запах-смог шибает густо. Реклама со стен предлагает-навязывает прокладки, колготки, шампуни от перхоти, выгодные до безобразия кредиты... Надо признать, во времена пяточкового проезда столичное метро выглядело пристойнее и праздничнее. Впрочем, в те времена лично мне и по особой причине славно ездилось в подземке: первые мои книги имели без преувеличения шумный успех, так что я часто видел-встречал среди пассажиров своих читателей, склонивших головы над страницами моих романов, меня порой даже узнавали, просили автограф. Никогда бы я не согласился на судьбу, допустим, Майкла Джексона, спасающегося от неистовых толп поклонников за спинами охранников, но вот та моя тихая вполне интеллигентная слава очень даже приятно грела мне душу. Теперь в метро

книг моих не читают и меня не узнают. Да, может, и к лучшему. Признаться, в последнее время я всё более склоняюсь к мизантропии – общение с людьми доставляет мне всё меньше и меньше удовольствия. Если вообще доставляет.

Что-то отвлекает или, наоборот, привлекает моё внимание. Женщина, новая пассажирка, вошедшая на станции «Белорусская». Очень знакомое лицо. Замечаю, что не я один смотрю на неё. Когда до меня доходит смысл ситуации, я еле сдерживаю позывы смеха: ну ведь нарочно не придумаешь! Это – Дарья Донцова. Конечно, она знаменита не только своими ироническими детективами, которые выпекает по штуке в месяц, завалив ими прилавки книжных магазинов, и которые, вот именно, читают в основном в нынешнем метро, но и тем, что постоянно мелькает на телеэкране. Без этого, без телемельтешения, сегодня славы-популярности не завоеешь. Надо отдать должное госпоже Донцовой, видимо, загнанной в подземный мир своих читателей обстоятельствами, – она не звездится: скромно стоит, держась за поручень, прижимает к боку довольно увесистую сумку, мило улыбается окружающим и с явным состраданием взглядывает на спящего в углу вагона бомжа. И уж совсем неожиданность для меня, когда она, пробираясь на станции «Аэропорт» мимо меня к выходу, вдруг почтительно здоровается, причём взглядом явно давая понять, что меня узнала, хотя мы с ней никогда по литературным делам не пересекались и лично не знакомы. Я спешу ответить на приветствие и тоже стараюсь изобразить всем своим видом: мол, мы с вами, Дарья Донцова, одной крови...

Вообще-то, мне она чисто по-человечески симпатична: преодолела страшную болезнь, не сломилась, не упала духом и не ожесточилась характером. Но вот её «творчество»... Попробовал я как-то прочесть хотя бы одну её книжку, взял у Лидии Петровны – тихий ужас. Я верю, что первые свои «иронические романы», подражая пани Хмелевской, Дарья лепила-выдавала сама, но уже тогда прохвосты-издатели, раскручивая новый бренд, сделали ставку не на качество, а на количество и даже сэкономили на толковом редакторе. Донцова стала заложницей созданного и раздутого имиджа самой плодovитой романистки современности, понятно, что теперь уже пашет на бренд «Дарья Донцова» помимо неё (если она ещё пашет) бригада литературных негров и литнегритянок: о каком-либо

авторском стиле и речь не идёт, язык чудовищен, сюжеты убоги и нелепы...

Дарья Донцова – дай Бог, конечно, ей долгих лет жизни и здоровья! – как литераторша проживёт-протянет ещё недолго. Канет в Лету так же, как канули до неё уже десятки, если не сотни раскрученных в лихие девяностые авторов вроде Колычева, Абдуллаева, Доценко, Бушкова и прочих; как утонули безвозвратно в той же Лете плодовитые ремесленники пера вроде Ежова, Лейкина, Потапенко, Василия Немировича-Данченко и иже с ними, которых при жизни Чехова ставили в один ряд с ним и даже выше его. Между прочим, и брат Василия, Владимир Немирович-Данченко, оставшийся в истории как один из основателей Художественного театра, тоже баловался писательством и хотя до брата (автора 250 книг!) и не дотянул, но всё же накропал-выдал пять романов, несколько повестей, сборник рассказов, книгу мемуаров и целых одиннадцать пьес... Всё это было издано, поставлено, в большинстве своём расхвалено (даже и Чеховым!). Ау, где всё это?! Где эти талантливые романы «Старый дом», «Мгла» и прочие? В каких театрах идут яркие пьесы «Шиповник» и «Цена жизни», сочинённые в одно время с «Ивановым» и «Чайкой»? Кто читает сейчас остросоциальную повесть «Банкоброшница. Из жизни на фабрике»?

К слову, о фабриках. Конечно, судьбы писательские неисповедимы, и не всё зависит от самого автора. Далеко не всё! Но ведь что-то зависит и от автора. О том же Василии Немировиче-Данченко другой писатель Григорович пронизательно заметил: мол, каким замечательным романистом мог бы он стать, если б вместо 250 книг написал только 5. На моих глазах как наглядный пример начались, развивались и, можно сказать, окончательно сформировались-определились две писательские судьбы двух моих литературных товарищей. Оба на десять лет старше меня, рождения предвоенного, вместе, работая в одной газете, начинали путь в литературу, рано начали печататься и издаваться. К сорока годам у первого было издано уже 17 книг, у второго всего 5-6. Казалось бы, первому предназначено идти вперёд по пути славы, а второму плестись в хвосте, в тени его успеха. Но, увы, первый из них умер, не дожив до шестидесяти, и сегодня благополучно забыт; второй, слава Богу, жив-здоровствует и хотя уже давно ничего нового в прозе не пишет, одна-

ко ж место живого классика прочно и по праву закреплено за ним, проза его переиздается, читается и перечитывается. Думается, теперь, со временем и стало наглядным то, что судьбы свои писательские оба друга-литератора определили-заложили именно в то время, до сорока лет. Один, Вячеслав Шугаев, на потребу дня стряпал одну за другой книжечки типа «Прокатчик Иван Никонов», «Деревня Добролёт», «Кое-что о сибиряках», «БАМ – стройка века» по заказу тогдашних издательств для серий «Письма из деревни», «Письма с заводов и фабрик», «Черты сегодняшней Сибири». А второй, Валентин Распутин, в это время корпел на повестями и выдавал их штучно – «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой». Всего четыре и – стал классиком! Я студентам не устаю повторять: если вы до сорока лет ничего в литературе не сделаете – ставьте на себе, как писателе, крест...

Распутин, к слову, ещё один важный критерий писательской судьбы своим примером подтвердил: после несомненного успеха первых вещей не стал выдавать-штамповать новые повести ежегодно, не разменялся на количество. Жаль, что на чужом успехе мало кто учится. Вон, к примеру, наш раскрученный «немец» Пелевин тужится-выдаёт каждый год хоть по жиденькой, но книжке, размазывая свои первые и несомненные успехи. Или же поляк Януш Вишневский – вполне заслуженно прославился после дебютного романа «Одиночество в сети», и теперь, бедолага, стряпает каждый год по книжке, явно уступающие первой по всем параметрам...

Но, по-моему, особенно наглядно беда эта проявляется в кино. Снял Бортко удивительно конгениальный телефильм «Идиот», потряс-порадовал образованного зрителя, и тут же, без передышки вздумал-захотел повторить ошеломительный успех – выдал «Мастера и Маргариту». Увы. А Бортко ещё и «Тараса Бульбу» сварганил-успел – и опять увы. А тут уже, как в плохом анекдоте, опьянённые его прежним успехом доморощенные режиссёры взялись стряпать сериалы по Достоевскому – «Преступление и наказание» с носатым Раскольниковым, совершенно убогие «Братья Карамазовы», сейчас, поди, кто-нибудь и сериал по «Бесам» снимает, стремясь окончательно убить-погасить вспыхнувший было после фильма Бортко всплеск интереса у широкой публики к Достоевскому...

Вообще, вероятно, художнику-творцу надо находить в себе силы и волю останавливаться после несомненного успеха, делать большой перерыв лет в 10-15, как, к примеру, американский режиссёр Джеймс Камерон, дабы накопить силы и материал на новый шедевр. Думаю, если б в своё время такой перерыв сделал Никита Михалков после «Неоконченного пианино», Георгий Данелия после «Осеннего марафона» и даже Эльдар Рязанов после «Иронии судьбы» – их творческие судьбы от этого только бы выиграли...

Два длиннющих перегона пролетели, чуть свою станцию не проскочил.

Саша от метро живёт неподалёку. Заглянув в магазин на первом этаже её дома, я загружаюсь бутылкой мартини, ананасом и, на всякий случай, пельменями. Хотел было и цветы в киоске прихватить, но подумал, что буду выглядеть-смотреться нелепо и смешно.

У Саши не был я больше года. Ничего не изменилось. Лёгкий поэтический беспорядок: колготки на спинке кресла, раскрытая книга на диване, бокал с недопитым зелёным чаем на столике рядом с ноутбуком. Правда, сама хозяйка не в халатике, а в джинсах и красном свитерке. То и дело встряхивает головой, откидывая чёрный чубчик. По глазам вижу – гостью рада. Чуть расслабляюсь. Мне особенно по сердцу, что мужским духом в квартире не пахнет. Впрочем, может, ещё в ванной наткнушь на электробритву или мужские носки...

– Что с тобой? Ты правда на больничном?

– Ну да, сама себе выписала, – улыбается Саша.

Понятно. Как всегда.

– Ты хоть Иванова-то предупредила?

– Да, уж Иванов-то в курсе.

Тон странный, ну да ладно. Вскоре мы сидим за сервированным журнальным столиком. Вино, бокалы, расхристанный ананас. В кухне булькают в кастрюльке пельмени – очень кстати оказались: в холодильнике у Саши хоть шаром покати.

Выпили мартини, смотрим друг на дружку. Какая-то неловкость, сформированная последним годом, никак не растает до конца. Я не могу уравновеситься. Вероятно, мне не стоило приезжать...

– Ну, как впечатления?

Саша спрашивает вроде бы небрежно, покусывая ломтик анана-

са, с размытой улыбкой.

– Знаешь, впечатляет, конечно... Но местами наивно, да и, мне кажется, ты чересчур уж откровенна. Ведь это в полном смысле слова интимные письма... Ведь каждый, кто нас с тобой знает, догадается, что переписка подлинная...

– Ну и пускай! Ты же сам говорил: среди женщин нет великих писателей потому, что они не способны быть в своём творчестве смелыми, откровенными и искренними до конца. Ну вот!

– Ты, что же, и правда хочешь это опубликовать?

– А почему бы и нет. Иванову, кстати, понравилось.

– Ты давала читать ЭТО Иванову?!

– Да, он был первым читателем.

Я жалею, что приехал. Сердце придавливает, дышать тяжело. Господи, как мне хорошо жилось весь этот последний год! Моё чувство к Саше тёплым пушистым клубочком хранилось в сердце, мне было так славно ощущать его там, мысленно поглаживать, вызывая воспоминания...

Но, залпом выпив бокал мартини, я вдруг уравниваюсь. Действительно, взрослый ведь человек, давно уже всё решил-определил: хватит этих глупых ревностей и обид.

– Саша, – говорю я твёрдо. – Ты не обижайся, но в нашем журнале я это публиковать не разрешу.

– Да кто бы сомневался! – дерзит Саша. – И пожалуйста! Мне Иванов обещал помочь издать отдельной книгой.

Не успеваю я обдумать странную информацию, как настойчиво трещит дверной звонок. Саша с загадочным выражением на лице идёт к двери, открывает, и на пороге я вижу Иванова. В одной его руке распухший пакет с торчащим винным горлышком, в другой – букет цветов.

Немая сцена.

Если кто подумает-решит, что я сразу же ушёл – ткнёт пальцем в небо. Нет, я веду себя вполне цивилизованно. Мы сидим втроём, пьём вино, едим ивановский сервелат и мои пельмени, культурно беседуем. Иванов, чувствуется, поначалу испытал шок не слабже меня. До этого вечера, признаться, мы с ним никогда, помимо работы, особо не общались. Я взял его замом по рекомендации уважаемых мною людей, зная как хорошего добросовестного работника,

и он вполне со своими обязанностями справляется. Может быть, впервые в этот вечер я к нему присматриваюсь. Это довольно *высокий, хорошо сложенный, лет 50, с густыми светлыми волосами, с белесыми бровями и бритый* мужчина. У него вышло штук пять стихотворных сборников, но уже давно понятно и окружающим, и, думаю, самому Иванову, что пиит из него не получился. Может быть, по этой причине *самое характерное в его манере говорить – это постоянно шутовской тон... Суждения его всегда резки.*

К примеру, в этот вечер заходит разговор у нас о молодом поколении.

– Да молодёжь нынче измельчала, – вздыхает Иванов. – Ни талантов, ни работать не умеют. *Вот уж именно: «Печально я гляжу на наше поколень».*

– *Да, ужасно измельчали...* – соглашается Саша. – *Скажите, Николай Степанович, в последние пять-десять лет был ли у вас в институте хоть один выдающийся студент?*

– Ты, Саша, – отвечаю я.

Все эти разговоры об измельчании производят на меня всякий раз такое впечатление, как будто я нечаянно подслушал разговор о своей дочери. Или сыне. Я вспоминаю: чеховскому Николаю Степановичу не нравилось в тогдашних молодых то, что они курят табак, употребляют спиртные напитки и поздно женятся. Господи Боже мой – что изменилось-то? Только то, что раньше всем этим отличались-бравировали именно студенты, парни, а теперь и студентки. Девушки даже перещеголяли парней – процент пьющих и курящих среди них явно больше...

Звонит мой мобильный. Разыскивает-беспокоится жена. Я начинаю прощаться, всячески намекая, что нам с Ивановым в сущности по пути.

– *А я ещё посижу немножко,* – говорит Иванов. – *Позволяете, Саша?*

Он весь вечер к ней подчёркнуто на «вы», но пару раз, обмолвившись, тыкал и конфузливо торопился сразу же замять-замазать.

– *Позволяю,* – отвечает Саша, странно на меня взглядывая.

Оба провожают меня в прихожую, и пока я надеваю дублёнку, Иванов говорит:

– *В последнее время вы ужасно похудели и состарились, Нико-*

лай Степанович. Вы ещё долго на больничном будете?

– Спасибо за комплимент, – кривлюсь я. – Теперь уж, видно, только после Нового года появлюсь...

Мне не нравится выражение глаз Иванова, когда он смотрит на Сашу – *в его взгляде я замечаю что-то кроткое, молящееся, чистое...*

Не в силах совладать с собой, я уже из дома, поздно вечером звоню Саше на мобильный:

– Он ещё у тебя?

– Кто? – ненатуральным голосом удивляется Саша.

– Эх, Саша, Саша, – говорю я, стараясь придать голосу насмешливость. – Ведь он даже не Ива́нов – всего лишь обыкновенный Ивано́в!

– Зато ему всего пятьдесят и он не женатый, – чеканит Саша и уж совсем лишне добавляет. – В отличие от вас, Николай Степаныч!

VII

Проболел я до конца января. То мне становилось лучше, то непонятные приступы усиливались, и я порой даже не мог встать с постели, отлёживался. В болезни есть один несомненный плюс – можно начитаться вволю. Пробовал я и работать над романом своим, но, увы, вдохновение моё тоже, видимо, приболело – дремлет.

Читаю-перечитываю я, как всегда, Чехова и Достоевского, а из нынешней литературы предпочитаю, если не для работы, а для удовольствия, – переводную: Харуки Мураками, Джона Фаулза, Чака Поланика...

Конечно, было бы патристичнее читать русских авторов, но, признаться, я не питаю к ним особенного расположения. Исключая двух-трёх стариков, вся нынешняя литература представляется мне не литературой, а в своём роде самодеятельностью, кустарным промыслом, существующим только для того, чтобы его поощряли, но неохотно пользовались его изделиями. Самое лучшее из кустарных изделий нельзя назвать замечательным и нельзя искренно похвалить его без но, то же самое следует сказать и о всех тех литературных новинках, которые я прочёл в последние 10-15 лет: ни одной замечательной, и не обойдёшься без но. Умно, благородно, но не талантливо; талантливо, благородно, но не умно; или,

наконец – талантливо, умно, но не благородно.

Я не скажу, чтобы переводные книжки были и талантливы, и умны, и благородны. И они не удовлетворяют меня. Но они не так скучны, как русские, и в них не редкость найти главный элемент творчества – чувство личной свободы, чего нет у русских авторов. Я не помню ни одной такой новинки, в которой автор с первой же страницы не постарался бы опутать себя всякими условностями и контрактами со своею совестью. Один боится говорить о голом теле, сексе, другой связал себя по рукам и по ногам психологическим анализом, третьему нужно «тёплое отношение к человеку», четвёртый нарочно целые страницы размазывает описаниями природы, чтобы подчеркнуть свой патриотизм... Умышленность, осторожность, себе на уме, но нет ни свободы, ни мужества писать, как хочется, а стало быть, нет и творчества.

Литераторы, особенно из молодых, совершенно не берут во внимание, что писать скучно – это привилегия уже ставших знаменитыми писателей. Да, зачастую в нынешних книгах можно встретить много нового и интересного, но... новое в них, к сожалению, не интересно, а интересное не ново. Особенно жуткое впечатление оставляют романы и повести, награждённые нынешними странными премиями, всякими «букерами», «триумфами», «национальными бестселлерами» и прочими. Нелепы уже сами названия этих премий. Смотришь, на обложке рекламу: «Роман удостоен премии “Национальный бестселлер”»; в выходные данные заглянешь – тираж 5 тысяч экземпляров. Ни хрена себе «бестселлер»! Господа издатели даже значения слова не знают.

Современная литература, словно кривое зеркало, переполнена искажениями понятий, несуразностями. Как-то на одном из семинаров на ВЛК перед моей болезнью Олегов попросил слова и, сделав ехидным выражение лица, сказал:

– Помните, Николай Степанович, вы нам зачитывали ряд имён из статьи Куницына двадцатилетней давности?

Я неопределённо пожал плечами.

– Ну вы ещё убеждали нас, что никто из перечисленных тогда прозаиков известным не стал. Простите, конечно, но я нашёл ту статью и прочитал... Вы почему-то не все имена назвали – например, Вячеслава Пьецуха, Леонида Бежина... А вообще в том сбор-

нике больше всех на щит Татьяна Толстая поднималась... – Олегов сделал эффектную чеховскую паузу. – Разве эти писатели не делают сейчас, как вы выразились, погоду в российской литературе?

– Ну, во-первых, я не сказал в «российской», я отлично помню, что сказал – в русской литературе. А во-вторых, вы можете назвать произведения, героев этих писателей, которые обогатили бы русскую словесность?

– Ну «Кысь», например...

– Да это не «Кысь», а просто «Гнусь» какая-то! – встряла соседка Олега по столу, Маруся. – Правильно о ней в критике писали: узорчатая, равнодушная, брезгливая к русскому человеку и его истории вещь. А Пецух твой говённый! Вон на его новую книжку тоже правильная рецензия в «Литературке» недавно была: как писал хрень ни о чём, так и продолжает писать. Над всем ёрничает, всё оплёвывает, себя только любит – самолюбование в каждой строке...

Я молчу.

– А что, – всерьёз насутился Олев, – всякие там марковы, стадниоки, ананьевы, чаковские, – они лучше писали? Они и в самом деле классики, как их провозглашали?

Да уж, классиками сами себя эти товарищи точно числили-считали – с этим не поспоришь. Общаться с ними было трудновато. А с Чаковским, к слову, мне даже довелось работать в «Литгазете», и как раз в тот период, когда он трудился над своей «Блокадой». Бог мой, что нам, членам редколлегии, довелось вытерпеть: сначала выслушивали-обсуждали замысел, сюжетные ходы этой «бессмертной эпопеи», помогали собирать материал. Когда очередной ворох материалов был собран, Чаковский отправлялся в Дом творчества Дубулты и, слава Богу, там вдали от нас каждый год по два месяца корпел над рукописью, покрывал очередные 100-120 страниц буквами-словами. Причём опять же, не столько сам писал, сколько диктовал машинистке (классик же!). Ну а когда шеф возвращался, мучения наши возобновлялись: надо было от и до прочесть состряпанное, тратить время на обсуждения, высказывать замечания-советы, пытаться дотягивать рукопись до приемлемого уровня. Александр Борисович, выставив из-под манжета рубашки свой дорожный «Ролекс», которым совершенно как мальчик-сноб гордился, кивал головой, соглашаясь с подсказками...

Человек за свою жизнь способен прочесть всего 4-5 тысяч книг. Всего! И как же обидно тратить время и жизнь на всякую графоманию и халтуру. С возрастом и опытом уже научаешься по первым страницам и даже абзацам понимать-определять, стоит ли читать книгу дальше. Разумеется, дальше двух-трёх страниц я не продвинулся ни в «Сибири», ни в «Войне», ни в «Танках», которые «идут ромбом», но вот их родную сестру «Блокаду» довелось прочесть от и до и даже не один раз. Судьба. (Привет Петру Лукичу Проскурину!)

А тогдашний спор на ВЛК закончился моей примиренческой речью. Я сказал примерно следующее: есть ли смысл сравнивать-сопоставлять между собой заплесневевший от старости сыр и какой-нибудь расхваленный рокфор с искусственной плесенью: на вкус нормального человека и тот и этот аппетита не вызывают. Сошли уже с литературной сцены старики-графоманы, провозглашённые при советской власти классиками, их скучнейшие рыхлые эпopeи уже никому не нужны; совершенно искусственно удерживаются на плаву писатели-постмодернисты, стареющие клоуны от литературы, но они ещё интересны (если интересны!) только своей ближайшей тусовке, да и то прежними заслугами – все эти пьесушки-толстые тоже вскоре сгинут без следа. Уже набирает силу молодая литературная поросль России во главе с Захаром Прилепиным. Да ведь Захар – это же Максим Горький сегодня, а его роман «Санька» – это же «Мать» нашего времени! Ну или, по крайней мере, «Андрей Кожухов», если кто помнит Степняка-Кравчинского...

– И у вас, коллеги, – сказал я тогда седовласым взэлкашникам в утешение, – есть ещё шанс заявить о себе в литературе. Пишите смело, пишите искренне, пишите откровенно. И ещё помните-читайте завет Евгения Абрамовича Баратынского: «Дарование есть поручение, и его должно исполнить, несмотря ни на какие препятствия».

VIII

В свет впервые после болезни выхожу я в знаменательный день – 29 января. Понятно, 150-летие Антона Павловича отмечается не так масштабно, как, к примеру, недавнее 200-летие Николая Васильевича (уж в пику Украине постарались), но всё-таки юбилейная

программа получилась насыщенной: пришлось побывать и в Литинституте, и в ЦДЛ, а вечером Лидия Петровна потащила меня в соседний Ленком на премьеру «Вишнёвого сада». Вернулся из театра с головной болью. Уж лучше бы по «Культуре» старый добротный фильм «Три года» с Любшиным посмотрел или на Первом в «Закрытом показе» новую «Палату № 6» с Ильиным... Впрочем, нет, про «Палату» я погорячился: судя по рекламным отрывкам, кои довелось увидеть, – это агрессивная самодеятельность ещё почище, чем у Захарова: от Чехова только имя-бренд и основные конструкции сюжета остались...

Бывают страшные ночи, когда бессонница особенно сильно давит-томит, сердце притискивает, и, кажется, что оно стучит с переборами, тело покрывается липкой испариной, страх смерти неотвязчиво мучает мозги. Обыкновенно, это случается на полнолуние. Вот и в этот раз, вернувшись из театра с головной болью, я ложусь в постель, но, даже не задремав, встаю через час, зажигаю настольную лампу, начинаю ходить из угла в угол. Безотчётный страх охватывает всё моё существо. *Мне почему-то кажется, что я сейчас внезапно умру.* Прямоугольник окна за шторой чётко освещён снаружи, словно на него направлена мощная фара. Я хожу без усталости, сжимая виски ладонями, стараюсь думать о чём-нибудь важном, но мысли обрывочны, бессвязны, пусты. Достать бутылку с мартини я не решаюсь, мне мнится, что алкоголь ускорит какой-то страшный процесс в организме, замкнёт неведомую цепь и вызовет замыкание-катастрофу. Входит бесшумно Фарисей, садится посреди ковра на полу, смотрит на меня, нервно дёргая хвостом, и начинает жалобно мявкать. В такие ночи ему тоже нехорошо. Я подхватываю кота на руки, прижимаю к груди, бормочу:

– Ничего, ничего, старичок... Мы ещё поживём!.. Не дрейфь!..

Фарисей, взбрыкнув, вырывается, вспарывая мне руку до крови, забивается под диван. Я опрыскиваю рану одеколоном, зажимаю ладонью, продолжаю ходить-мотаться по комнате. Наконец, не выдержав, иду в спальню, бужу-пугаю сладко всхрапывающую Лидию Петровну, прошу накапать мне корвалола в стакан. Конечно, я мог бы и сам найти в аптечке пузырёк, но одиночество в такие гнетущие минуты порой просто невыносимо. Жена поднимается, накидывает халат, начинает суетиться, охать и причитать, потчует

меня корвалолом, валидолом, нитроглицерином, ставит градусник, измеряет давление, перевязывает руку. Мне становится чуть легче.

Под утро я задрёмываю.

Разбуженная энергия жены по спасению-опеканию родных и близких выливается у неё в решение немедленно съездить в Переделкино к сыну. Проснувшись перед обедом, я обнаруживаю в доме полную тишину и записку в кухне на столе: «Я поехала к Диме. Буду к ужину. Обед в холодильнике: суп в кастрюльке, котлеты с гречкой в прозрачной чашке для микроволновки. Обязательно разогрей!».

Есть не хочется. Даже кофе варить лень. Завариваю растворимый, выпиваю чашку. Подкладываю Фарисею «вискаса». Возвращаюсь в кабинет. Сажусь на постель. Делать ничего не хочется. Вяло думаю-размышляю: ещё половина субботы, целая ночь, потом бесконечное воскресенье и опять ночь... Скорей бы уж понедельник: Литинститут, редакция, ЦДЛ – в привычной круговерти время помчится быстрее. Включаю компьютер, смотрю почту: среди груды спама и ненужных писем только один мэйл стоит открытия – от Саши. За месяц это уже третье послание от неё, и раза три мы с ней говорили-контачили по телефону. Тон общения установился какой-то странный: шутливо-наигранный, натужный. Вот и на этот раз:

«Счастлива приветствовать Вас, Николай Степаныч! Как Ваше драгоценнейшее здоровье? Вы точно появитесь в редакции в понедельник? А то у меня к Вам есть дело на три миллиона, так что не манкируйте... Очень надеюсь, что Ваши дражайшие и пламенно Вами любимые родные и близкие пребывают в добром здравии и Вас ответно пылко любят. Остаюсь наипочтительнейшим Вашим другом и почитателем Вашего таланта. Пысатэльныца N.»

Я отвечаю лаконично и сухо:

«Здравствуй, Саша! Да, в понедельник в редакции буду. До встречи».

Голова моя опять наливается тяжестью. Я встаю и начинаю бесцельно бродить по квартире. Гулкая тишина, только изредка скрипит под ногою пол. Вдруг из комнаты дочери доносятся странные звуки, похожие на рыдания. Я замираю. Что такое? Лера в выходной средь бела дня дома?! Стучу в дверь и, не дожидаясь отклика,

вхожу. Дочь сидит на постели в одной сорочке, свесив босые ноги, и, уткнувшись в подушку на коленях, плачет. В эту минуту она мне так напоминает Сашу...

– Ах, Боже мой... ах, Боже мой! – бормочет она. – Не могу, не могу...

– Лера, дочка, – говорю я. – Что с тобой?

Увидев меня, она вскрикивает и бросается мне на шею.

– Папа мой добрый... – рыдает она, – папа мой хороший... Ты бы знал, как мне тяжело!

Она обнимает меня, целует и лепечет ласкательные слова, какие я слышал от неё, когда она была ещё ребёнком.

– Успокойся, дитя моё, Бог с тобой, – говорю я. – Не нужно плакать. Мне самому тяжело.

Я укладываю её в постель, укутываю, приношу в чашке холодной воды. Чем ещё помочь-успокоить, не знаю. *Что же я могу сделать? Ничего не могу. На душе у девочки какая-то тяжесть, но я ничего не понимаю, не знаю. Я только предчувствую-догадываюсь, что это связано с какой-то девичьей трагедией, что мне Лера ничего не откроет. Мне остаётся только бормотать:*

– Ничего, ничего... Это пройдёт... Спи, спи...

Как нарочно, за стеной у соседей раздаётся вдруг собачий вой, сначала тихий и нерешительный, потом громкий, в два голоса. Я никогда не придавал значения таким приметам, как вой собак, но теперь сердце моё мучительно сжимается и я спешу объяснить себе этот вой.

«Пустяки... – думаю я. – Влияние одного организма на другой. Моё сильное нервное напряжение передалось Лере, собаке, вот и всё...»

До самого вечера, до приезда жены я не решаюсь больше зайти в комнату к дочери. Она то ли спала, то ли просто затихла. Я тоже почти не выходил из своего кабинета. Но и с Лидией Петровной поделиться заботой о состоянии-настроении Леры не удаётся – жена сразу нагружает новостью: застала она Дмитрия с какой-то девкой, оба в дым пьяные или обкуренные-обколотые, на даче ужасный кавардак, печь полыхает вовсю, того и гляди угорят или пожар сделают. По сообщениям соседей, дамочка эта обитает у Димы уже недели две. Понятно, что Лидия Петровна скандал устроила ужас-

ный, наговорила ультиматумов, но вряд ли это кардинально поможет. Короче, выхода нет, мне придётся ехать в Переделкино...

Еле выторговал себе хотя бы ночь.

Утром, хотя и выехали в десять, всё равно дважды попадаем в плотные пробки. В машине гнетущая тишина. Геннадий, против обыкновения, молчит и из вредности не включает приёмник. Я его понимаю: ни субботы, ни воскресенья. Впрочем, на совесть мою молчанием давит он зря: отлично знает, что получит он свои отгулы и с лихвой. А мне даже и комфортно, что Гена не в настроении. Я вообще, если откровенно, терпеть не могу болтать-общаться по необходимости. Люди, по моему глубокому убеждению, на 99 процентов говорят дурь и глупость. И я в том числе, когда вынужден поддерживать ненужный разговор. Поэтому я терпеть не могу ездить в машинах, находиться с кем-либо в одной комнате наедине или ходить с попутчиками. Самая величайшая тягость на свете – это тягость человеческого общения. Я, конечно, человек вполне адекватный и разговор-беседу поддержать могу, но мне это тяжело, мне это тягостно. Иногда, наплевав на приличия, я могу и взбунтоваться. Однажды, к примеру, на выходе со двора Литинститута меня догнал Олег. Случился дежурный разговор, что-то по семинару, и я уже хотел раскланяться, как он спросил:

– Вы пешком, Николай Степанович?

– Да, я хожу домой пешком, – вынужден был сознаться я.

– Вот и хорошо, – обрадовался вээлкашник. – Нам же по дороге...

Настроения коммунибельничать у меня в ту минуту не имелось вовсе, но я, вместо того, чтобы воспротивиться-объясниться, повернулся и, сжав зубы, пошёл. Бедный Олег не сразу понял просёк ситуацию, пытался, догнав меня, на первых шагах что-то говорить и спрашивать, но, получая в ответ лишь мычание, тоже замолчал, почему-то упорно продолжая семенить рядом. Так мы с ним в напряжённом безмолвии, сопя, прошагали весь путь от Большой Бронной до моего подъезда на Малой Дмитровке, где я напоследок всё же выдавил из себя с плохо скрытым сарказмом:

– Ну-с, прощайте! Спасибо за приятную прогулку!

Можно представить, что подумал обо мне Олег.

Геннадий в первые дни реагировал на моё отмалчивание, тоже

замолкал, а потом у нас как-то так сложилось с ним, что он, не обращая внимания на мою задумчивость, болтал, если у него было настроение, выдавал информацию в пространство, не заботясь, слушаю я его или нет. Иногда, конечно, он выбалтывал и что-то лишнее, ужасно похожее на сплетни, но ведь проще делать вид, что не слышишь, чем пытаться заткнуть рот говорливому человеку. Гена служил в редакции ещё до меня, будет служить, вероятно, и после. У него есть один несомненный плюс, который перекрывает все его недостатки – он водитель от Бога: водит осторожно, ни разу в жизни не попадал в серьёзные аварии, и машина у него всегда в идеальном порядке.

Уже на подъезде к Переделкино Геннадий начинает подавать голос: костерит соседних водителей за нерасторопность, дорогу – за колдобины и наледи. Затем взглядывает на меня в зеркало заднего вида пару раз – значит, жди информации. И точно.

– Николай Степаныч, оно, конечно, всяко бывает, но ведь не каждый же раз. Я, что, отдыхать совсем не должен?

Только я, несколько фраппированный, собираюсь начать оправдываться, как Гена-хитрец проясняет ситуацию, переводит стрелку:

– Я про Иванова говорю.

– А что случилось? – вынужден поинтересоваться я.

– Ну как же! Он уже несколько раз... Да раза четыре точно! Так вот, приказывает после работы везти его и эту, из поэзии, Александру, что ли, к её дому аж на «Войковскую»... А потом ещё и забирать его оттуда часов в десять, а то и в двенадцать и везти домой... Куда это годится? Я что, личный водила ему? Мне же тоже отдыхать надо...

Геннадий ещё долго ворчит, а я не знаю, что отвечать. И вообще, как реагировать. Иногда я Геннадия не понимаю: притворяется он или действительно таков, каков есть? Издевается он или серьёзен? Я, правда, старался не обременять его, но ведь несколько раз в своё время он и меня возил на «Войковскую»...

Наконец, чуть прихожу в себя и бормочу: мол, завтра же с Ивановым побеседую...

Подъезжаем к даче. Она у нас довольно старая и скромная, но зато своя. Эти несколько деревянных домов тогда ещё на краю по-

сёлка после войны построили пленные немцы – для высокопоставленных советских офицеров. Один достался и моему тестю, в то время генерал-майору. Он вскоре после нашей свадьбы с Лидой умер, дача перешла к нам в собственность по наследству. За что Лидия Петровна не устаёт благодарить Бога. Да и я порой, наблюдая за неутихающими битвами своих сотоварищей по литцеху вокруг литфондовских дач, испытываю чувство благодарности к покойнику тестю. А битвы-сражения кипят нешуточные – с компроматами, обвинениями, кляузами, судами и даже кровопролитиями. Недавно вон напали на дачу редактора «Литературки» Полякова, избили его жену – общественное мнение прочно связывает это с «дачным вопросом», с дискуссиями по этому поводу на страницах «ЛГ». Непонятно, правда, почему пострадал не сам редактор, а его супруга. Переделкино я, грешным делом, не люблю. Особенно вот в это время, на исходе зимы – слякоть, гниль, хмурость. Разговоры про ауру меня раздражают. Ну ходили по этим грязным тропам Пастернак и Чуковский, ну дышали этим тяжёлым воздухом – мнётся какая от этого радость? Особенно смешно, когда писатели-провинциалы, заселившись в переделкинский Дом творчества, ходят по посёлку с блаженными улыбками, вертят-крутят во все стороны головой: приобщились! А уж сам Дом творчества, особенно старое здание с «намоленными стенами», – это вообще убогость. Когда мне доводится там бывать по делам, я всегда ужасаюсь: как могут писатели, люди всё ж таки по определению интеллигентные, жить-обитать в такой заскорузлой убогости да ещё и радоваться этому? В прежние времена я бывал раза три-четыре в писательских Домах творчества в Юрмале, Ялте, Коктебеле – там намного приличнее и цивилизованнее сервис, но и то было мне некомфортно. Не понимаю, какое удовольствие может быть от житья и работы в казённых чужих стенах, пусть и на халяву? Так что, в отличие от сотоварищей, я не плакал, не горевал по украденным у Союза писателей домам творчества. Впрочем, Лидия Петровна моя плакала и горевала: вот она-то как раз обожала ездить и в Ялту, и в Дубулты с детьми...

А вот на нашей даче в Переделкино я, бывало, обитал неделями, особенно летом, в те времена, когда жив был мой сосед Роберт Рождественский – с ним мне нравилось общаться-дружить: человек

открытый, без всякой задней складки. Да и поэт не из последних. Он приобрёл-купил свою дачу у какого-то адмирала ещё в шестидесятые годы, так что его вдова и дочери до сих пор спокойно живут в ней. Одного я только не мог понять-уразуметь ни тогда, ни теперь: что связывало Роберта Ивановича с такими людьми, как Евтушенко, Вознесенский или Аксёнов? Ведь совершенно противоположные миры – антимир...

Дача наша пуста, нетоплена. Беспорядок ужасный: на столе за-сохшие объедки, пустые бутылки, постель скомкана, в печи гора золы... Не сразу я обнаруживаю на подоконнике записку с прыгающими буквами: «Мама, отец, меня не ищите. Я уехал и больше не вернусь. Начинаю новую жизнь. Прощайте! Дима».

Тупо читаю-перечитываю раз, второй, третий. Осматриваюсь вокруг и зачем-то думаю, что надо продать эту чёртову дачу и как можно скорее...

IX

В среду вечером я несколько неожиданно для самого себя сажусь в скорый поезд и отправляюсь в чернозёмный город Баранов.

В прежние времена в нескольких театрах страны шли инсценировки по двум-трём моим повестям и романам. В последние годы только в одном Московском театре «Отражение» остался-игрался мой спектакль по роману «Пьяненькие». И вот ещё осенью мне дозвонились из Барановского областного театра драмы: мол, вы не возражаете, если мы на нашей сцене поставим «Пьяненьких»? Я не возразил. И вот, пожалуйста, когда я уже и забыть успел и в момент не очень подходящий – приглашение на сдачу-премьеру спектакля. Хотя, с другой стороны, я даже, поразмыслив, обрадовался и откликнулся на приглашение с охотой – дома установилась в эти дни такая гнетущая обстановка, что хоть святых выноси. Лидия Петровна плакала и упрашивала заявить в милицию о пропаже сына, я всячески отбояривался и уверял её, что Дмитрий у нас вполне и даже чересчур взрослый, сам принимает решения, и вообще – покуролесит и вернётся... Меня, честно сказать, больше угнетала Лера: с ней творилось что-то странное, она ни с кем не хотела общаться-разговаривать, взяла больничный, на работу не ходила, дома почти

не появлялась – уверяла, что ночует у подруги...

В вагоне я наконец-то чуть расслабляюсь. Хотя терпеть не могу ездить: нахождение в запертом пространстве купе с незнакомыми людьми доставляет мне буквально страдания. Но этот поезд отправился уже в одиннадцатом часу ночи и прибывал в Баранов в семь утра. Так что я, не мешкая, даже толком не разглядев двоих попутчиков, укладываюсь на свою нижнюю полку, отворачиваюсь к подрагивающей стенке и погружаюсь в свой мир. Надо признать, состояние у меня довольно покачивающееся. И дело не только в выпитом перед дорогой мартины и покачивании вагона, но и в совершенно странном происшествии.

Час назад, когда Геннадий мне позвонил-доложил, что подъехал и ждёт внизу, я простился с Лидией Петровной и Фарисеем, ритуально присел на обувную полку перед дорогой, спустился вниз, открыл дверцу машины и остолбенел: на заднем сидении – улыбающаяся Саша.

– Не ожидали, Николай Степаныч? Вот так! Мне поручено проводить вас на вокзал.

– Кем поручено? – глуповато спросил я.

– Кем, кем... Коллективом!

На Павелецком Саша настояла, чтобы Геннадий её не ждал, и мы на какое-то время остались одни. Стояли на перроне, глаза в глаза. Я вдруг стал ужасно разговорчив и велеречив. Взялся рассказывать-хвастать, в какой чудесный город еду (Олегов снабдил меня обширной информацией), как вообще люблю старинные русские города, где сохранились русский дух и патриархальность...

Саша молчала, смотрела на меня странно и уже у самой подножки вагона, в последнюю минуту сказала:

– Мог бы и взять меня в Баранов на премьеру, – и тут же сменила выражение лица, слегка оттолкнула меня, засмеялась. – Да шучу, конечно. Езжай в гордом одиночестве...

Утром на перроне в Баранове меня встречает целая делегация из трёх человек: директор театра, импозантный крупный господин, представительница областного управления культуры, женщина с удивительно светлой улыбкой на круглом лице, и теряющийся на их фоне (и не импозантный, и не улыбающийся) человек средних лет, лицо которого показалось мне смутно знакомым. Держится он

позади и, когда здороваемся за руку, представляется как-то странно: мол, я местный вождь краснокожих. И суёт в руку визитку. Только в гостинице я вижу-читаю: «Клушин Александр Александрович. Прозаик, литературовед. Председатель правления Барановской писательской организации. Секретарь правления Союза писателей России». Я начинаю припоминать. Надо было, конечно, перед отъездом справиться о барановских писателях, ведь по программе визита мне предстояла встреча с ними, но вот закрутился, да и, признаться, презрительный, через губу отзыв Олегова о своих сотоварищах-земляках (сплошь бездари и графоманы!) сыграл свою роль.

Звоню Иванову. Бог мой, ну конечно: в нашем журнале несколько лет назад печаталась очень любопытная повесть Клушина «Прототипы» (её даже в обзоре снобистского «Нового мира» отметили), а позже – замечательная статья «Чехов и еврейский вопрос», та вообще вызвала фурор. Мы даже хотели за эту статью годовую премию журнала Клушину дать-вручить, но как раз Иванов настоял, чтобы премию по критическому отделу в том году мы отдали не малоизвестному провинциалу, а маститому Павлинову за его очередную статью о Тургеневе. Иванов напоминает-сообщает и о том, что этот Клушин недавно выпустил в крупнейшем московском издательстве «Эксмо» энциклопедию «Чехов». Да как же я мог забыть? Я сразу её купил и, помню, поразился: как смог один человек составить такую полноценную энциклопедию о необъятном Чехове да ещё и где-то в тьмутараканской глуши! А ещё, подсказывает Иванов, в Баранове живут истинные поэты Александр Телятников и совершенно молодая Мария Петрищева – их стихи наш журнал тоже публиковал неоднократно...

Меня кормят чересчур обильным завтраком в кафешке при гостинице, позволяют отдохнуть с дороги и везут на встречу с губернатором. Это не моя инициатива – избави Боже: губернатор, узнав, что в его вотчину приезжает «литературный генерал», «классик» и редактор всё ещё престижного журнала, сам загорелся желанием на меня взглянуть. У входа в местный Белый дом (назвать его патриотично Кремлём было бы нелепо, ибо здание и в самом деле белое) к нам присоединяется Клушин. Я быстро понимаю-догадываюсь, что мы с ним в какой-то мере близнецы-братья: он тоже избытком общительности и болтливости явно не страдает. И, что тоже

бросается в глаза, особого пиетета ни перед столичным литгенералом, ни перед своим генерал-губернатором не испытывает. Встреча проходит, как пишут в протоколах, в дружеской обстановке. Губернатор убеждает меня, что литературу в области любят, местным писателям загнуться в наши кризисные времена не дают, поддерживают как могут.

– Вон, Александр Александрыч соврать не даст...

– Не дам, – скупно улыбается Клушин. – Поддержка есть, особенно на издание книг, – спасибо! Но ведь, Иван Иванович, вы нам друг, но истина дороже: творческих стипендий писателей в этом году лишили? Лишили...

– Ну, а как ты хотел? Кризис! Стипендии у писателей даже вон в Белгороде и Орле отобрали...

– Зато там по-прежнему не только книги местных писателей издают, но и гонорар им выплачивают...

– Ладно, ладно, – всё ещё с улыбкой, но с ноткой недовольства в голосе отмахивается губернатор. – В рабочем порядке решим...

Дальше встреча катится без сучка-задоринки, в конце мы обмениваемся подарками: губернатор вручает мне шикарный альбом «Храмы Барановской епархии», я ему – свой последний переизданный роман и свежий номер журнала. Клушин, пользуясь случаем, тоже одаривает губернатора презентом – очередным только что вышедшим выпуском «Барановского альманаха».

– А вам, Николай Степанович, – поясняет, – мы в Доме печати наши подарки вручим.

От губернатора отправляемся в Дом печати. По дороге в машине мы сидим с Клушиным на заднем сидении. Молчим. Наконец я спрашиваю:

– Александр, а вы что, прозу перестали писать?

– Почему вы так решили? – удивляется он. – У меня в прошлом году в московском «Голосе» вышел роман «Джулия». Кстати, в этом он уже и в Польше издан, на польском...

– Ну а нам почему ничего не предлагаете?

– Как же... Уже года два, как повесть моя «Иск» у вас лежит. Жду. Впрочем, у вас же заведомо прозы сменился...

– Я обязательно выясню-разберусь, – горячо обещаю я. – Непременно повесть вашу опубликуем!

– Ну, Николай Степанович, вы сначала почитайте... Может, и не понравится, – усмехается Клушин.

Барановская писательская община мне и в целом кажется симпатичной. Правда, в сборе из тридцати всего человек восемь, самых, вероятно, адекватных. К сожалению, Александр Телятников, оказывается, живёт в глубинке, в ста с лишним верстах от города, так что с ним пообщаться не получается, но зато вижу двадцатилетнюю Машу Петрищеву. С ней я уже встречался в Москве и чрезвычайно рад снова увидеть её милое русское лицо, осенённое светом таланта.

Я планировал минут через пятнадцать откланяться, но сидим часа два. Пьём кофе, чай в пакетиках, закусываем конфетами. К слову, я ожидал, что меня станут угощать по обычаю водочкой и заранее хотел отказываться. Потом, в ходе разговора, по шуткам, я догадываюсь-понимаю, что здесь действительно чай-кофе предпочитают водке-пиву. И это поразительно: приходилось в других городах бывать-бражничать, да и в Москве, куда ни сунься на писательские посиделки, пить начинают с первой минуты и до упора...

Но меня ещё больше трезвости барановских пиитов и прозаиков поражают их оптимизм и энергия: создали своё издательство, выпускают книги, дважды в год альманах, проводят вечера, презентации, литературные праздники... На голом энтузиазме: ни зарплат, ни гонораров, ни теперь вот и стипендий! Когда наконец Москва примет Закон о творческих союзах? Когда?! Вот о чём они меня пытаются. Что я им могу ответить? Полтора десятка лет проект этого закона гуляет по высоким кабинетам и не принимается: нет, мол, финансовой базы под этот закон, надо искать примерно миллиард рублей. За последний кризисный год, между прочим, миллиардов пятьдесят не то что рублей – баксов нашлось-отыскалось, чтобы количество долларовых миллиардеров в России увеличилось вдвое...

А пока закон не принят, жизнь-существование писателей (художников, композиторов etc.) зависит от благосостояния региона и воли местных вождей. В соседнем Белгороде, к примеру, на писательскую организацию в год официально выделяется около пяти миллионов рублей. Да ведь на самом деле не на писательскую организацию, а на сохранение и развитие-поддержку местной литера-

туры, на культуру, на имидж области! А барановские писатели получили в прошлом году около пятисот тысяч. В десять раз меньше. Хотя и те и другие живут в одной России и входят в один Союз писателей России. Возникает вопрос: почему? Ответ прост как мычание: да ведь Белгородчина богаче Барановской области раз в десять. Что ж, спорить с этим трудно. Но ведь тогда другой интересный вопрос встаёт-назревает: а почему бы тогда барановским чиновникам и депутатам не получать раз в десять меньше их белгородских коллег?..

Были, конечно, вопросы и о Литинституте (Клушин, оказывается, учился на ВЛК в семинаре Павлинова), и о моём творчестве, и о журнале. И здесь я, дабы поддержать симпатичных людей, обещаю, что в одном из летних номеров журнала мы представим своим читателям Барановскую писательскую организацию. А чтобы не было обид, я сам отберу рассказы и стихи из двухтомника «Барановский писатель-2010» и трёх последних номеров «Барановского альманаха», что вручил-подарил мне Клушин.

Уже раскланиваемся и прощаемся, когда в писательскую врывается встрёпанная дама неопределённого возраста с горящими безумьем гениальности глазами:

– Хосподи, чуть не опоздала! Чё же мне никто не сказал? По радио, слава Богу, услышала о встрече! Николай Степаныч, я давно хочу с вами познакомиться...

Через минуту я становлюсь счастливым обладателем пяти сборников с автографами и объёмистой рукописи-распечатки новых стихов темпераментной поэтессы, а в качестве бонуса получаю головную боль...

Обедать меня везут в ресторан «Корсар» на Набережной. Клушин с нами не поехал, хотя его и приглашали, и я уже в машине, не зная куда девать пакет с дарёными книгами, вспоминаю, что ни я Александру свой роман не подписал, ни он о своей последней книге не вспомнил. Впрочем, будет ещё время: я обязательно хочу до отъезда познакомиться-пообщаться с Клушиным поближе.

После чересчур обильного обеда с коньяком у меня в добавление к головной просыпается в бок и знакомая томительная боль. В театр я попадаю уже в плохом настроении. Директор, не обращая внимания на мой кислый вид, тащит меня в свой кабинет, где свер-

кает бутербродами с икрой, фруктами и новыми бутылками коньяка фуршетный стол. Еле отбояриваюсь. Неугомонный директор увлекает меня на экскурсию по театру, начинает хвалиться интерьером и репертуаром. Интерьер и правда впечатляет – в этом роскошном здании размещалось при царях Дворянское собрание. В афише и правда помимо обязательных западных водевильчиков и непременно Островского значатся-красуются имена и современных русских авторов – Лобозёрова, Полякова, Сигарева, моё...

– Скажите, – для поддержки разговора спрашиваю я, – а почему у вас совсем нет Чехова, тем более в юбилейный год, и местных авторов?

Директор широко разводит руками:

– Да, согласен, упущение. Если честно, на Чехова боимся замахнуться... А вот с местными... Лежит у нас уже три года пьеса Александра Клушина «Город Баранов», очень сильная, но, увы, не можем найти деньги на постановку...

Я благоразумно не решаюсь выяснять-спрашивать, где театр нашёл финансы на постановку Полякова, Сигарева, моей пьесы.

Спектакль, который давали в этот вечер специально для моего знакомства с труппой, – из классики: инсценировка «Села Степанчиковова». Зал заполнен едва на треть. Я, конечно, хорошо знаю-помню мхатовский шедевр с Грибовым в главной роли. Когда барановский Опискин с первых сцен начинает вопить-орать во весь голос, топтать ногами и лупить мальчика Фалалея (которого изображает почему-то упитанный артист лет сорока!) кулаком и даже пинать, директор наклоняется к моему уху и с придыханием шепчет:

– Это наш НАРОДНЫЙ! А?! Завтра в вашем спектакле будет играть Михеича...

Мне становится совсем грустно. Признаться, к театру в последнее время у меня отношение сложное. *По моему мнению, театр не стал лучше, чем он был 30-40 лет назад. Он стал хуже. Когда актёр, с головы до ног опутанный театральными традициями и предрассудками, старается читать простой, обыкновенный монолог «Быть или не быть» не просто, а почему-то непременно с шипением и с судорогами во всём теле, то на меня от сцены веет той же самой рутинной, которая скучна мне была еще 40 лет назад.* Я помню впечатление от знаменитой сцены Таганковского спек-

такля, когда Гамлет Высоцкого начинает хрипеть-орать и мотать во все стороны руками, грозя вот-вот их оторвать и забросить в зрительный зал – зрелище более чем странное. Да и вообще, *всякий раз выхожу я из театра консервативным более, чем когда вхожу туда. Не знаю, что будет через 50-100 лет, но при настоящих условиях театр может служить только развлечением.*

Лично я, если и хожу в театр, то именно не за катарсисом. Любопытно увидеть в новых ролях знакомых и знаменитых актёров. Ещё лет десять назад я с удовольствием, к примеру, посещал все премьеры в соседнем Ленкоме, дабы взглянуть на Леонова, Янковского, Абдулова, Караченцова в новых ролях. Не стало актёров, не стало и театра. Экзерсисы режиссёра Захарова мне мало интересны. К слову уж расскажу случай, похожий на анекдот. Лет двадцать с лишком тому Захаров поставил в своём театре спектакль «Школа для эмигрантов» по пьесе совсем тогда молодого автора по фамилии Липскеров. Оно бы и ладно, но Марк Анатольевич заявил во всеуслышанье: мол, он думал, что Россия перестала рождать Чеховых, но ошибся... Самое смешное, что сегодня 45-летний Липскеров (уже на год Антона Павловича пережил!) повторяет эту чушь, опровергнутую временем, без смущения и даже с гордостью.

Ну а зачем я сам решил связаться с театром – этого я вообще не понимаю. Тем более теперь, когда театр в упадке, окончательно деградировал. Одно дело, когда созданный одним тобой мир воспринимается читателем тоже наедине с самим собой, интимно, и совершенно другое, когда над твоим детищем поработал-производился ещё и целый коллектив доморощенных гениев во главе с режиссёром, наспиговал отсебятиной, самовыразился за твой счёт и результат выставил на потребу целой толпы зрителей, настроение которой зачастую зависит от погоды, состояния луны и реплик двух-трёх недоумков, как это было на ужасном провале премьеры «Чайки» в Александринском театре...

Из театра я, категорически отказавшись от банкета-ужина и явно обидев тем директора, отправляюсь в гостиницу в совершенно развинченном состоянии.

Предчувствие предстоящей катастрофы давит грудь.

X

Бессонная ночь изматывает меня. Тишина давит. В Москве хотя бы шум машин за окном не прекращается круглые сутки. На лице, я чувствую, дрожание жилки – нечто вроде *tic'a*. Боль в боку всё усиливается.

Наконец уже утром за стеной начинает бормотать телевизор. Я встаю, беру обмотанный скотчем пульт с допотопного телящика в своём номере, включаю. Внимательно смотрю-слушаю мировые новости (...землетрясение на Гаити – двести пятьдесят тысяч погибших... выборы на Украине – напряжение растёт... провальная Олимпиада... курс евро упал...), затем местные. Среди прочих: *«Вчера прибыл в Баранов известный писатель Николай Степанович такой-то. Сегодня в областном театре драмы состоится премьера пьесы...»* Очевидно, громкие имена создаются для того, чтобы жить особняком, помимо тех, кто их носит. Теперь моё имя безмятежно гуляет по Баранову. Картинкой к сообщению показывают встречу у губернатора. Я давно не видел себя со стороны: Господи, неужели это я?!

Сижу на небранной постели, давлю на кнопки пульта, тупо смотрю в экран. В голову лезут нелепые мысли. Почему, думаю я, на всех каналах, в том числе и центральных, реклама крутится местная? Выходит, бедных барановцев местные телевизионщики лишают свободы выбора. Какая же это демократия? Вот я, допустим, житель Баранова, хочу посмотреть не местный убогий канал (а их в Баранове штуки четыре) и его примитивную рекламу, а выбрал центральный 1-й или «Россию» – значит, я и рекламу хочу столичную смотреть...

Выключаю телевизор и просто смотрю в стену. Размышляю.

Зачем я, знаменитый человек, сижу в этом маленьком номере, на этой кровати с чужим, серым одеялом? Зачем я гляжу на этот дешёвый телевизор и слушаю, как в коридоре дребезжат дрянные часы? Разве это достойно моей славы и моего высокого положения среди людей? И на эти вопросы я отвечаю себе усмешкой. Смешна мне моя наивность, с какою я когда-то в молодости превеличивал значение известности и того исключительного положения, каким будто бы пользуются знаменитости. Я известен,

моё имя произносится с благоговением, мой портрет был во всех газетах и энциклопедиях, свою биографию я читал даже в одном американском журнале – и что же из этого? Сижусь я один-одинёшенек в чужом городе, на чужой кровати, тру ладонью свой боковой бок... Семейные дразги, немилосердие кредиторов, грубость железнодорожной прислуги, неудобства паспортной системы, дорогая и нездоровая пища в буфетах, всеобщее невежество и грубость в отношениях – всё это и многое другое, что было бы слишком долго перечислять, касается меня не менее, чем любого обывателя, известного только своему подъезду. В чём же выражается исключительность моего положения? Допустим, что я знаменит тысячу раз, что я герой, которым гордится моя Родина; во всех газетах пишут бюллетени о моей болезни, по электронной почте и мобильной связи идут уже ко мне сочувственные адреса от товарищей, учеников и публики, но всё это не мешает мне умереть на чужой кровати, в тоске, в совершенном одиночестве... В этом, конечно, никто не виноват, но, грешный человек, не люблю я своего популярного имени. Мне кажется, как будто оно меня обмануло.

Чтобы совсем не закинуть с тоски, я прополаскиваю себя под душем, выпиваю в гостиничном буфете кофе с пирожным и, поглаживая ноющий бок, отправляюсь в город. Накануне я выторговал себе полдня личного времени, решив посвятить его знакомству с Барановом. Меня уже покатали по его центру на машине, впечатлительное предварительное он произвёл. Даже хмурость утра и гололёд под ногами, надеялся я, не помешают мне получше разглядеть-узнать и полюбить этот русский губернский центр, в котором я впервые оказался волею случая. Лица встречных барановцев хмуры под стать погоде. Каждый третий болтает на ходу по мобильнику. Ну да это и в Москве так. Впрочем, я не любитель разглядывать людей, мне интересней в новом месте пейзажи и здания. Уже вскоре я выхожу на Набережную, где открывается дивная перспектива: заснеженная река с фигурками рыбаков и лыжников, за рекой темнеет бесконечный лес, вдоль излучины на городском берегу то там, то здесь среди многоэтажек золотятся купола церквей.

Вот где надо жить человеку и дышать полной грудью!

Я редко захожу в церкви. Да и молиться не умею. Однако ж помню-знаю, что атмосфера внутри храма способна успокоить душу,

утишить сердечную тоску. При условии, конечно, если не смотреть на лоснящиеся лица попов и не вслушиваться в их равнодушное бормотание. Я уже совсем было собираюсь зайти в скромную однополовую церквушку с голубым декором стен, как вдруг, не доходя до неё, вижу-читаю вывеску на соседнем здании: «Медицинский центр». Рядом на щите – зазыв-реклама: «Томография. Полная диагностика за один час...»

Видно, сам Господь навёл...

XI

Через полтора часа я сижу в своём номере никакой. Я так оглушён, что не в силах даже по-настоящему устрашиться. В голове пульсируют бессвязные обрывки мыслей-дум: «Ну вот и всё... Значит, с тёзкой у нас одна судьба... Кому-то сообщить надо...»

Вспоминаю, что ни разу за сегодняшний день не звонил мобильник. Нахожу его в кармане и обнаруживаю: утром забыл включить звук. На дисплее сообщение о пяти пропущенных звонках от жены и получении двух sms. Одно сообщение от Иванова, второе от жены. *Что ей нужно?* Открываю: «Почему не отвечаешь?! Срочно позвони, у нас горе!!!»

Я читаю эту эсэмэску и пугаюсь ненадолго. Пугает меня не известие «у нас горе», а моё равнодушие, с каким я встречаю это известие. Набираю номер, звоню. Лидия Петровна, рыдая, сообщает: у Леры диагностирован ВИЧ. Я хочу сказать в ответ: «А у меня диагностирован...». Но вместо этого бормочу: мол, может, ошибка, может, всё будет хорошо...

– *Возвратись скорей!..* – рыдает в трубку жена.

И правда, думаю я, надо сегодня же ехать...

Потом *долго сижу на постели, обняв руками колена, и стараюсь познать самого себя.* Самое время подводить итоги. *Я экзаменую себя: чего я хочу?* (Именно «хочу», а не «хотел» – в прошедшем времени думать-размышлять никак не получается.) *Я хочу, чтобы наши жёны, дети, друзья, ученики любили в нас не имя, не фирму и не ярлык, а обыкновенных людей. Ещё что? Я хотел бы иметь помощников и наследников. Ещё что? Хотел бы проснуться лет через сто и хоть одним глазом взглянуть, что будет с наукой, лите-*

ратурой, вообще – ЧТО будет. Хотел бы ещё пожить лет десять... Дальше что?

А дальше ничего. Я думаю, долго думаю и ничего не могу ещё придумать. И сколько бы я ни думал и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моём желании жить, в этом сиденье на чужой кровати и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всём, нет чего-то общего, что связывало бы всё это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует моё воображение, даже самый искусный аналитик не найдёт того, что называется общей идеей, или Богом живого человека.

А коли нет этого, то, значит, нет и ничего.

Всю жизнь я ставил себе в заслугу, что не интересуюсь политикой, не вступал никогда ни в какие партии. (Позволял лишь порой шуточки в узком кругу: дескать, нами в последние два десятка лет правит президент Горелпут, страна наша стала Горелпутией, а мы все превратились в горелпутов.) Ну а разве Союз писателей – это не та же партия? Тем более сейчас, когда он разделён на несколько СП явно по политическим мотивам...

Я сижу и сижу на гостиничной жёсткой кровати, зажав голову. В мозгу утомительно пульсирует фраза-афоризм из «Скучной истории»: *«Равнодушие – это паралич души, преждевременная смерть...»*

Мне вдруг вспоминается наш Фарисей. Если б он в сей момент очутился в этой гостиничной норе! Вскочил бы на колени, улёгся в позе сытого льва, заурчал-запел свою песню, которая действует на меня всегда так умиротворяющее... Поразительно, почему Антон Павлович терпеть не мог котов?

Легкий стук в дверь. Кому-то я нужен.

– Кто там? Войдите!

Дверь отворяется, и я, удивлённый, делаю шаг назад. Передо мной стоит Саша.

– Здравствуйте, – говорит она, тяжело дыша от ходьбы по лестнице. – Не ожидали?

Она расстёгивает дублёнку, садится и продолжает, стараясь не упустить шуточный тон:

– *Что же вы не здороваетесь?*

– *Очень рад видеть тебя, – говорю я, пожимая плечами, – но я удивлён... Ты точно с неба свалилась. Зачем ты здесь?*

– *Я? Да вот решила... сюрпризом, на вашу премьеру... Не рады?*

Молчание. Вдруг она порывисто встаёт и идёт ко мне.

– *Николай! – говорит она, бледнея и сжимая на груди руки. – Николай! Я не могу дольше так жить! Не могу! Ради истинного Бога скажи скорее, сию минуту: что мне делать? Говори, что мне делать?*

– *Что же я могу сказать? – недоумеваю я. – Ничего я не могу.*

– *Говори же, умоляю тебя! – продолжает она, задыхаясь и дрожа всем телом. – Клянусь тебе, что я не могу дольше так жить! Сил моих нет!*

Она падает на стул и начинает рыдать. Она закинула назад голову, ломает руки.

– *Помоги мне! Помоги! – умоляет она. – Не могу я больше!*

В сумочке у неё звонит телефон. Саша судорожно достаёт его, заодно и носовой платок, утирает слёзы, прижимает трубку к уху. Я слышу-узнаю голос Иванова:

– *Алло! Ты куда исчезла?!*

Саша захлопывает телефон, кидает в сумку. Она хватается мою руку, сжимает, впиваясь ногтями, до боли:

– *Скажи! Говори же: что мне делать?*

Всхлипы мешают ей говорить.

– *Пойдём, Саша, пообедаем, – говорю я, натянуто улыбаясь. – Будет плакать!*

И тотчас же я прибавляю упавшим голосом:

– *Меня скоро не станет, Саша...*

Она не слушает или не слышит.

– *Хоть одно слово, хоть одно слово! – плачет она, протягивая ко мне руки. – Что мне делать?*

– *Чудачка, право... – бормочу я. – Не понимаю! Такая умница и вдруг – на тебе! расплакалась...*

Наступает молчание. Саша достаёт расчёску, причёсывает перед зеркалом свою чёлочку, вытирает потёкшую тушь, подправляя

ет помадой губы.

– Давай, Саша, пообедаем, – повторяю я.

– Нет, благодарю, – отвечает она холодно.

Ещё одна минута проходит в молчании.

– Мне нравится Баранов, – говорю я. – Светлый город.

– Да, пожалуй... Уютный... Я вообще решила: брошу Москву и буду здесь жить.

Я знаю – Саша на такое способна.

– Это ты зря! – говорю я. – Тебе надо жить только в столице и – писать, писать и писать...

– Вы, Николай Степаныч, прямо как Ленин, – язвит Саша и вдруг лицо её кривится, искажается гримасой. – *Это, наконец, жестоко! Тебе хочется, чтобы я вслух сказала правду? Изволь, если это... это тебе нравится! Таланта у меня нет! Таланта нет и... и много самолюбия! Вот!*

Сделав такое признание, она отворачивает от меня лицо, смотрит в стену.

Я не знаю, что отвечать. Грустно.

Проходит несколько томительных минут. Саша *встаёт и, холодно улыбнувшись, не глядя на меня, протягивает мне руку. Рука у неё холодная, словно чужая.*

– Поеду домой...

Она идёт к двери, открывает. Я жду, что она обернётся, перед тем как уйти, но Саша не оборачивается.

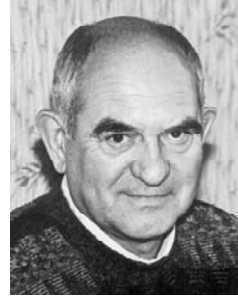
Я сижу на кровати и слушаю, как в коридоре удаляются-затишают её шаги.

Прощай, мое сокровище!

2010 г.

Евстахий НАЧАС

* * *

*Меня знал каждый воробей
И василёк в пшеничном поле.
Для трудностей и для скорбей
Я был рождён по Божьей воле.
И там на ярчевских буграх –
Их «тигры» вермахта давили –
Я испытал и боль, и страх,
Скорбел над братскою могилой.
Мне не забыть голодных драм –
Враг все поля в округе выжжёт,
Война оставила мне шрам,
Но в оккупации я выжил.
И я на скорби не ропщу,
Ведь Божий промысел – святое,
Но униженья не прощу,
Вам унижать меня не стоит.*

Евстахий Ярославович Начас – юбиляр этого года: родился 70 лет тому назад на Украине. Вся его сознательная жизнь связана с Тамбовщиной. Работал в областных газетах, в том числе – редактором газеты «Наедине».

Публиковался в газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках. Автор восьми поэтических книг.

Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат областной премии им. Е. А. Баратынского.

Член Союза писателей России с 1995 года. Входит в правление Тамбовской писательской организации.

* * *

*Никогда никого не вини,
 Даже если приходится туго,
 Добрым словом врага помяни
 И прости нерадивого друга.
 Их грехи на себя не бери
 На заре или в сирую слякоть,
 Ты молитву за них сотвори
 И поплачь, если в силах заплакать.
 Как бы в жизни тебе не везло,
 Ты Христа вспоминай, не Иуду.
 Зло всегда провоцирует зло,
 А добро всегда родственно чуду.*

* * *

*Вдруг облако, похожее на птицу,
 Явилось в черноморских небесах.
 Оно, быть может, после повторится,
 В моих коротких беспокойных снах.
 И пляж с отполированной галькой,
 Просвеченной лучами вглубь и вишьрь.
 На ней через космическую кальку
 Оставили века астральный шифр.
 Его поймут грядущие потомки,
 Что там на ней – столетья или миг?!
 Пока мы утираемся в потёмки –
 И разрушаем Богом данный мир.
 Мы расстаёмся с Лазаревской вскоре –
 Меня ведь ждут над Цною облака.
 Бессмертья нет, но есть земля и море,
 И небеса, что держат их... пока...*

* * *

Ищу всё «куриного бога»,
 Ищу, но найти не могу.
 Вокруг отдыхающих много,
 А он – как иголка в стогу.
 Нас берег Лазурный приветил
 Всего лишь на десять деньков,
 Я, может, впервые на свете
 Дышу глубоко и легко.
 На солнечных волнах качаясь,
 Усталость давно уплыла.
 Как луки Амуров, у чаек
 Изогнуты туго крыла.
 Летают «воздушные змеи»
 На лесках в руках малышей.
 Здесь, в Сочи, всё как-то нежнее,
 Здесь как-то теплей на душе.
 И, русской земли берегиня,
 Ведёт нас по жизни любовь...
 Вы с Машей – сестрой – как богини
 Из моря выходите вновь.
 Так только лишь женичины могут
 Идти по волнам и камням...
 Нашёл я «куриного бога»,
 А может, нашёл он меня?..

* * *

Меня волнует каждая дорога
 И окна засветившие дома.
 Стал часто уставать, а дел так много,
 Поспеть бы довести их до ума.
 И навестить отца могилу в Польше,
 Об этом я мечтаю с давних дней.
 Но сил всё меньше, а хамья всё больше,
 И оттого душе ещё больней.

* * *

*Старее мир, и древние приметы
 В фольклор уходят, потеряв свой код.
 Меняется и климат на планете –
 Тепло вовсю глобальное грядёт.
 И катаклизмы землю сотрясают:
 Над Африкой весенней – снегопад,
 Грибы-мутанты в Альпах вырастают,
 В Сибири зной сжигает листопад.
 И айсберги арктические тают,
 Тепло крадётся к вечной мерзлоте.
 Всё ближе астероиды летают,
 Нас приближая к роковой черте.
 Сквозь хмарь пробиться солнце вновь не может,
 Осенний дождь листву в канаву смыл.
 И если Бог второй раз не поможет,
 То значит, он совсем о нас забыл.*

* * *

*С глобальным потеплением бороться
 Нас призывают власти многих стран.
 А я боюсь, что небо оборвётся
 И всё вокруг поглотит вмиг туман.
 Земля не может быть землёй без неба,
 Ей небесами надо дорожить.
 А человек не может жить без хлеба,
 И без надежды тяжело ему жить.
 Стоит температура выше нормы,
 Но тяготит ноябрьское тепло,
 Не греют душу новые реформы,
 Когда весь мир дождём заволокло.
 Когда в нём поле брошенное стынет,
 Когда в хлевах коровы не мычат,
 Как глас тот вопиющего в пустыне
 Призывы эти громкие звучат.*

* * *

Уходит снова лесом в небо осень,
 Блестит вода в берёзах, как слюда.
 Среди берёз и тулиновских сосен
 Судьба нас обвенчала навсегда.
 Искали встречи и глаза, и руки,
 Соприкасались плечи, как сейчас.
 Теперь с тобой мы здесь гуляем с внуком,
 А сосны, видно, вспоминают нас.
 Органный шум вершины их колышет,
 У комля – берендеевский уют.
 За эти годы сосны стали выше,
 А небеса стареть нам не дают.
 Они умеют помогать друг другу,
 Среда их обитанья – высота.
 Судьба водила долго нас по кругу,
 И, видимо, водила неспроста.
 Здесь дочкин дом, здесь рыжие иголки
 Узоры ткут с зелёною травой.
 Наши кареглазый младший внук Егорка
 Бежит по ним за осенью второй.

* * *

В низких тучах вязнут кроны,
 Речка – длинный мокрый шарф.
 Только чёрные вороны
 Оживляют чуть ландшафт.
 Что-то клювом ищут в клумбе,
 Не торопятся в полёт.
 Каравеллою Колумба
 Город сквозь туман плывёт.
 Ёлки, что в Петровском сквере,
 Как на мачтах паруса...
 Но я в тучах этих серых
 Ясно вижу небеса.

* * *

*Хожу, что-то делать пытаюсь,
 Но всё это не наяву,
 Я в мыслях к тебе прикасаюсь
 И воспоминаньем живу.
 Я имя твоё повторяю,
 Дыханьем твоим я живу.
 Тебя я порою теряю,
 Но всё же тебя нахожу.
 Любовь без разлук не бывает –
 Одно утешенье моё.
 Как медленно ночь убывает,
 Как долго заря не встаёт...
 Как трудно угадывать звуки...
 Как больно смириться с судьбой!..
 Давно я забыл все разлуки,
 Но помню все встречи с тобой.*

* * *

*Температура – минус пятьдесят,
 Попрятались куда-то все вороны,
 Как люстры драгоценные висят
 Пушистые берёзовые кроны.
 Я молод – красноярский злой мороз
 На всём пути до школы не страшает,
 Где б ни был я, но дивный свет берёз
 Мне душу согревает, восхищая.
 Мне кажется, что ветки зазвонят,
 Когда таёжный ветер грянет снова.
 Мои мечты пока меня хранят,
 Я молодой учитель из Тамбова.
 И на душе моей светло... Пока
 Любовь, надежда, вера – всё со мною.
 Вокруг сугробы, будто облака,
 И шевелятся крылья за спиною.*

* * *

*Напасти с Ближнего Востока
 Теперь особая статья,
 Мир был суровым, стал жестоким,
 От террористов нет жителя.
 И гибнут люди в самолётах,
 И в поездах, на площадях,
 И на широтах и высотах
 Безумцы судеб не щадят.
 Мы перед ними безоружны,
 Уловки их изощрены.
 Насколько все мы равнодушны,
 Настолько мы обречены.
 Вновь будут слёзы и страданья,
 И будут взрывы вновь и вновь,
 Пока не станет состраданье
 Таким же чувством, как любовь!*

* * *

*Аритмия... Плохо с сердцем...
 И рубцы... И слабый ритм...
 Вот и стал приспособленцем –
 Приспосабливаюсь... к ним.
 Хоть людей такого толка
 Никогда не уважал,
 Коль общался, то недолго –
 Сам себя не унижал.
 Ведь холуйство, как зараза,
 А она хитра и зла,
 Но Господь дал людям разум,
 Чтоб свобода в них жила.
 Надо честным быть и добрым,
 Это, может, и клише,
 Зато Господу угодно,
 Многим людям по душе.*

* * *

Я – поэт из тамбовской провинции,
 Куда смог молодым завернуть.
 Я родился на свет украинцем,
 Но в России закончу свой путь.
 Ведь когда-то в Советском Союзе
 Все мы жили в единой стране,
 Где Шевченко и Пушкина муза
 В годы детские грезилась мне.
 Я всегда понимал, что не гений,
 Только вот не писать я не мог
 О Руси, чтоб свет поля осенний
 Долго-долго сиял между строк.
 Мы считали Союз монолитным,
 Забывали о тяжких грехах...
 Но стихи – это та же молитва,
 А молитва светла и тиха.
 А как молятся люди в России,
 Так молиться не в силах нигде.
 Много стран, но страну-мессией
 Лишь Россию считают везде.
 Дайте срок, и Россия искупит
 Грех не только чужой, но и свой,
 И уже ни на шаг не отступит
 От того, что зовётся судьбой.
 Жаль, недолго мы были едины
 И умели друг друга прощать.
 Горько мне, что вожди Украины
 Стали русский язык запрещать.
 Россиянин с душой украинца,
 Я люблю Украину и Русь.
 Я – поэт из тамбовской провинции,
 И пока я пишу, я молюсь...

* * *

Стоят в сугробах срубленные ёлки,
 Бери на выбор – скоро Новый год.
 Гуляем с внуком маленьким Егоркой,
 А на дворе декабрьский гололёд.
 Его глазёнки – как весенний лучик,
 Двоим нам не заметна толкотня.
 Держусь за его маленькую ручку,
 И крепче нет опоры у меня.
 Они везде, загубленные ёлки,
 Все праздники язычеством грешат,
 А цены-то кусаются, как волки,
 Но что без ёлки русская душа?!
 Мы небольшую ёлочку нарядим,
 Чтоб радость Новогодья не забыть,
 Играть Егорка с нею будет рядом,
 Игрушки трогать, не боясь разбить.
 А я люблюсь им, я понимаю:
 Пока ещё я вижу небеса,
 Мой внук-мальши, как ангел, помогает
 Мне верить и в добро, и в чудеса.

Александр МАКАРОВ

* * *

*Слышишь, движутся, движутся дни,
Задевая друг друга краями.
То прят в поднебесье они,
То лежат молчаливые в яме.*

*Слышишь, тихо кряхтят жернова,
Потихоньку проходят по кругу.
Прилипают к гортани слова,
Прикасаются руки друг к другу.*

*Неподкупное время идёт.
Слышишь, в облаке фальши и пыли,
Голос песни правдивой? Поёт.
Кто молчал и о ком позабыли.*

Александр Михайлович Макаров родился в 1946 году на Тамбовщине, сейчас живёт в селе Вишневом Староюрьевского района.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Публиковался в областных газетах, журналах «Подъём», «Наш современник», получал премии этих журналов за лучшие публикации года. Автор восьми поэтических сборников.

Член Союза писателей России с 1988 года.

* * *

*Проходит жизнь моя, но я её не вижу.
Чем ближе к старости, тем к детству я всё ближе,
Все тропки, все ручьи туда, к тем дням бегут,
Воспоминания, как псы их стерегут.*

*Открою в детство дверь мечты волшебным ключиком.
Вприпрыжку, босиком по кочкам и колючкам,
Бегу к родной реке, до сей поры она
Не забывает смех и наши имена.*

*Давно на свете нет ни Вани и ни Вити.
Мне в двери не войти, мне из дверей не выйти.
Я не могу найти в потёмках слова «нет»
Вперёд – не найденный, назад – пропавший след.*

*Грохочут времена, попав в каменоломню.
Мне жизнь моя нужна, которую не помню,
Не вижу и почти не чувствую уход,
Как почвы из-под ног, и как из русла – вод.*

* * *

*Остановился в просторе прочесть муравьиную строчку
О непрерывности троп и бесконечности дней.
Блеет в зените бекас, полюбивший болотную кочку, –
Словно ягнёнок, весь день в небе пасётся над ней.*

*Взглядом окину простор: на пригорке стоит деревушка,
Крыши блестят... Подойду – камни, зола, черепки.
Вспомнил, что в прошлом году у калитки стояла старушка,
И пожалел, что о ней нет ни словца, ни строки...*

*Вдоволь напившись росы, зашатается ветер и сдует,
Мысли, и в даль унесёт, с пылью дорожной смешав.
Будут скрипеть на зубах, как песчинки, печальные думы,
Буду шагать, в кулаке палку вязковую сжав...*

ИДУ!..

I

*Пока живу – иду на трудовую службу.
На добрый лад кладу расстроенную дружбу.
Иду я в свой сарай – ждут корма поросята.
Иду на самый край осеннего заката.
Пока живу – иду за словом и молчаньем.
А радость и беду несю я за плечами.*

II

*Впереди мои розы. Путь неровен, тернист.
Через кучи навоза, да сквозь крики и свист.
Где пешком, где вприпрыжку, где и вовсе ползком.
Не за сладкой коврижкой, не за лёгким куском.
По камням и по росам, – нет дороги длинней, –
Я иду к моим розам, до скончания дней.*

* * *

*Давай оставим все, как есть,
Точнее говоря, оставим все, как было.
Ошибок и обид не счесть,
Но я тебя любил и ты меня любила.*

*Давай оставим всё, как есть.
Оставим только дверь немного приоткрытой
Для поздней вестки. Эта вестка
О том, что я забыл и что тобой забыто.*

РИСУНОК: НАЧАЛО ГРОЗЫ

*Вдруг всё затихло. Лист, летящий вниз,
На полпути от ветки до травинки,
Остановился. Так, играя в детстве,
Мы столбенели, слыша крик: «Замри...»
Вот точно так же замер этот лист,
Летящий с ветки. Ветка, покачнувшись,
Затихла, крикнув первая: «Замри...»
Всё в мире в этот миг остановилось.
Остановился поезд. Лошадь встала.
Взлетев на кучу краснопёрый кочет
Хотел в пространство крикнуть: «Кукареку»,
Но, подавившись первым слогом «Ку»,
Затих, стоять оставшись на вершине
Навозной кучи. Как Наполеон.
Остановились даже муравьи,
Бесстрашные, безумные созданья,
Идущие упорно к светлой жизни,
Рабы одновременно и творцы.
Мне в этот миг весь мир напоминал
Простой и незатейливый рисунок
Который постепенно оживал,
По мере моего к нему вниманья.
Вот шевельнулась мошка на цветке,
И вспомнила своё существованье.
Я слышал в тишине её дыханье.
Лист простонал. Он все-таки упал,
Ударился о землю. Началось...
Беззвучно поезд двинулся по кочкам,
К нему, толпясь, бежали муравьи,
Родимый свой бросая муравейник,
И всё, что было нажито, бросая,
До светлой жизни так и не дойдя.
Бежал Наполеон. Победной песни
Так и не спев. Его утешут куры,
Когда он доберётся до сарая.
Гром прогремел. Как будто бы телега
Разваливалась в небе. Колесо*

*Катилось к горизонту по ухабам
Замшелых туч. Горшки, ключи, посуда, –
Всё гроыхало, звякало, звенело,
Всё двигалось, бежало и летело...*

* * *

*Остановилось время игрек.
В реке остановились рыбы.
В земле остановился крот.
Мальчишки, позабыв об играх,
Не книги изучают – клипы,
Где время пляшет и поёт.*

*Иду, крутя шагами землю,
За мыслями о синих тиграх,
Они спускаются с высот,
Туда, где переменам внемля,
Остановилось время игрек,
А время икс пошло вперед.*

* * *

*Я видел, как быка на мясо забивали.
К дубовому столбу за шею привязали.
Ударили, столпясь. И покачнулся столб.
И зашатался бык, пал на колени... Стоп,
Не буду говорить... Под ноги куры лезли,
Соседский лаял пёс. Я вытер пот со лба.
И уходил. Молчком. Исконно зная, если
Я обернусь – себя увижу у столба...*

* * *

*Иду за гробом, грусти полный,
Поднять не в силах головы.
О голенище бьются волны
Ещё не скошенной травы.*

*Дорога – речка. Ветер свищет.
И небеса почти в упор.
Как лодка, гроб войдёт в кладбище,
Вплывёт, волне наперекор.*

*Вплывёт, как в устье. В этой лодке
Мертвец, – весёлым парнем был, –
Не от болезни, а от водки
Он умер, в мир иной отплыл.*

*Лежит мертвец, покоя полный,
Поднять не в силах головы.
О гроб сосновый бьются волны
Ещё не скошенной травы.*

ВЕЧНАЯ ЖАТВА

*Поле засею, огород посажу,
И отдохну. Над рекой посижу,
Позагораю, побалуюсь рыбкой.
Вот уберу с огорода осот,
Вот и тогда отдохну за весь год,
Буду встречать дни и ночи – с улыбкой,*

*Поле возделал, межу прополол.
Вот проциклую рассохшийся пол
И отдохну. Я сдержу свою клятву.
Выйду, уеду, уйду, улечу,
Всё буду делать я, что захочу,
Вот завершу свою вечную жатву...*

* * *

*В дверь позвонили, как будто пробили обычные склянки
На корабле. Я встаю. Мысли, как волны бегут.
Нужно понять обстановку и в сердце унять беспокойство,
Быстро заправить матрас и приниматься за труд.*

*В бытность на Северном флоте я был неплохим кочегаром,
Кто мне поверит, что я в топку бросал уголёк?..
Дверь открываю, соседка спросила, была ли машина
С мусором... Боже ты мой, как я от счастья далёк...*

* * *

*В океане евангельских притч потерял я весло.
Но хочу глубину я постичь недосказанных слов.
Неоконченных снов разглядеть полутьму, полусвет,
И увидать того, кого не было в жизни и нет.*

*Слышу музыки времени скрытый возвышенный ритм.
Вижу тени фигур аллегорий, метафор и рифм.
Кто же он, вездесущий, – спрошу у себя, – кто же он,
Заблудившийся в безднах великих и малых имён?..*

*Океан бытия неспокоен. Событья текут.
Слышу музыки времени. Все мы находимся тут.
С необорванной нитки тропы начинается даль.
Начинается Путь с той же буквы, с какой и Печаль.*

* * *

*Если кончается лес, начинается юный подлесок,
В нём не заблудишься ты, не потеряешь тропы.
Если кончается жизнь, начинаются воспоминанья,
В них невзначай забредёшь и не вернёшься назад.*

*Воспоминанья пишу о Старшинове – русском поэте,
Письма его ворошу, слушаю голос его.
В восьмидесятих годах я учился в его семинаре,
Литинститут до сих пор в сердце, как улей, гудит.*

* * *

*И вдруг мне стало стыдно, что пишу
Стихи совсем не так, как я дышу.
Дышу весной, а сам иду к морозу.
А иногда в курятнике, в хлеву
Я вижу розу, вижу наяву,
Она цветёт и ходит по навозу.*

*Быть может, я неправильно живу,
И мне пора переходить на прозу.
Быть может, другом не того зову
И не меня Харон ждёт к перевозу.*

*Нести любовь, похожую на грусть,
Не привыкать, рождённому под знаком
Луны. Я сознаю и не стыжусь
Любви к бездомным людям и собакам.*

* * *

*Дорогу не пройти до окончанья дней.
Чем дальше, тем она становится длинней,
А жизнь, чем дальше, тем становится короче.
Там, где был сад – пустырь, где были реки – хлам,
Неведомые мне дни ходят по холмам,
Жизнь изменила всё. Дни переходят в ночи.*

*Другие зеркала другие времена
В себя вбирают, изменяя имена.
Нет места у меня ни в той, ни в этой песне.
Я знаю, никогда тебя я не найду,
Я знаю, никогда дорогу не пройду,
Но всё-таки иду и приближаюсь к бездне...*

* * *

*Белка в укромное место положит орех или жёлудь,
Чтобы холодной зимой было ей что на обед.
Я опустил в тёплый погреб на зиму картофель с морковью.
Так же, как белка, верчусь я в колесе у судьбы.*

*Вздрыгнул, и с грохотом вниз покатился листочек дубовый,
Взглядом его проводил и возвратился назад.
От Староюрьева до убегающих улиц Тамбова
Выстлала золотом путь осень, начав листопад.*

* * *

*Всё с огорода убрал. Запахал. Заплатил трактористу.
И с облегченьем вздохнул. Грядки забыть поскорей,
В угол поставить лопату и, слушая шорох землистый,
С удочкой к речке пойти и половить пескарей.
Еду к реке. И надеюсь поймать драгоценное слово.
Город поэзии – Львов, вспомнился мне поутру.
На фестивале поэтов попал в семинар Соколова,
Где и пришёлся ему, как говорят, «по нутру».
«Сколько вам лет?» Я ответил. И он по-отцовски, сурово,
Проговорил: «Что ж, пора вам постоять на ветру...»*

* * *

*Пенсионер безработный, хожу иногда за грибами,
То на рыбалку иду. Словом, как старый поэт
Без вдохновенья. Так в небе два облака, стукнувшись лбами,
Не высекают огня. Это одна из примет
Кризиса времени: осень не знает, что делать ей дальше,
Ну, а зима не пришла. Так же вот точно в душе
Чувства на грани стоят, отделившую правду от фальши,
Между ушедшим «ещё» и наступившим «уже...»*

* * *

*После морозного вздоха с берёзок листва улетела,
Враз потемнели они и собрались, как на суд.
Если в аллею всмотреться, увидишь (весёлое дело!) –
Так же, как мы, деревья, что-то в кулёчках несут.*

*Спервоначала нельзя догадаться, кому передача,
Крохи, остатки весны. Мало ли тех, кто в судьбе,
Словно в лесу заблудился, кого не любила удача...
Лишь напоследок поймёшь: это же, братец, тебе.*

* * *

*Мать уезжает в Москву. Младший сын, брат мой, Юра, не пишет,
Матери хочется знать, как поживает сынок.
Жизнь на девятом десятке её, словно стебель, колышет,
Стала она походить на запоздалый цветок.*

*(Вмиг под ворчанье Борея, под звон молодого мороза,
Низко нагнётся она и улетит в синеву...)
Мама поедет в Мичуринск и будет там ждать паровоза,
Он заберёт её внутрь и поползёт на Москву.*

*Деньги в платок положив, закольнула булавкой карманчик.
«Если умру я в Москве, пусть там схоронят меня...»
Мне показалось, что я – несмышлёный и маленький мальчик,
Жалко, что мне шестьдесят стукнуло третьего дня.*

* * *

*Еду в родные места. Еремеево. Остров Свинячий,
Плюскань и Круча – река помнит излук имени.
Утка, увидев меня, даже крякнула от неудачи,
Я – посторонний, и ей встреча со мной не нужна.*

*Мыши ныряют в ботву, пропадая в подсолнечном поле.
Скоро зима и сюда не позовёт нас январь.
Так, что гуляй на просторе на родине счастья и боли,
Впитывай в сердце, собирай в душу родимую хмарь.*

* * *

*Стихотворенье пишу о дороге в просторе уснушем.
Днём там светло от цветов, а по ночам свет от звёзд.
Будто стою на черте между будущим, между минувшим,
В воздухе пальцем возжу – там колыбель, тут погост.*

*Как далеко, Боже мой, я ушёл от своей колыбели,
Вот бы Судьбу повернуть и возвратиться назад.
Я бы нашёл это место, где птицы о счастье мне пели.
Я всё такой же. Вверху звёзды всё те же горят.*

*Я понимаю, нельзя возвратиться к истоку явлений,
И невозможно вернуть в высях истлевшую весь.
Хочется верить, что в жизни я в правильном шёл направлении,
Реки любил и людей. И не случайно был здесь.*

Иван АКУЛОВ

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Поэма

(Фрагмент)

1

*Под старый Новый год
Двенадцать кровных братьцев
Собрали вместе род,
Чтоб в жизни разобраться.
Я был у них в гостях
И помню споры века
О грозных новостях
И страхах человека.*

*Никто из них не стал
Выпячивать успехи,
Влезать на пьедестал,
Когда ушли помехи.
Был каждый скромн, тих,
Являл любовь и память,
Не жаждал «на троих»
Под низовую заметить.*

Иван Иванович Акулов родился в 1942 году. Живёт в с. Петровское. Публиковался в областных и районных газетах, коллективных сборниках, «Тамбовском альманахе», журнале «Подъём».

Автор сборников стихов «Прапамять», «Кукушкины слёзки», «Протомир», «С той стороны...», «Судный час».

Член Союза писателей России.

Средь равных старший брат
Особо выделялся.
Он всем был в меру рад,
Душевно улыбался.
От просветлённых слов
Спокойны были лица,
Лишённые основ
Корысти и амбиций.

– Взи зарю пяти¹, брат, –
Сказал первун, – не стоит
Незнамо, наугад
В чужие лезть покои,
А оглядимся впрок
И вспомним наши корни,
Чтоб памяти урок
Связал нас с прошлым горним.

Мурлыкал сладко кот.
Горели ярко свечи.
С рождественских высот
Спускался тихо вечер.
От тайн его, щедрот
Почувствовал я снова:
Настал и мой черёд –
Отведать силы слова.

2

Из братьев первуном
Сынок Василий² вышел
К народу за окном
И к месяцу на крыше.
Был чист младенец, как
Слеза с мороза. Неба
Сокрытая рука
Спускала хлопья хлеба.

Январь – надежд пора.
Родившийся просинец

Не пожалел добра:
Рассыпал свой гостинец –
Господний крестный снег
На скатерти-экраны...
Свят русский оберег
И исцеляет раны.

Но он – не месяц май
С цветочною охапкой,
Не август шалопай,
А в валенках и шапке.
На рученьках его
Из шерсти рукавички.
Он – мастер из снегов
Топить лдяные спички.

Зима снишла на Русь
Надолго, а не в гости,
Надела бел-картуз
На дом из снежной ости.
Перемела пути,
Сковала льдом пороги:
Куда Руси пойти
И по какой дороге?

Квадрат шпалерных стен
Вынашивает думу,
Как призрачную тень
Переиначить в сумму.
В свисток уходит пар.
Нет разницы ничейной.
Чем тут поможет дар
Великого Эйнштейна?

Глядят дома на юг,
На солнышко, однако
Не любит долгих выюг
В России и собака.
Скулит замёрзший пёс,

Скребётся в двери мышкой.
Зимою лучше нос
Держать в тепле, под мышкой.

Вот почему зимой
В любое время суток
Спешит народ домой –
Мясным согреться супом.
Встречает дом теплом,
Об ноги трётся кошка:
Ей тоже за столом
Достанется немножко.

Мы старше в январе
На год бываем ровно.
Хотя в календаре
Записано подробно
Рожденья день и час,
У месяца свой Хронос,
Своя оценка нас
И не картавый голос.

Скуп января пейзаж.
Он – снежный лист бумаги.
Пиши, поймав кураж,
Коль не лишён отваги
С карандашом в руке
Держаться на морозе
В пальтишке налегке
И в скоморошьей позе.

Спрессован холод в лёд,
В остывшей ртути – время.
Тепла живого ждёт
Застуженное семя.
Температурный бум
Кончается обратным:
В закрытой спальне шум
Всё явственней и внятней.

А вот любимец кур –
Петух ни-ни с наместа,
Ему не до амур,
Не до большого места.
Бел гребешок, у шпор
Потяжелели ноты.
Не к часу прежний ор
Пугает до икоты.

Январь – пяти огней!
Мороз – язык природы –
Взнуздal ручных коней,
Властителей погоды.
Глаза далёких звёзд –
Как искры, угли. Пламя
Мышиных троп-борозд³ –
Взметнувшееся знамя.

Из всех собратьев он
И старше и скромнее:
Не поднимал знамён
На брамстенговой рее,
Когда хотел и брал
Могучие пространства
Без дикого «Ур-р-р-а!»
И злого окаянства.

Не хвастался январь
Своим родством с латынью⁴,
А наморозил «ар» –
Славянский корень стынью.
И этот корень-дар,
Как становая жила,
Обозначала ярь
И с ней мужскую силу.
Из первоязыка,
Мифологемной Леты,
Он греет старика
Преображённым светом

*И разрывает тьму
Прародины-истока...
Не всякому уму
Дано взлететь высоко.*

*Замёрзла явь, треух
Надвинула на уши,
Чтоб не поганить слух
Золой заморской чуши.
Ей прошлого не жаль,
Но в грустном настоящем
Чем заполнять скрижаль,
Какою строчкой вящей?*

*Зимой – не летом. Врать
Не хочется, поскольку
Придётся отдирать
Язык от нёбной корки.
И лёгким тяжело
Вдыхать морозный воздух.
Зимой любое зло
Заслуживает отдых.*

*Но мы привыкли жить
На холоде. Нам в радость
От стужи в глотку влить
Какую-нибудь гадость.
Тогда мы все орлы,
Хоробры и капризны
И требуем рубли
С жены и от Отчизны.*

*Тем более, дефолт
Сожрал остаток денег:
Не забудь play foul⁵,
Навеки – nota bene⁶!
Без денег Рождество,
Как Новый год без снега,
Без тоста торжество,*

Хотя довольно бега.

*День в январе кургуз.
Ночь, точно мышшь морковку,
Грызёт семейных уз
Гнездовице – и ловко.
Начавшись поздно, день,
Как пьяный, по дороге
Уходит в полутень,
Едва шагнув с порога.*

*А по-большому, грех
Ругать январь. Природа
Нам даровала снег
Как символ-знак народа,
Чья чистая душа,
Как снеговая мякоть,
Настолько хороша,
Что хочется заплакать.*

3

*Февраль – не враль. Он чист
Перед собой и нами,
Когда январский лист
Перевернёт ветрами,
Сугробами забьёт
Дорог прямые строчки,
Сровняет поворот
И полевые кочки.*

*Февраль! Твои деньки
Запомнятся надолго
Карнизом вдоль реки,
Нависшим и наволглым.
Река изволит течь
Под берегом-горюю,
Не замечая меч
Дамоклов над собою.*

Хотя какой тут меч?
 Растает снег в мгновенье,
 Как только лето встречь
 Начнёт своё движенье.
 Он – месяц кривд. Ему
 Нельзя доверить душу,
 Поскольку ввергнет в тьму,
 Изменою разрушит.

В России в феврале
 В снегах печные трубы.
 Берёзовых аллей
 Тепла не держат шубы.
 Морозовым костром
 Прибавит острых граней.
 Мы познаём нутром
 Проблему расстояний.

Уводит снежность зорь
 С завидным постоянством
 Дома, людей в простор,
 В Эвклидово пространство.
 Измерен север, юг,
 Восток и запад с ними
 Лишь месяцами вьюг,
 Занудными и злыми.

Конца пространству нет,
 Как, впрочем, и начала.
 Его, как и ответ,
 Пурга с собой умчала.
 Ищи-свищи в полях,
 В лесах, горах, долинах,
 В дорожных рюкзаках
 На просолённых спинах.

И всё же в белом Русь –
 Вершина сотворенья.
 Я утверждать берусь

Без толики сомненья,
 Что русская душа,
 В снегах произрастая,
 Чиста и хороша,
 Как истина святая.

Ей холодно зимой
 (Зимы не отодвинуть),
 Трудней попасть домой,
 Чем по дороге сгинуть,
 Но свет снегов и дух
 Пространства без предела
 Её ласкают слух
 И прикрывают тело.

Кто проживёт февраль,
 Тому не страшны время,
 Заснеженная даль,
 Пространственное бремя.
 Наоборот, оно
 Приблизится и станет
 Стучать, как в домино,
 Замёрзшей веткой в ставни.

– Пора, дружок, пора
 Откапывать пороги
 И очищать двора
 Дорожки до дороги.
 На солнышке стена
 Мокра – февраль водицы
 Пустил, сама весна
 Дала ему напиться.

Весны идущей хмель
 Февральский праздник будня
 Толкнёт кормой на мель,
 Как списанное судно.
 И близки берега,
 Да нет дороги-хода:

*Отшиблены рога,
Отобрана свобода.*

*Он может быть ещё
Надменным и суровым,
Касаться рук и щёк
Насквозь промёрзшим словом,
Но близок час, когда
По капельке и наспех
Стекает с крыши вода
Весёлым курам на смех.*

*Под крики петуха,
Ещё во сне, на ошупь,
Им хочется греха
Перед исходом в ошип.
«Ку-ка-ре-ку...», – петух
Зовёт рассвет, как брата...
Летит с нашеста пух
Кудахтанья и гвалта.*

*Так умирал февраль.
Весёлые помини
Сыграл ему сераль
На радостях куриный.
Кто мимо проходил,
В лучах полдневных греясь,
Мог, но не находил
В курином действе ересь.*

*И мне его не жаль!
С обреза южной крыши
Висят гирлянды жал
Грядой летучей мыши.
Мечом-лопатою взмах –
И... падает, взрываясь,
Сосулек ряд, в ногах
В сугробы зарываясь.*

*Наверное, не зря
Отняли наши предки
Два дня у февраля,
Чтобы не мёрзли детки,
Когда бродил Касьян
Остудный по дорогам,
В своём всесилье пьян,
Не управляем Богом.*

*Пускай теперь живёт
Урезанным настолько,
Насколько впал живот,
Не получивший дольки
Людской боязни. Нас
Волнует – и сильнее! –
Весны грядущей час,
Чем холод бокогрея.*

4

*Март – женский месяц, но
С мужским началом. Это
Видать через окно
По состоянью света.
Он – хрупок. Март-марток
За ночь набрал морозца.
«Не удержат портюк», –
Гуляло у народца.*

*Да, Русь ещё в снегах,
От слёз набрякших в зиму,
И ломота в ногах,
Хотя обуты пимы.
Март может натянуть
Струну последней стужи,
В окошко заглянуть,
Как в амальгаму лужи.*

*Но воздух всё теплей.
И всё трудней по рани*

Рукастых тополей
 Не замечать в тумане.
 Всё чаще обнажён
 У жён лукавый пальчик,
 Чтоб, красотой сражён,
 Упал вчерашний мальчик.

Ходил бы по пятам,
 Пытая переулки,
 Где дверь в глубины тайн,
 Запрятанных в шкапулки.
 Март раскрывает суть
 Светящегося тела,
 Когда открыта грудь
 До нежного предела.

Свет зарождаёт флирт.
 Речь раздувает угли
 И ускоряет ритм,
 Где первой будет удаль.
 Горят слова в огне,
 День в пламени, а вечер
 Благословен, зане
 Нам обещает встречу.

Но придержу перо,
 Чтоб не сочли за ересь
 Рассказ короткий про
 Чарующую прелесть.
 Вернёмся в март. А в нём,
 Как солнце в чистом небе,
 Горит святым огнём
 Обветренная верба.

Прост вербушки наряд.
 Но такова Россия.
 В народе говорят:
 «Другим она красива!»
 Русь издавна слыла

Хранительницей Прави
 Из белого стекла
 И в золотой оправе,

Носителем основ
 Народа-бореала,
 Гиперборейских снов
 Святого ареала.
 В нём сохранил Творец
 Три расы: духа, тела,
 Души, чтоб, наконец,
 Цвела она и пела.

За дело верба-хлёт
 До слёз бивала росса:
 Бывал излишне прост
 В решении вопросов
 И отдавал друзьям
 И врагам незванным,
 Что отдавать нельзя –
 Пространства-океаны.

Гори огнём добро!
 Не велика ли плата –
 Ломать своё ребро
 Во имя постулата,
 Пришедшего из лет,
 Не ведомых доселе...
 Досталось столько бед
 Из-за него Расее!

Святая простота!
 Наивная Россия!
 Одна ты, как верста,
 Под взглядами косыми.
 Пшеничный каравай
 Ты столько раз ломала,
 Но сколько ни давай –
 Им будет мало, мало

И нашей доброты,
И соперживаний...
Им хочется версты
Пшеничной, расстояний.
Хозяйка ты – не гость
В своей стране. Довольно
Жить по «авось-небось»:
От этого всем больно.

Что сделал март со мной?
Наполнил душу светом
И радостью хмельной,
В дверях стоящей фертом.
Конец зиме. Ур-р-р-а!
На свет из зимней клетки
Судачить в глубь двора
Сошлись с утра соседки.

Держись огромный дом!
Всё выплывает наружу –
И слёз счастливых ком
Переместится в лужу
Посереды двора:
Сокрытые делишки
Поднимут на-гора,
Покажут из-под мышки.

И сделают лицо
Невинным, без ухмылки:
Так пьёт алкаш винцо
Из горлышка бутылки.
Вот он кадык напряг,
Закрыв глаза от улиц.
О, как он сер, как наг,
Как сир, в стыде сутулясь!

Под вечер март в дома
Нагонит кислорода,
Раскроет закрома

Во славу бога Рода
И, предложив коктейль
Весенний из соблазна,
В горячую постель
Положит без согласия.

Под сладкое бай-бай,
Забудутся на время
Долги, вприглядку чай,
Тяжёлых дум беремья.
Спи, Русь, но и во сне
Будь настороже вдвое:
Как никогда, стране
Нужны сейчас герои.

5

На улице апрель
Играет с солнцем в прятки.
С утра сладёна шмель
Отправился за взятком.
Всё движется, поёт,
Растёт, цветёт на свете.
Разинув рот, народ
Вдыхает сладкий ветер.

Март пивом напоил,
Апрель – живой водою.
Кто до него дожил –
Не встретится с бедою.
Играй, Ока-река!
Чтобы услышать «Ух, ты!..»,
К тебе издалека
Стремятся воды Хупты.

На берега реки,
На редкое узорье
Взбежали Салтыки
И замерли на взгорье.
Им по сердцу прилились

Лазоревые вёрсты,
Безоблачная высь,
Застывшая в берёсте.

Повсюду благодать.
В апреле земли преют.
Ты можешь увидеть:
Сверчки свои свирели
Настраивают. Зель
Растёт – и без потуги –
На лучших из земель
Завистливой округи.

Чего ещё желать?
Весне в льняной рубашке
Осталось подождать
Нашествия ромашки.
Апрель не без затей,
Зато душа открыта
И дорогих гостей
Ждёт разварная съта.

И гости тут как тут:
Антип, Степан, Егорий
Василия ведут,
Как будто тянут в гору.
За ними Родион.
Мария дожигает
Остатки снега – он
Под каблучками тает.

Ополоснув лицо
И оттенив веснушки,
Босая, на крыльцо
Встречать свою подружку,
Как, впрочем, и дружков,
Спешит весна торопко,
Чтоб вспомнить бережков
Таинственные тропки.

Пускай поговорят
Друзья за самоваром,
Обсудят всех подряд
Без гонора, но с жаром,
А мы, читатель мой,
Поговорим о деле:
Русь плакала зимой,
Смеётся Русь в апреле.

Тепло ей. Свой сюрприз
Раскрыло солнце. Льются
Потоки света вниз
И не пересекутся.
Работай, брат. Тебе,
Как никому, пристало
Участковать в судьбе
России по Уставу.

Забыл ты о святом:
О первородной вере,
О Роде и о том,
Что тёплым был наш север.
Теперь, браток, трудись!
Чтоб под апрельским солнцем
Звенела наша жизнь
Валдайским колокольцем.

Смотри: сияют как
Колокола церквушки,
Жемчужная река,
Опратные избышки.
Кварталы городов
Галдят, как молят небо –
Не пожалеть трудов,
Чтоб было много хлеба.

Там, в горних небесах,
Не говорили разве,
Что люди знают страх

*И реже знают праздник.
Зачем усугублять
Их состоянье? Будет
Пускай и тишь и гладь:
Заслуживают люди.*

*Мы часто их казним
Надуманностью злобы,
А где слова, там дым
И пламя неудобь.
Тепло твоих лучей
Освободит народы
От многих мелочей
Суровости природы.*

*Да, кстати, как весна?
Что – гости? Всем по нраву
Апрельские красна,
Весёлые забавы?
Егорий где? Степан?
Где Родион? Василий?
Мария сарафан
Ещё не заносила?*

*Хотя давно пора
Взять в руки кисть и с нею
Пройти вокруг двора,
Чтоб стало зеленее.
Но лучшие – в поле, в лес,
К реке – ловить мережей
Не окуней – небес
Игру и ветер свежий.*

*Заманка за окном:
Не усидеть в апреле
Ни мужику с вином,
Ни бабе при кудели.
Покорный ваш слуга,
Цветением ольховым*

*Сражён, готов в луга
Бежать за словом новым.*

*В апрельской тишине
Слова, как рой пчелиный,
Гудят-галдят во мне,
Горят огнём купинным.
В распевах звонких нот
Нет скорби и печали,
Нет фальши и длиннот,
Зато без края дали.*

*Земной оркестр сродни
Небесному. На скрипке
Сиреневые дни
Играют вальсы Шнитке.
Попав весне в полон,
Ты принимаешь ересь
Народов и времён
За правило и прелесть.*

*Весенних дней язык,
Конечно, не без чуши,
Но как ты ни привык,
А подставляешь уши
Под жаркие слова
Из голубых скворечен...
Чем зеленей трава,
Тем обнажённей плечи.*

6

*Май месяц. Травень. Мур⁷.
Из памяти всплывает
Французское атоир –
Как неизбежность в мае,
Приятная во всех
Явлениях. Майским часом
Звучит счастливый смех
Без капельки опасы.*

Зато родиться – век
 Промаяться: наверно,
 Не может человек
 Счастливым быть безмерно,
 Поскольку жизнь – игра
 В чёт-нечет, не без встряски...
 Мы рады, что «вчера»
 Уехало в коляске.

Могло и хуже быть:
 Пусть человек хлопочет –
 Из дока не улпуть,
 Когда судьба не хочет.
 Смешно играть с судьбой
 В догоняши и в прятки:
 Отсутствует в ней сбой,
 Присутствуют загадки.

Расписан май по дням,
 Часам, минутам. Первый
 Был отдан соловьям –
 Приветствовать деревни.
 Старались соловьи
 Все ночи до рассвета
 Петь песни о любви
 И часто без ответа.

И слушали Иов,
 Ирина, Феодосья
 Мелодии без слов,
 Хиты многоголосья.
 Вступить хотели в хор
 Коленопреклонённо
 Леонтий и Пахом,
 Еремий и Алёна.

Ах, как хотелось всем
 Любви не понаслышке...
 Цвёл буйно по весне

Лесной огонь – ятрышник.
 Черёмуха плыла,
 Как лебедь над рекою –
 И белые крыла
 Манили за собою.

Черёмуховый цвет
 К лицу России в мере,
 Которой в мире нет,
 Чтоб усомниться в вере.
 Как юности, весне,
 Тебе равняться не с кем:
 В какой ещё стране
 Был Фёдор Достоевский?

В России, что цветов
 У леса на опушке,
 Талантливых певцов:
 Толстой, Есенин, Пушкин...
 Да, Пушкин. Да, Жуир...
 Но знает русский каждый:
 Он нашу утолил
 Языковую жажду.

Он влил в язык огонь –
 И пламя обжигало
 С живым пером ладонь
 И по листу бежало,
 Лаская взгляд и слух
 И в вихре междометий
 В нас возрождая дух
 Утраченных столетий.

Наш Пушкин – как Геракл!
 Освобождая души,
 Изгнал навеки мрак
 Языковых конюшен.
 И стало на Руси
 Светло от слов и смысла.

Не растеряй, неси,
Руть, свет на коромысле.

Вернёмся в месяц май.
Он, словно в небе птица:
Не трогай – не замай,
Пока не нарежется.
Что долго ждать – не грех,
Не тягость, не мытарство:
Весенний долгий смех –
От зимних лих лекарство,

Настоянное на:
Траве, росе, на воле
Проросшего зерна
Заколоситься в поле;
На слове, что язык
Жжёт чистотою слога;
На волоконцах лык
С изюбриного рога.

Кукушка в мае пьёт
Зари вечерней мёды
Из осокорьих сот,
Сошедших в огороды.
– Ку-ку, ку-ку, ку-ку! –
Летит в закатный всполох...
И на моём веку
Не сосчитать черёмух.

У времени в долгу,
Уже неторопливо,
Я всё ещё бегу
По краешку обрыва
За видимую грань.
Но сколько можно прытью
Терзать живую тканьь,
А объяснять наитьем?

И всё же май есть май!
Он в голове – и душу
Ничем не занимай,
А просто ветер слушай.
Он – голос вечных душ,
Собравшихся въедино
Над островками суши
На новые години.

В нём пыли нет ещё!
И не зазорно маю
Смотреть, что под плащом,
Когда его снимают.
Он – озорник, и мы
Созорничать охочи
И с наступленьем тьмы
Сказать: «Спокойной ночи!»...
.....

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ **Взи заро пяти** (феня) – Войди в завтра задом.
² **Январь** – Васильев месяц, просинец.
³ **Мышиные тропы** – Млечный Путь.
⁴ **Январь** – от римского бога Януса.
⁵ **Play foul** (англ.) – грубая игра.
⁶ **Nota bene** (лат.) – заметь хорошо.
⁷ **Мур** – май, от слова «мурава» (травя).

Марина ГУСЕВА

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

НЕОБЫЧНЫЙ ТОРТ

*Дядя торт принёс большой!
Всё семейство наше
Восхищалось! Хорошо
Был тот торт украшен:
Белый крем, как белый снег
И пеньки, и ели,
На пеньках, почти на всех,
Зайчики сидели,
Кто с морковкой, кто с листом,
Будто бы капустным,
Как живые! И притом,
Торт был очень вкусным!!!
Но расплакался мой брат:
«Я не стану есть зайчат!»*

Марина Владимировна Гусева родилась в Тамбове. Окончила Воронежский государственный университет и Пензенское художественное училище. Работает преподавателем в Тамбовской детской художественной школе № 1.

Автор пяти поэтических сборников: «Этюды», «Незримых крыл прикосновенье», «Перед рассветом», «Я шагаю по тропинке», «Избранное». Член Союза писателей России и Союза художников России.

КОТ БАРОН

*Кот по прозвищу Барон
Вышел утром на балкон.
Посмотрел с балкона вниз,
Там гуляет кот Маркиз,
А в окне напротив – Лорд
Выгнул спину – сыт и горд!
«Всюду знать, со всех сторон!!! –
Возмутился кот Барон, –
Стало просто невозможно
Выйти утром на балкон!»*

ЖИВОПИСЕЦ

*Я живописец! Я пишу!
Я наслаждаюсь цветом!
И нужных слов не нахожу,
Чтоб рассказать об этом.
Теперь я вижу мир вокруг
Цветным и многоликим!
Со мной смеётся рядом друг,
В глазах сияют блики!
Переливается река
Оттенками повсюду,
Цветные в небе облака
Плывут – какое чудо!
Я все рисунки берегу,
Пусть скажут: «Это детство».
Но никогда я не смогу
На радость наглядеться!*

УГОЛЁК НА ДАЧЕ

*Привезли кота на дачу:
«Не пугайся, Уголёк!»
Он со страху, не иначе,
Сразу мышку приволок.
А потом поймал лягушку,
И крота, и воробья,
И загнал Дружка в кадушку!
Удивлялась вся семья:
«Подменили его что ли,
Наш воспитанный зверёк
Стал разбойником на воле!
Вот тебе и Уголёк!»*

КИСА-АКТРИСА

*Наша ласковая киса –
Настоящая актриса:
Вот ей завтрак не по нраву,
Чуть прищурит глаз лукавый
И притворится больной,
Ляжет в угол, ой, ой, ой!
Промякует уныло:
«Ничего-то мне не мило,
Что-то, кажется, болит,
И пропал вдруг аппетит».
Звать врача здесь бесполезно,
Знаем средство от болезни
И кладём лекарство в миску:
Мясо, рыбку иль сосиску.
Где ж больная? Вот она!
Весела и не больна!*

САЛКИ

*Мы играем в салки
У Ильи, у Галки,
На спортивном поле
И, конечно, в школе!
Слышим то и дело:
– Вам не надоело?
Отвечаем смело:
– Нет. Не надоело!!!*

БАРАБАНЩИК

*Не боюсь по барабану
Бить я, сколько хватит сил!
Не тревожусь больше маму,
У соседей не спросил
Разрешения на это.
За деревню убегу.
Столько здесь тепла и света!
Так красиво на лугу!
Барабаню я во славу,
А, устав, передохну,
Упаду в густые травы,
Буду слушать тишину.*

ШМЕЛЬ

*Шмель жужжит: «Жу-жу, жу-жу...
Никому не расскажу,
Всё я знаю, всё я вижу,
Но об этом – ни жу-жу».
Ну, а может: «Жу! Жу! Жу!
С высоты на всё гляжу,
И о том, что жизнь прекрасна
Всем твержу, твержу, твержу, твержу!»*

Я НАШЁЛ В ТРАВЕ ЖУКА

*Я нашёл в траве жука.
 Был он без движенья,
 Неживой, наверняка.
 Дома тётя Женя
 Посмотрела на него,
 Ахнула: «Красивый!!!»
 Все пришли до одного
 Посмотреть на диво –
 Мама, дедушка и брат,
 И, конечно, папа!
 Но бесценный экспонат
 Шевельнул вдруг лапой!
 Ожил жук, пополз к окну,
 Выбрался наружу!
 Не мешали мы ему,
 Лишь смеялись дружно.*

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

*Константин, Денис, Илья –
 Мои старые друзья!
 Мне других совсем не надо,
 Дружим мы ещё с детсада,
 И все также вчетвером
 Будем в школе во втором
 В этот год учиться классе.
 Говорю я брату Васе:
 «Пока ходишь в детский сад,
 Подбирай друзей там, брат!»*

КАКТУС

*На окне колючий кактус
Укусил кота за нос.
Тот за птичкой пробирактус...
Замяучил дико: «СОС!!!»
Будет знать теперь, что он
Не один вооружён.*

КОТ И ВОРОНА

*Кот карабкался на крышу.
А ворона: «Кар! Кар! Кар!
Вор крадётся! Слышу! Слышу!
Карпа он вчера украл!»
От коварства растерялся
Кот, отпрянул на карниз,
Как он только не сорвался.
Акробатом спрыгнул вниз,
Прокартавив: «Клевета
На прекрасного кота!»*

УЛЬТРАМАРИН

*Мне песню спел дружок один
Про сказочную птицу,
А цвет её – ультрамарин.
И вот мне ночью снится
Высокий. Важный господин
При галстукe и с тростью!
«Меня зовут Ультрамарин,
Я к вам приехал в гости», –*

Он, улыбаясь, говорит
 И дарит мне афишу.
 Тут что-то вдруг как зазвенит!!!
 Я голос папин слышу:
 – Проспать весь день так можно, сын,
 А он короткий, зимний!
 – А что за цвет ультрамарин? –
 Спросил я сразу. – Синий.
 Ты вспомнил почему о нём?
 Я тихо засмеялся...
 Ведь, значит, ночью или днём
 Никто к нам не являлся!

ПРЯТКИ

Залез под стул Алёшка,
 Мой милый младший брат.
 Он спрятался немножко
 И несказанно рад,
 Что я хожу по кругу,
 Выглядываю в дверь.
 Коту твержу, как другу:
 – Что делать нам теперь?
 Вдруг он ушёл из дома,
 Пойдём, посмотрим в сад!
 Но Мурзик несмышлёный
 Бросается назад!
 И вот уже под стулом –
 Весёлая возня,
 И брат кричит: – Без Мура
 Ты б не нашёл меня!!!

АРБУЗ

*Покупали мы арбуз!
Как узнать – какой на вкус?
Это – целый ритуал!
Папа долго выбирал:
Он сжимал его руками,
Поворачивал боками,
И стучал со всех сторон,
Наконец сказал: «Берём!!!»
Привезли арбуз в машине
И разрезать поспешили!
Ах! Какой отменный вкус!!!
Всем арбузам был арбуз!*

БИМ

*Наш дворовый Бим – отважный!
Детям в доме – верный друг!
А ведь дом – многоэтажный,
И такие же вокруг,
К нам из них приходят дети,
Бим и им безмерно рад!
Он умней всех псов на свете!
Ну, а взрослые твердят:
«К сожаленью – беспородный,
Как принять его в семью?»
Но в душе он – благородный,
И я так его люблю!
Нами всеми он любим!
И по виду – счастлив Бим!*

КОШКИНА ДИЕТА

*Наша кошка ест маркошку!
Любит запах огурца!
Когда чистим мы картошку,
Просит шкурки без конца!
«Овощ – лучшая диета», –
Брат наш старший произнёс.
Но откуда знает это
Наша Мурка? Вот вопрос?*

СПАСИБО, ЁЖИК!

*Не решается задача
Я условие твержу
И уже вот-вот заплачу.
«Это ясно и ежу», –
Брат сказал и засмеялся,
а я вспомнил как-то вдруг,
Что на даче не боялся
Ёжик брать еду из рук,
Как смешно он топал ночью
По веранде: тук, да тук.
И ответ нашёлся точный!
Вот так ёжик! Вот так друг!*

Иван КУЧИН

ЧТО Я ВИДЕЛ, О ТОМ И ПОЮ...

* * *

*Что я видел, о том и пою...
Пред странюю держали экзамен
мои нервы в жестоком бою,
много раз смерть смотрела в глаза мне.
Рифмы мне подсказала шрапнель,
а мотив наиграла «Катюша».
Как блокнот, исписали шинель
пули – кровью ярчайшею тушью.
Каждый в битве проведенный час
в память лёг знаменательной датой.
От тяжёлых увечий лечась,
я ещё остаюсь солдатом...
Что я видел, о том и пою,
хоть не песенный путь мною пройден.
Всё, что мог, я тебе отдаю,
о, прекраснейшая из родин!*

1944 г.

Иван Сергеевич Кучин (1924-2000) стоял у истоков создания Тамбовской писательской организации, а с 1980 по 1988 год возглавлял её.

Родился в деревне Берёзовка Козловского уезда на Тамбовщине.

Из 9 класса ушёл на фронт, был ранен. Награждён орденами Отечественной войны I-й степени, Красной Звезды, «Знак Почёта», медалями.

После войны окончил филологический факультет Тамбовского педагогического института. Работал в газетах.

Первые стихи опубликовал во фронтовой печати. Публиковался в центральных газетах «Правда», «Известия», Комсомольская правда», «Литературная Россия» и др. Первая книга «Светлый путь» вышла в Тамбове в 1952 г. При жизни было издано более 15 поэтических книг.

Главная тема поэзии И. Кучина – Великая Отечественная война.

МЕДИЦИНСКИЕ СЕСТРЫ

*Медицинские сёстры,
милосердные сёстры!
Как вы памятны мне
В дни былой непогоды!
Перед вашим героизмом
красивого роста –
на коленях стоят
мои юные годы.
По снегам, по грязи,
в гиблой буре свинца,
в чёрном горе грозы
и в метели косые –
как могли ваши хрупкие
вынести сердца
боль огромной,
несломленной,
гордой России?
Мы молили
иссохшими ртами:
– Брось!
Помоги вон тому,
кто исхлестан полегче...
А сестра –
и откуда упорство бралось? –
подставляла упрямые
тонкие плечи.
И в горячем бреду
бесконечных ночей,
и у жестких столов
непреклонных хирургов –
самой преданной дружбы
сильней,
горячей
караулила жизнь нашу
в белом фигурка...
Мы на этих усталых,
бессонных руках*

*поднимались и крепи.
И – молодо-зелено –
начинали поглядывать,
да ещё как,
в ваши очи горячие,
Люба Козелина.
Ваших гордых бровей
непокорный разлёт,
и улыбка, и ласки –
не нам они были,
кто-то ждал их другой...
Но кто упрекнёт,
что вот так,
всей палатой,
вас полюбили?
Так, как любят сестру,
как мать берегут,
как лелеют невесту –
сердечно и просто...
Я пред вами навек
в неоплатном долгу,
медицинские сёстры,
милосердные сёстры!*

ШИНЕЛЬ

*Мы – курсанты.
И всё в порядке:
гимнастёрки, пилотки, ремни.
И шинелей тугие скатки –
давят тонкие плечи они.
Эти скатки! В жару и в ливень,
в долгих маршах ночной маеты
нас, ещё пацанов, окрутили,
как тяжёлые хомуты.
Но когда дожди отшумели
и накрыли землю снега,*

как тогда был я рад шинели,
как была она мне дорога!
И постелешь её, и накроешься,
одеяло, матрас – всё она.
Грубой шерстью её не наколешься,
в ней и непогодь не страшна.
Помню: вьюга свинца проливная.
Но вперёд звал солдатский путь.
И хлестнула меня разрывная
возле сердца, навывлет, в грудь.
Но спасли. И со мной по свету
и в мороз, и в раскисший апрель
путешествовала по лазаретам
моя раненая шинель.
С ней «по чистой» домой дотопали.
С ней опять не расстаться мне:
в той шинели мама заштопала
рану рваную на спине.
А потом аж четыре года
в институте была со мной.
Нет, совсем никакая не «мода»,
просто нету одежды иной.
Да в другой я себя и не мыслил.
Это скажут без лишних слов
однокашник Борис Черемисин,
однокурсник Борис Шепелёв...
И прощался когда с общежиткой
(мне диплом в красной корочке дан),
небогатые сгрёб позитки
я в фанерный свой чемодан.
А шинель – не подбитая ватой,
что со мною всегда и везде,
где она? Позабыл на кровати
иль оставил висеть на гвозде?
Столько лет пролетело... Но
хоть сносил не одно пальто,
мне шинель фронтовая дорожке,
не забуду её ни за что.
Не забыть мою бедную юность,

*что вела далеко-далеко.
Этой памяти повинуюсь,
и на сердце моём легко.*

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

*Меня везли с передовой в санях,
запряженных ленивыми волами,
и девушка,
совсем ещё девчонка,
махала палкой:
– Цо-об! Цобе! Цобе-е!
Быки, скользя, переставляли ноги,
на мёрзлой колее
вчерашний снег
разматывался длинными бинтами...
От станции Чертково, где меня
пронзила разрывная –
в грудь навывлет,
до госпиталя в хуторе Кутейников, –
каких-нибудь пятнадцать километров, –
тащились мы до вечера,
весь день.
Как холодно под толстою дерюгой,
которую тогда меня укрыли
казачки сердобольные в станице!
Как мало оставалось мне тепла!
И только кровь,
стекая меж лопаток,
мне грела спину,
сердце леденя...
Ухабы выворачивали душу,
и на каком-то диком повороте
тряхнуло так,
что почернело небо
и показалось:
все плывёт куда-то...
Наверно, я безумно закричал!*

*И девушка
                  волово остановила
и наклонилась надо мною низко,
смешная,
                  маленькая,
                  в шубе не по росту,
в каком-то вытертом,
                  нелепом малахае.*

*Она меня
                  своим дыханьем грела,
мне варежками руки растирала.
– Ну, дядько... миленький ... Не умирай!..
Не умирай... Не надо! Дядько, милый!.. –
И на лицо мне
                  из огромных глаз
горячие срывались капли...
Не помню,
                  сколько раз она меня
отогревала.
                  И откуда сила
во мне взялась,
                  чтоб выполнить её
наивную,
                  упрямую,
                  святую
и горькую мольбу –
                  не умирать.*

*Она меня
                  с рук на руки сдала
врачам,
                  чтоб целый год за жизнь мою
по лазаретам шёл упорный бой.
И долго мне мерещился
                  её –
в степи израненной –
                  молящий голос:
– Ну, дядько... миленький... Не умирай!..
А я тогда
                  не мог себя увидеть,*

не понимал, что за одно мгновенье
седеют люди,
        что страданья – старят.
И трепетало сердце:
        милый... милый...
Но почему же – дядька? Почему?
Меня такое званье обижало...
Тогда мне было
        восемнадцать лет.

НАША ЗОЯ

Восемнадцать
        и долгие сорок –
устремленные в вечность года.
Прах войны
        превращается в порох,
что сухим остаётся всегда.
И цветут краснофлагие зори –
в дни побед и в дни горестных тризн.
В этом ласковом имени –
        Зоя
слышно слово бессмертное –
        Жизнь.
Эта девочка, хрупкая школьница,
не согнувшая худеньких плеч,
всё, что в песнях страны колоколится,
своей жизнью
        решила сберечь...
...Люди шли –
        не на казнь, а на подвиг,
в горле комкали
        сдавленный плач.
Вот в руках, волосатых и потных,
сжал тугую удавку палач.
Вот сейчас
        захлестнёт её шею,
жилку трепетную оборвёт.

– Что притихли?
Смотрите смелее!
Я умру.
Но умру за народ!
И народ
расправлял свои спины,
веря в праведный клич до конца.
Ты не знала тогда, Героиня,
сколько мужества
влила в сердца.
...У деревни Чернушки
Матросов
на кинжальной струи острії
за весенние, светлые росы
бросил юное сердце своё.
И в сраженьях, гремящих грозою,
брат твой Саша, в дыму и огне,
мчался в танке,
И надпись «За Зою!»
пламенела на гордой броне.
И в Маутхаузене встал, леденя,
на тебя чем-то очень похож,
генерал, пред которым злодеи
не сумели унять свою дрожь...
Твоя жизнь
не прошла и не кончена,
ей в грядущих былинах сиять.

ЗОЯ

Утро спросонья
что-то хмурится.
За Цну уносится
ветер-горюн.
К бронзовой девушке
на Советской улице
подхожу.
Останавливаюсь.

Говорю.
– Ты только на год меня постарше...
Одно нам солнце,
и ветер,
и дождь.
Друзья в те дни
отправлялись в маршевых,
а мне военком:
«Пока подождёшь».
Проходили толпы беженцев
со своим нехитрым скарбом.
– Как Москва?
– Столица держится! –
И шли
строить доты
и рыть эскарпы.
А когда, наконец
попал в эшелон –
Москва устояла,
идём на Запад.
Небо раскалывалось тяжело,
дрожала земля от залпов.
Бывало, солдат
упадёт в крови,
но, стиснув зубы,
снова встанет.
Горел перед ним
примером живым
бессмертный подвиг
безвестной Тани.
Ты только на год меня постарше...
Но мчатся
горячей ракетой года.
И вот – постаревший,
немного уставший,
а ты – по-прежнему молода.
Без тебя
мы отпраздновали Победу
и мужество новое обрели,

без тебя
    полетели
        легендой по свету
удивительные корабли.
Без тебя
    целина
        поклонилась под колосом,
без тебя Ангара
        стихла, горя,
и сестра твоя Валя
        к земным околицам
возвратилась,
        завёздную даль покоря...
Ты только на год меня постарше...
Красивая, смелая –
        в полный рост,
ровесница
        юности огненной нашей,
предвестница
        новых грядущих геройств.

САНИНСТРУКТОР

Моей однополчанке – санинструктору
100-го полка 35-й гвардейской
Лозовской стрелковой дивизии
полному кавалеру ордена
Славы Матрёне Семёновне Наздрачовой,
вынесшей с поля боя
250 раненых советских воинов.
А было ей тогда восемнадцать...

Всё смешалось.
    Гибли люди рядом.
Смерть ходила следом за тобой.
И гудели гулкие снаряды
над твоею юной головой.

Был когда-то в мире
  тихий вечер,
был закат,
  стекающий с ветвей.
А теперь –
  всей тяжестью на плечи
падал вихрь пожаров и смертей.
Всё тонуло в грохоте и дыме,
и стонала, дыбилась земля.
Умирали мальчишки седые,
стекленела в их глазах заря.
– Помоги, сестрица...
– Что, хороший?
Потерпи, сейчас перевяжу...
И ползла
  с своей нелёгкой ношей
к дальнему, в овражке, блиндажу.
Там – санрота,
  врач умеет резать,
раненых отправят в лазарет.
Ну, а тут – сама себе профессор,
ниоткуда ей подмоги нет.
Только б выжить ей
  под небом рваным,
устоять бы
  под дождём свинца,
сердцем гневным
  прикрывая раны
ставшего беспомощным бойца...

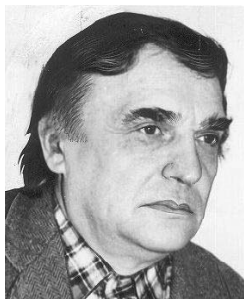
ЖИВИ, ЖИВОЕ!

*Ползли к землянке медсанбата
враги, готовые к броску.
Сказал он раненым:*

– Ребята!

*Спокойно... Я их отвлеку. –
И отложил свой тонкий скальпель
и взял тяжёлый автомат.
Цвела трава зелёной скатерть,
белел на ней его халат.
«Я отвлеку...»*

*И с маху, круто
короткой очередью бил.
«Успел бы только санинструктор
всех раненых отправить в тыл».
И боковым недолгим зреньем
увидел: спасены. Ушли...
Последний диск стучал с презреньем,
а пули вражеские жгли.
В плечо. И в грудь...
Раскинув руки,
лицом вперед в траву упал,
как будто бы в последней муке
он эту землю обнимал.
Как будто помертвевшим ухом
он слушал ритм её живой.
И кровь размеренно и глухо
мешалась с влагою земной.
И слышала земля родная,
как зов нестынущей любви,
как завещанье,
как прощанье:
– Цвети! Неистовствуй. Живи...*

Иван ЕЛЕГЕЧЕВ

ШТРАФБАТ

Трагедия

(Фрагмент)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Стих первый

*Моё брненное тело осталось лежать
Недвижимо у края соснового бора,
В неглубокой траншее с крутыми бортами, –
Проходил мимо грейдер, он вострым ножом
Невзначай иль нарочно засыпал меня
Мелким щебнем, песком, круглой галькой речною
Вслед затем был я залит горячим асфальтом...
Так земная моя оболочка покой
Обрела.*

О могиле моей не узнают,

Иван Захарович Елегечев родился в 1927 году в Сибири.

С 1965 по 1973 год возглавлял Томскую писательскую организацию.

С 1976 года живёт в Тамбове. Автор многих книг прозы («На Чулым-реке», «Байга», «Мангазея», «Зима», «Таёжники», «Губернатор», «Оккупация» и др.), вышедших в Москве, Новосибирске, Воронеже и Тамбове.

Пьеса И. Елегечева «Что есть истина» с успехом шла на сцене Тамбовского областного драматического театра в 1980-е годы.

Член Союза писателей с 1963 года.

В последнее время И. Елегечев написал цикл из 5 трагедий под общим заглавием «Бью челом». Одна из них – «На дне» – опубликована во 2-м выпуске «Тамбовского альманаха». Предлагаем вниманию читателей фрагмент из трагедии «Штрафбат» – многопланового, сложного и объёмного произведения, посвящённого трагическим событиям Великой Отечественной войны.

Целиком опубликовано в авторском сборнике «Бью челом».

В ней и кости истлеют...

Душе же моей

Не иначе по воле Всевышнего Бога

В Карантине был ад присужден – Нижний Мир,

Куда был я доставлен последним этапом

Среди тысяч таких же, как я, горемычных...

Стих второй

Мир велик, необъятен, ни с чем несравним,

Пустота бесконечности непостижима:

Это – Космос, Вселенная.

Но и Земля,

Шар земной – континенты, простор океанов,

Глыбь морей, мир подземный, земное ядро

(Существует ль оно, нам пока неизвестно),

Электрон и протон – это есть бесконечность,

Она ждёт Магелланов своих и Колумбов...

Мир велик, необъятен и узок и мал,

Нельзя шагу ступить, чтоб не встретить знакома...

Подвели меня к зданию – гранитные стены,

Часовой с автоматом в руках крикнул: «Стой!»

Я, как вкопанный, стал, законопослушный.

Из железных дверей показался прислужник...

Я взгляделся в него и узнал: Виль Липатов,

Одногодок, ровесник, мы вместе в газете

В Томскограде замшелом, глухом начинали.

Он меня обогнал: был велик, гениален,

Даровитой рукой накатал эпопею

Про отважного мента Анискина Гошу,

Добряка и отца всей деревни сибирской,

Зауральской таёжной Гипербореи,

Геродотом воспетой в древние веки,

Чей покой он, служба не за страх, а за совесть,

От разбойных людей и зверей охраняет.

Воспрославлен был вскорости званьем героя

Соцтруда, награждён орденами, медалью...

В Переделкинне дачу ему подарили,

*Где он ёмкость чугунную в землю поставил,
Закачав в неё сто пятьдесят гектолитров
Водки острой и смачной «Тамбовский бирюк».
Разливанное море! Егорий Анискин
Верной службой служил...*

*И писатель, и мент
Каждый день во хмелю драли горло на даче.
К нему гости являлись – поэты Тамбова:
Кошкодавов, Макаров, Герасин, мой друг,
Написавший поэму про рожь и пшеницу,
Про старушку, которая не пожелала
Расставаться с селом...*

*Пели песни про уток,
Про гусей, что в их шумный табун затесались..
Проституток навалом... Забыв про работу,
Брал от жизни что можно великий Липатов,
За границей гостил, в океане купался,
Содержал на подёнке рабов-батраков:
Сценаристов, сюжетчиков, языковедов,
Мастеров диалога и прочих талантов,
Улучшающих стиль и язык повестей.
Были траты, конечно, в награду за щедрость
Отовсюду хвала, отовсюду осанна,
Плюс к тому гонорар, увеличенный втрое.
Хорошо жил писатель. Однако всему
Есть предел.*

*В пятьдесят два загнулся Липатов, –
О нём тотчас забыли: замена нашлась,
А мой друг очутился в кромешных селеньях.*

Стих третий

*Хорошо повстречать под землей земляка! –
Вместе пили «сучок», гнали строчки в газете,
Прославляя режим, восхищались цензурой,
Воздвигать помогавшей нам социализм...
Что он делает тут, закадычный мой друг?
– Здравствуй, Виль! – я сказал.*

Он ответил: – Здорово!

И добавил: – Тебя мне увидеть приятно!

– Что за двери, куда предстоит мне войти?

– Тебе, брат, повезло, – отвечал мне Липатов. –

Провести собрались тебе здесь капремонт.

Представляешь сейчас ты собой дух бесплотный –

Ни хребта, ни конечностей, ни головы.

А на нашем заводе ты вновь обретёшь

Всё, что гнить ты оставил на грешной земле.

«Капитальный ремонт» – знаменитая фирма,

Классик нынешний Соболев ведает ею.

Даст приказ, ты назавтра в естественном виде,

Каким был на земле, перед нами предстанешь.

– Ужель это возможно?

– В аду можно всё.

– А работа над словом?

– Пиши, сколько влезет.

– А печатать?

– Нет денег.

– Цензура?

– Ни-ни!

Отменили давно мы цензуру в аду.

На конвейере винтики, гайки подкрутят.

Поколотят киянкой по мудрой башке –

Станешь думать, как все: в Нижнем мире у нас

Сатана, батька наш, диссидентов не любит.

– Что мне делать, скажи, брат, я к воле привык?

Помоги мне, Липатов, хочу я остаться

Сам собой по натуре, каким был всегда,

Искать истину, думать о вечном, высококом

И голимую правду писать обо всём!

Если же по-иному со мной обойдётся,

Я покончу с собой.

Засмеялся Липатов:

– Говоришь, сам не ведая что. Ты забыл,

Дух бесплотный ты есть. Тебя – нету. С тобой

Нам расправиться просто. Сберём непокорных.

Тысяч пять, забьём вами снаряды потуже,

Да и выстрелим в космос: летите бессрочно,

*Без надежды спастись – от звезды до звезды!..
Взвыл я в голос: – Ой-ой, пощади, не хочу
Я лететь в пустоту утрамбованным прахом!
Помоги мне, Липатов, устрой так, чтоб я
И в аду сам собой хоть чуток оставался.
– Будь по-твоему, ладно, – смягчился Липатов. –
Здесь работая, я кой-чему научился.
На конвейере стражем я бдительным стану;
Как дождусь черепную коробку твою –
Молотком постучу, построгаю стамеской,
Каким был на земле, ты останешься прежним:
Хоть бумагу марай, хоть о славе мечтай,
Но забудь об одном – о крамоле словесной!
Заруби на носу: батька наш Сатана
Диссидентов проклял, их считает врагами...
Уяснил ли, что сказано мною спроста?
Я кивнул, мол, понятно, себе я не враг.
– Сговорились, беру я тебя под защиту.
Я устрою тебя замполитом полка,
Чин высокий присвою – полковник штрафбата,
Воспитателем сделаю массы солдатской –
Указать так изволил отец Сатана,
Когда я о прибытии твоём доложился...*

Стих четвёртый

*Я ухватом был втолкнут в горячий конвейер.
Звякнул люк герметический с круглым окошком.
Сложили мой дух на сырую резину,
Завертели колёса – понёсся я в рай.
Было жутко. Сквозь сон я душой ощущал,
Набирает громадную скорость конвейер –
Дух мой молотом бьют, моё сердце строгают,
Режут вострым ножом и секут топорами.
Сверлят тонким сверлом, победитовым буром,
Чтоб меня подорвать динамитом, бурят...
Не иначе, погибнуть мне здесь суждено, –
Так подумал я... Вдруг в сердце радость вскипела:*

*Я увидел тоннель пресловутый, в конце –
Яркий свет, то зарёй заблестала надежда:
Может быть, чёрт возьми, обойдёт стороной
Меня смертная участь. Ещё поживём!
Пусть в аду, зато небо коптить не придётся,
Потому что оно слоём копоти скрыто.*

Стих пятый

*Свет погас... Берег Мёртвого моря, казармы...
Я увидел солдат в гимнастёрках, в обмотках
И ботинках из кожи свиной.*

Догадался:

*Вот они ветераны победной войны.
Голос звучный раздался, шалютинский бас:
– Эй, вниманье, штрафбат! Становись! Рассчитайсь!
Ряды сдвой! Подравняйсь, вашу мать, энергичней!
Смирря, так-перетак! А равненье напрао!
Замер строй, повернув ко мне серые лица.
Я поправил ремень, стал во фрунт и приставил
К козырьку картуза пальцы правой руки.
Дальше рапорт по форме: товарищ полковник,
Исполняя приказ, полк штрафбата построен
Для знакомства-осмотра.*

Чуть-чуть помолчав,

*Командир своим именем-званьем назвался:
– Старшина Молись Богу А Сам Не Плошай.
– Как, пожалуйста, звать тебя, мне повтори!
Командир повторил, выполняя веленье:
– Старшина Молись Богу А Сам Не Плошай...
«Вот так имя! Не русский, видать, украинец, –
Про себя я подумал. – Прожил столько лет,
Но такого не слыхивал, только в аду...»
Старшина Молись Богу... Смешно показалось.
Я крепился, чтоб сдуру не расхохотаться...
Отступлю в этом месте от хода рассказа.
Я природой своей был смешлив, как ребёнок.
В прошлом в школе, бывало, мне палец покажут,*

*Я катаюсь от смеха – мой норов такой.
Так и тут в преисподней. Шаляпинский бас.
Имя странное: Богу Молись Но И Сам
Не Плошай – показались мне странно-смешными
За живот ухватясь, я на грунт повалился...
Не сдержались бойцы, хохоча вслед за мною.*

Стих шестой

*Смех громово звучал: ха-ха-ха, ха-ха-ха...
Солдат много, бессчётно их было в строю,
Может, тысяча, может быть, весь миллион.
Их тьма-тьма, я подумал и вспомнил войну.
И тогда осенило меня, догадался:
Батальоны штрафные комплектовались
Для прорыва немецкого неприступья
С таким умыслом, чтобы врага одолеть,
Непреренно осилить любую ценой.
Где броне не пройти, где собьют штурмовик,
Где снаряды о камни впустую взорвутся, –
Там штрафник, безоружный, себе помогая
Хриплым русским ура, проползёт по-пластунски
До немецких траншей...*

Усмерть лёг батальон

*Числом тысячи в три. А на смену ему
Гонят лаву безликих вперёд за победу.
Чтоб не дрогнули тысячи свежих бойцов,
Чтоб в седьмой раз атака не захлебнулась,
Позади за спиной: та-та-та, – пулеметы:
Стеной бдительной стал заград-эн-ка-вэ-дэ...
Деться некуда, надо взбираться по трупам,
Как на гору крутую в Крыму, в Коктебеле,
Что зовётся в народе Святою Горой,
И ползти на врага, одна мысль в голове:
Может быть, от работы такой сатанинской
Пулемётчик немецкий свихнётся умом,
Ведь не может не знать, что палит в безоружных,
Что идёт не война: рубят мясо на рынке, –
Ведь не может не знать, что ответить придётся
Перед Господом Богом и перед людьми...*

Стих седьмой

*Ясно, смех перед строем был мой неуместен,
Но я был сам собой.*

*Давно не был таким,
Все кривлялся и лгал, лицемерил, фальшивил,
Надо плакать – смеюсь; где смешно – там грушу.
Только в Нижнем Миру я расслабился вдруг,
Вниз лицом на граните лежал я, рыдая...
Штрафники ко мне бросились дружной толпой:
– Успокойся, отец, плакать, батя, не надо!
Судьба наша такая – погибнуть в штрафбате
И воскреснуть под крылышком у Сатаны.
Бела света не видим, зато не голодны:
Изотоп нас питает эмульсией жидкой,
На войне, хоть и редко, приходится быть,
Без потерь возвращаемся неуязвимы:
От снарядов и мин, и от взрывов фугаса
Тугоплавкая нас защищает броня.
Мир подземный хорош, одно плохо – рутина:
Расписание занятий, каблук бей строевой,
Изучай назубок караульный устав,
Стрельбы в гире – будь первым в программе
И тверди день-деньской маркс-политподготовку!*

Стих восьмой

*Итак, мой командир старшина Молибога,
Бравый воин. Когда-то он был генералом...
В сорок первом за то, что сдал армию в плен.
Был разжалован он в рядовые солдаты
И расстрелян в застенке как враг и изменник.
Под начало был к батьке препровождён.
Приглянулся отцу Сатане Молибога
И назначен он был старшиною штрафбата.
В том штрафбате число рядовых неучтимо –
Миллионов под сто, или, может, и больше.*

*Сатана испугался громадного скопа:
Как его пропитать? Где его расселить?
Чем занять?*

*Долго думал – решение нашлось.
Сквозь ремонт капитальный войска пропустил –
Миллионов пятнадцать оставил в живых,
Остальных заморозил до времени в склепах
Как резервную рать до начала войны...*

Стих девятый

*Старшина Молибога – не главный начальник
Над войсками штрафбата, он – мелкая сошка,
Его можно сравнить с командиром полка.
Над ним власть – генерал-лейтенант Андрей Власов,
Его ставка внизу, близ земного ядра
В резиденции батъки. По правую руку
Сатаны как заглавный советник сидит.
Рядом с дьяволом с левой руки восседают
Полководцы – им слава! – Второй мировой:
Генералы – Чуйков, Мерецков, маршал Жуков...
Ну, а Сталин, при жизни приравненный к богу,
Где по воле подземного архистратига
Восседает Иосиф Виссарионыч?
Сталин спит. По указу владыки вселенной
Сталин в нетях давно. Сорок семь лет назад,
Когда должен был он обрести в аду тело.
Сатана, может быть, убоявшись вождя,
Приказал уложить его в склеп из базальта
И упрятать в вертеп, где Адольф поживает,
А поверх навалить крепкий камень кварцитовый,
Оттого-то отсутствует вождь на советах....
Обо всём этом мне Молибога поведал,
Когда я после тяжёлой дороги подземной
Отдыхал, заправляясь тяжёлой водой,
Чтоб с войсками начать маркс-политподготовку.*

Стих десятый

*Лишь зажёгся фонарь в небе мрачном подземном,
Что служил аду солнцем, ко мне Молибога
Постучал, известив, к нам гонец спозаранку.
Тумблер речи и мысли движений включил я,
Говорю: пусть войдёт, я к беседе готов.
Вошёл друг закадычный, великий писатель
Виль Липатов. Уселся, небрежно забросив
Нога на ногу. С речью:*

– Ну, брат, дождались!

*Точный срок обозначен: справляется праздник.
Пятьдесят пять лет минуло, как прокричали:
Взяла наша! За глотку схватили фашистов.
Состоится парад, войско маршем пройдёт
По брусчатке под музыку сводных оркестров.
Чтоб в числе увеличить расчёт строевой,
Приказал президент собрать всех ветеранов.
Наскребли, сколько можно ещё уцелевших.
Маловато?.. Пришлось к Сатане обратиться,
Чтобы выделил батька дивизии две
Из резервов своих, что в глубинах подземных
В углах дальних несут караульную службу.
Рассмотрев челобитье, отец Сатана
Начертал: «Разрешаю!» – сейчас подбирают
Ветеранов, погибших в боях за свободу..
Я молчал, выжидая, что скажет гонец.
Виль Липатов продолжил:*

– Послушай теперь

*Дополненье к тому, что я ниже изложил.
Кремль велит замороженный Сталина труп
Оживить. Всем, что нужно снабдив, чтобы вождь
Парад принял и войско поздравил с победой.
– Что, мне выпала честь оживлять труп вождя?
– Нет, Иван, это сделано будет другими.
Ты с штрафбатом своим во главе с Молибогой
В три кольца обхватив, обеспечишь охрану
Двух гигантов двадцатого века могилы
(Гитлер – Сталин имею в виду я, Иван),*

*Налегая на давний проверенный способ
Воспитания масс маркс-политподготовкой,
С ней в войну мы врага в пух и прах разгромили,
С ней мы ныне народы везде подчиняем.
Я молчал. Я не знал, что ответить гонцу...
Гарнизонный наряд, строевая, охрана,
Дан приказ – выполняй, ты на службе в аду.
Как на службе, иди только прямо вперёд...
– Что молчишь, уяснил ли моё сообщение?
– Точно так! – я сказал. – Мне понятен приказ.
Сталин, Ленин иль Гитлер, Пол Пот иль Хрущёв
И другие властители нашего века –
Все они заодно. Им предписано снизу
Умерщвлять, загрывать, оживлять, прославлять:
Ко всему мы привычные с раннего детства.
Дан приказ, к исполнению готов хоть сейчас:
Я не зря изучал маркс-политподготовку.*

Стих одиннадцатый

*Строевому хождению учился штрафбат,
Особливо стараясь над шагом гусиным,
Для чего, неизвестно.*

*Парадному строю
Штрафники обучались. Равнение – направо!
Твёрже шаг! Шире шаг! Раз-два-три, подтянись!
По шестнадцать служилых в шеренге шагали –
Получалось неплохо...*

*Собрал я три роты,
Посадил на гранитных камнях холодных,
Объявил: для беседы я вас здесь созвал.
Сообщил: скоро нас поведут на парад –
Барабаны, литавры, валторны и трубы,
Шаг печатая, строем пройдем по брусчатке
Мимо Спасской громады, голландских часов.
Мавзолей... На трибунах Его мы увидим,
Средь Семёнов, Климентиев и Вячеславов,
Вождя, ментора, друга всех-всех угнетённых.*

*Мы в ответ на приветствие крикнем ура,
Так мы громно взревём, что у наших вождей,
У гостей зарубежных и прочих друзей
И в ушах засвербит, и в затылках заломит.
Нашу радость Великой Победы они
Всей душой ощущают. И забьются сердца
Неизбывной любовью к родному народу,
Голос с места: – Пожалуйста, нам объясните,
Господин замполит, что мы будем иметь
За такой крик надрывный? Нам, может, скостят
Пребывания срок в Нижнем Мире подземном?
Или, может быть, нам возвратят нашу душу,
Мощный дух наш, загубленный властью советской?
А ещё, господин замполит, поясните,
Чем начальство за то, что мы пуп надорвём
В громком клике на площади Красной в Москве,
Наградит вас как преданного офицера?
На вопросы, мне заданные, я уяснил,
Что играть роль в аду дурака-замполита,
Как на сцене кривляться и лгать неприлично:
Не потерпят солдаты – отпетые парни,
Кто был лёгкою стланью в болотной трясине,
По чьим спинам строчили заградотряды.
Кто взрывался на минах, давая возможность
Пройти танковым ротам к траншеям врага, –
Штрафники не потерпят ни лжи, ни обмана,
Так расправятся, что даже сам Сатана
Не найдёт по деталям разъятое тело...
К штрафникам обратился,
Вот что я сказал:*

Стих двенадцатый

*– Я недавно в аду. Перед тем, как пройти
Капитальный ремонт, повстречал я знаконца, –
Упросил, как начнут моё тело терзать –
И пилить, и строгать, и долбить, изымая
По частям мою душу, оставили б мне
Хоть крупницу того, отчего человеком*

*Мог себя, усомнений не зная, считать.
Мою просьбу уважил товарищ земной:
Сердце мне сохранили, мешочки для слёз
Не проткнули иглой, ни кинжалом, ни шилом.
Говоря откровенно, мне нечем похвастать,
Ни особых заслуг, ни особых талантов,
Беден я, не богат, зато духом не нищий,
Зато правду люблю, справедливость – мой Бог,
Обездоленным нищим готов я помочь
Даже в мире подземном у батьки под боком...
– Любо речь твою слушать нам, брат-замполит:
Сразу видно, язык твой подвешен неплохо,
Видно, там, наверху, краснобаем ты был,
Нам не внове нектар источающий нюхать.
Краснобай вертопрах! Ты скажи, замполит,
Как вести нам себя на московском параде?
– Знаю, как вам вести, – отвечал я солдатам.
Но сейчас не скажу, это тайна моя,
Вам открою её накануне парада.
Знайте, верьте, в груди у меня, как у вас,
Живёт гнев благородный. Не злоба, поверьте,
Стучит пепел отцов, дедов наших, детей,
Не отмщенья от нас дожидается он,
Искушения ради спасенья души
И движенья вперёд на пути к совершенству.
Заключенье одно: если верите мне,
Без сомненья идите за мной безоглядно.
Терять нечего нам, мы погибли давно,
Зато, может быть, наш марш-парад, всходы даст,
И мы общими силами древо возрастим,
Древо жизни, любви и надежды, и веры.*

Стих тринадцатый

*На Ходынке в аду каждый день строевая.
Темп сто двадцать в минуту солдатских шагов.
Ать-два-три. Не молчи, запевай, запевала:*

*– Артиллеристы, Сталин дал приказ!..
Артиллеристы, зовет Отчизна нас!*

*Каждый день строевая, победные песни.
Запевай, шире шаг, веселее держись,
Расправь плечи, солдат! Смотри вправо, штрафник,
Грудь из виду четвёртого не выпускай!..
Перекур с дремотой, воркотня штрафников
Меж собою: зачем мы, ребята, втесались
В юбилей этот пятьдесят пятый по счёту?
Кто затеял? К чему этот странный спектакль,
Парад немощи хлипкой и старости ветхой?
Может быть, на нас кто-то намерен нажиться,
Из погибших давно пользу-деньги извлечь?
– Вот так дело: всю жизнь мы служили идеям,
Скоро смерть, нас в покое не хотят оставить!
– Что ты, братец, бормочешь, к чему недовольство?!
Нам на головы счастье дождём пролилось!
Побываем в Москве, поглядим на вождей,
Они, слышно, другие, добрей и милей,
Чем при Сталине были!*

*– Враньё, пропаганда,
Никаких перемен. Те же всё живодёры.
Значит, всё остаётся по-старому, друг?
Просто Сталина труп оживить собрались,
Для того гимн партийный возобновили!
– Разговорчики, эй, кто наводит там тень
На плетень?! Нам с унынием надо покончить!
Замполит нам сказал: взрастим древо надежды –
Есть к чему нам стремиться: шагай, маршируй!
Может, впрямь на войне не заздря мы погибли.
Может, впрямь не заздря ниспровергли нас в ад.
Чтобы вырастить древо, трудов надо много:
Лишь изгибнув, зерно кверху тянется стеблем...
– Подымайсь! Становись! Подравняйте носки!
Смирря, так-перетак! Рассчитайсь! Ряды сдвой!
Напрао! Шагом ари. Раз-два-три, пошагали.
Топ-топ-топ. Запевай!*

*«Несокрушимая
И легендарная!..»*

Стих четырнадцатый

*О себе не могу не сказать два-три слова...
С малых лет я воспитан армейской средой.
Считай, сызмальства я марширую-шагаю,
Барабанная дробь темп шагам задаёт.
Песни пел и «союз нерушимый» горланил
Перед тем, как исполнив команду «отбой»,
Спать уложут тебя на железную спарку.
Потом партия капэээсэс – начеку
Держись, брат! Лишь услышишь команду, тяни
Руку вверх, во всем, дескать, с вами согласен!
Диссидентства во мне нет ни в мочках ушей.
Даже в пятках ни в чём нет крамолы проклятой!
Дослужился – назначен в аду замполитом.
Чуть запахло брожением умов в батальоне,
Я решил побеседовать с каждым бойцом:
Когда призван на фронт?
Где служить довелось?
Где с врагом в первый раз повстречаться случилось?
Где сражён наповал?..
Отвечали охотно.
Я по давней привычке записывал в книжку,
Ведь исконный я был журналист-литератор.
До почёта и славы мне не было дела,
Одной истине, преданный ей, я служил.*

Стих пятнадцатый

**О том, как Алексей Закатаев, житель села Пенье,
Московской области, загремел в штрафбат**

1

*В двадцати километрах от линии фронта
Полк, в котором служил Алексей Закатаев,
Потерявший в боях три четвёртых состава,
Отведён был на отдых и формирование.*

*То есть надобно было принять пополнение,
В бане жаркой помыться, прожарить бельё,
Щей горячих хлебнуть; если вдруг пофартит,
Под гармошку сплясать... Письмецо написать
О том, в первых строках, что живой и здоровый,
О том, что, во-вторых, бью врага и желаю
Всем здоровья и счастья: и маме, и брату,
Сестре Вольке, и дедушке Серафиму...
«Эй, дедун, – писал внук, – ты смотри там держись,
Жди меня! До того, как врага разобьём,
Не задумай сыграть злую шутку со мной –
Не дай дуба, пожалыста! Очень хочу
Полежать на печи под бочком у тебя
Да послушать рассказы про Бабу-Ягу,
О Кощее бессмертном, Илье знаменитом,
Что громил булавой всех врагов, завещая
Нам, потомкам своим, быть бесстрашным в бою
И, себя не жалея, за Родину биться...*

2

*Вызов срочный комроты – зовёт к себе в штаб:
– Вот тебе, Закатаев, приказ боевой:
Получи под расписку пленённого фрица,
Знаешь сам, языком мы таких называем,
Отведи его в штаб к командиру полка.
Сдай начальству, а сам поскорей возвращайся,
Чтобы к бане успеть.
Да смотри, Закатаев,
С «языком» будь корректен, чтоб без баловства!
– Есть, – сказал Закатаев, – исполню приказ,
Но хотелось бы мне получить разъясненье –
Одному мне идти, или для усиления
Конвоиров дадите, хотя б одного?
– Пойдёшь с фрицем один. Должен сам понимать,
Людей мало, а штаб полковой недалёко.
Безоружен «язык», при тебе ж автомат,
Нож у пояса, в сердце отвага солдата.
– Есть отвага! – сказал Алексей Закатаев. –*

*Только ради неё я прошу конвоира,
С ним вдвоём веселее нам будет шагать.
– Пусть по-твоему будет, – сказал командир, –
Назначая с тобой конвоиром Ванюху.
Паренёк молодой, ему надобно знать
Нашу жизнь фронтовую, учиться.*

– Спасибо!

*Не пройдёт двух часов, я с победой вернусь,
Только вас я прошу, командир, разрешите
Мне свернуть к старшине и слегка причаститься:
Боевые сто грамм – не помеха в пути.
– Своего не упустишь, – сказал командир.
И велит ординарцу пойти к старшине,
Чтобы тот «посошком» приласкал конвоиров.*

3

*На совместных паях с конвоиром Ванюшкой
Фрица пленного вёл под ружьём Закатаев.
Шли молчком. Фриц шагал безоглядно, сгорбившись,
Глядя вниз. По заросшим щекам к подбородку,
Как горошины, круглые слёзы катились.
«Ждать хорошего нечего, – думал фашист,
Иль, точнее, солдат подневольный немецкий, –
Не посмотрят, что пленный... Мам-муттер, прощай!
Прощай, фатер-отец! Прощай, киндер-ребята!
Прощай, фрау-жсена, никогда не увижу
Ни твоих синих глаз, ни кудрей белокурых,
Истлевать мне придётся в холодной России.
Клацнет русский затвор, и, свободно скользя,
Без задержки патрон войдёт в гладкий патронник.
Треснет выстрел... Нет, выстрела я не услышу,
Повалюсь вниз лицом и навечно сольюсь
С земным шаром прекрасным, откуда я вышел...»*

4

*Подконвойно шагая, так думал солдат,
Посинелый от холода русского, страха.*

Конвоиры его шли молчком, про себя
Размышляя о том, будто снег на макушку
Среди лета в июне просыпался вдруг;
Как татарин незванный, на них навалился
Этот немец-фашист. Сейчас в бане бы мылись,
Взвеселясь, под гармошку сплясали бы, может,
А тут топай вослед длинновязому фрицу.
Так невесело мысля, солдаты прошли
По убродной дороге какое-то время.
Из-за мелкого леса пахнуло дымком
Дров осиновых, слух обласкали слова
Русской речи родной: мать-по-матушке матери!
– Баньку топите, братцы? – спросил Закатай.
– Что, не видишь?

– И вижу, и слышу, герои.

– Коли так, то, быть может, можете нам:
Вот пила, вот топор. Как работе конец,
Так завалимся вместе в осиновый рай,
А напарившись, в душу вольём из баклажки.
– Мы не против, ребята, да немец у нас,
В штаб ведём полковой...

– Дурошлѣны вы, братцы!

Кто их водит? «Язык» своё слово сказал.
Неча мучиться, право, по снегу брести,
Исполнение отдыха время пришло.
Завтра в бой... Никогда, может быть, не придётся
В русской баньке помыться нам горькой пахучей.
– Что нам делать, совет дай толковый, боец!
Вижу с ходу, солдат ты бывалый и храбрый.
– Не по адресу, парень, вопрос напрямик,
Ты у сердца спроси, оно точно укажет,
Как тебе поступить в этом случае с немцем.
Село вспомни своё, горемычных вдовиц,
Сирых деток, их плач, надрывающий душу:
Просят есть, а дать неча – кто это устроил?
Кто в такую трясицу народ утопил?
Я скажу: мы добры, мягкотелые мямли.
Надо быть посуровей с коварным врагом.

Ну, понятно?

– Я понял. Большое спасибо!

Ты мудрец, твоё слово меня вдохновило.

Не хочу я быть добреньким русским Иваном.

Обращаясь к Ванюхе, сказал: – Ординарец,

Слышал, что нам бывалый боец подсказал?

– Ничего я не слышал, – ответил Ванюха. –

Ты старшой, а я твой подчинённый. Решай,

Что нам делать, как быть, я исполнить готов.

Командир даст приказ – есть! И точно исполню.

5

Горько, горько? Как на свадьбе...

Любит Лёха париться.

Так и эдак веником

Сам себя охаживать.

Дерёт горло: эй, Ванюха,

Ещё ковшичек поддай,

Чтобы каменка шипела.

Пар взрывало порохом.

Веник шваркнул, будто мина

Перед носом взорвалась,

Будто с неба пята сотка

В твердь земли вломилась.

Ну, не медли, поспешай,

Банщик стоеросовый!..

– Парься, Лёха, мне не жалко,

Вылить кадку я готов

В банну домну огненну!

Пар сгустился, как в аду,

Не видать окрестностей...

Ох, ты мати, мати-мама,

Надай, Ванька, не замай,

А я, Лёшка Закатай,

Дурака, тебя, представлю

Прямо к «Славе» – ордену..

.....

Парься, Лёха, а я, Ванька,
На морозце постою,
Охлонусь от горести.
Тяжело мне, заливаает
Щёки мне рассол солёный,
А почто, я сам не знаю...
Я в бою был, воевал,
В белый свет палил, не целясь.
Мне, ослабившись, в лицо
Смерть нахально щерилась.
Мне не страшно было, правда,
Я ни разу не заплакал.
А почто сейчас из глаз
Льются слёзы, будто ливень?..
– Ванька, Ванька, ординарец, –
Закатай кричит с полка. –
Развяжи мой сидор, Ванька,
В нём баклажка. Налей в ковшик,
Я немножко изопью.
Не дурак я, хоть и пьяный,
Понял я, что натворил...
Эх!..
Он, как боров, взвизгнул,
Фонтан кверху брызнул...
Здорово, здорово –
Завалили борова.
Эй, Ванюха, не жалей,
Пили борова скорей!
Масть щетины пестрая,
Пилы зубья вострыя,
Как в кишки вонзились,
Будто притупились...
Боров хрюкнул и обмяк –
На земь рухнулся чурбак.
Здорово, как здорово –
Распилили борова!
Как до шеи добрались,
Голова скользнула вниз,
А язык закаменелый

*Дойч-слова пролопотал:
Камрад – братцы, я пропал,
Не видать мне Рейна,
Ауфвидерзейн!
А Алёшка Закатай
Голове: – Браток, прощай!
Не тебя я загубил,
Я себя пустил в распыл.
Я своей душе дорогу
В ад кромешный проложил.
Лучше было б, если б ты
Меня, немец, распилил!..
Я тебе капут устроил, –
Он меня не веселит.
Да и те, кто мылся в бане,
Разбежались кто куда.
Даже верного Ванюху
Я не вижу близ себя.
Эй, Ванюха, где ты есть,
Куда запрещался?
Веселись, Ваней: канут
Фрицу мы устроили.
Что молчишь, дурак, эй, эй,
Отзовися поскорей!..
Гольй, выглянул из баньки
Закатай Алёха...*

Плохо!

*Бросив друга, удирает
Ванька заяц-трус обратно,
Видно, к ротному с докладом
О содеянном спешит,
Дескать, я не виноват,
А во всем повинен гад
Старшой Лешка Закатаев...
– Вот так штука, так-растак,
Что наделал я дурак!
Капут немчику устроил,
Мне за это не простят,
Не пришлось бы мне, Алёхе,*

*Прогуляться под конвоем
Вниз под землю прямо в ад,
Где меня поставят в строй...
Суд. Конец всему. Штрафбат!..*

6

*Алексей Закатаев в штрафном батальоне
Всего несколько дней прослужил. Жарко было...
Фашист-немец пошел ополчением на нас.
О, что тут началось: только с адом сравнить
Можно было сражение великое это.
Наши дрогнули. Два батальона изгибли.
Бреши. Дыра. Враг в неё норовит танки бросить.
Нет сомненья, они наломают дрова,
Если мы оплошаем, дыру не заткнём.
Чем заткнуть? Всем известно: штрафные солдаты!
Тысяч пять в батальоне том было бойцов.
За плечами у каждого сидор, а в нём
Шильце-мыльце, игла, вьюрок ниток и дратва
Починить при нужде голенища сапог.
И платочек. В платочке картонка, а в ней
На бумажке начертан судьбы приговор:
Раз без спроса стащил поросёнка в колхозе,
То идти тебе, братка, в штрафной батальон...
А тюрьма и этап? Это хуже, пожалуй:
Нет возврата с дороги этапной назад.
Положенье такое – в атаку сходи,
Или кровью омоешь свой грех поросячий,
Иль зароят тебя в неглубокую яму,
Где собратья твои спят покойно в земле.
Поджидая, пока лет полсотни спустя
Им с серпом, молотком водрузятobelisk,
«Нерушимый союз» прогорланив молитвой.
Вот такое условие: иль – или... Вперёд!
От судьбы никуда, она будто граната,
Ждёшь её, или нет, всё равно разорвётся,
Если брошена в цель напрямиком на тебя.
Восемь раз на броню прыгал барсом Алёха,*

*А в руке у него связка мощных гранат,
А в другой молоток с черенком деревянным.
Постучит Закатай оным молотом в люк,
Приоткроют танкисты узнать, что такое,
Тут и жизни, майн готт, их конец наступал.
Погибал экипаж. А отважный боец
Иль лежал, притаившись под грудой металла,
Иль к своим, тем из них, кого смерть пощадила,
Уползал, чтобы новый приказ получить,
Или действовать по своему усмотренью...
Смерть щадила Алёху, о нем говорили,
Что в рубашке рождён.*

Выбит весь батальон.

*А на нём ни царапинки, ни синяка,
Будто только что прибыл из дальнего тыла...
Не бывает, однако, на свете чудес:
Иль омыть должен был Закатаев свой грех
Кровью, или навечно исчезнуть со света.
Полз Алёха, держа в руках связку гранат,
В него выстрелил снайпер... Погиб Закатай,
Чтоб очнуться в аду на дворе капремонта.
Его душу втокнули в железный каркас,
Омывательной трубкой его начинили,
Сухожилия ног закрепили за ним,
Не забыв ни о мышцах, ни о селезёнке,
То есть всё, что положено, дали ему.
И сказали ему: а теперь ты готов
Пройти чёртов мандат.*

Батяка сам Сатана

*Как важнецкого гостя принял Закатай,
Говорит: – Видел, видел, сынок мой родной,
Как пилил человека ты зубчатой сталью.
Остроумно. Смешно. Назначаю тебя
Я за твой героический подвиг, который
Занесут в сатанинскую смертную книгу,
Батальоном командовать головорезов.
В подчиненьи ты будешь у маршала Жука.
Полагаю, ему ты придёшься по нраву:
Любит он остроумных отважных ребяток.*

*Тех смиренных ребят, что ходили в атаки
На свои на советские минзаграждения,
Чтоб проделать проходы для танковых рот
Своим телом дешёвым.*

Удобно и просто:

*Тыщи сгинут на минах, беды в том ни капли,
Зато вышла броня на исходный рубеж.
В небо с шипом взлетела ракета-сигнал –
Пошли танки в атаку – окопы месить.
Понуждая фашистов спастись убегом
Или замертво падать под шквальным огнем,
Знаю, сын мой Алёха, в штрафбате у вас
Хоть из тыщи один оставался в живых.
А у маршала Жука, архистратига,
Подрывались на минах пехоты полки,
Зато бронь оставалась боеспособной.
Сто процентов – земле, нам в аду пополнение.
Любит ад – Нижний Мир робких смиренных баранов,
С распростёртыми мы их встречаем и шлём
(Не задаром, конечно) туда, где их ждут:
На Луне, в Антимире, и на Андромеде –
В грунт вгрызаться, вдыхать радиации запах.
– Значит, каторга ждёт меня?
– Нет, успокойся!
Батальон твой гвардейский, его я оставляю
В подчиненьи своём. Что до тела, пожалуй,
Не замедлит сыскаться ему примененье...
.....*

Валентина ДОРОЖКИНА

Четверть века – с одарёнными детьми...

Даже не верится, что прошло 25 лет с того дня, как в Тамбовской областной детской библиотеке впервые собрались учащиеся школ города, прочитавшие объявление о том, что библиотека организует систематические занятия с литературно одарёнными детьми. Это случилось 27 ноября 1985 года. Название объединения возникло как-то само собой – «Тропинка»: не дорога в литературу, а пока ещё именно тропинка, по которой предстояло идти долго, чтобы сделать её заметной; и, может, в будущем она выведет на творческую дорогу.

Инициатором создания «Тропинки» стала Людмила Гавриловна Овсянникова. Она была тогда директором областной детской библиотеки и предложила вести занятия с детьми мне. Не скрою, страшновато было. Хоть у меня и педагогическое образование, именно филологическое, и опыт работы в школе был, но...

Валентина Тихоновна Дорожкина родилась в Мичуринске. Окончила Тамбовский пединститут. Работала в газетах, книжном издательстве. Вот уже 25 лет руководит литературно-творческим объединением «Тропинка» при областной детской библиотеке.

Автор более 20-ти в основном поэтических сборников, член Союза писателей России, заместитель председателя правления Тамбовской писательской организации.

В. Дорожкина – Заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин г. Тамбова, лауреат нескольких литературных премий.

Награждена орденом Дружбы, знаками «За заслуги перед г. Тамбовом» и «За заслуги перед Тамбовской областью».

Сегодня её рассказ – о своей «Тропинке», школе юных талантов, многие из которых уже публиковались в разделе «Юность» нашего альманаха.

Сомнений хватало: во-первых, я тогда не была ещё членом Союза писателей (у меня к тому времени в Воронеже вышли всего два небольших сборника стихов); во-вторых, меня только что назначили старшим редактором Тамбовского отделения Центрально-Чернозёмного книжного издательства, и я боялась, что два таких ответственных груза я не осилю. Но писательская организация, которую в те годы возглавлял Иван Сергеевич Кучин, и где я состояла в литературном активе, поддержала предложение Людмилы Гавриловны.

Детей на первое (организационное) занятие пришло так много, что их едва вместил большой зал. «Столько одарённых детей?» – удивилась я вначале. А потом подумала: «А чему, собственно, удивляться? Ведь психологи не случайно утверждают, что все дети рождаются с каким-то даром. Надо его только вовремя заметить, помочь развить и реализовать...»

И в то же время в истории клубов по интересам, литературных (и не только) кружков, студий, объединений нет ни одного случая, чтобы в них занимались по 100 и более человек. Вскоре всё, как говорится, встало на свои места. После беседы выяснилось, что учителя, как всегда, решили привести сразу несколько классов учащихся. Среди них, конечно, оказались те, кто уже не первый год пробует себя в стихосложении, и те, кто просто интересуется литературой. Кто-то хотел научиться выразительно читать стихи и прозу. Немало пришло и таких учащихся, которые думали, что на занятиях их «сделают поэтами». Такое же мнение было и у некоторых учителей-словесников. «Но ведь даже Литературный институт имени Горького, – объясняла я прежде всего педагогам, – не “делает” поэтов. Туда поступают по конкурсу с готовыми рукописями и имеющимися публикациями...»

После «естественного отбора» начались занятия. Ребята по привычке называли их уроками. Да, это были уроки, но – уроки творчества. Прозу пока никто не пробовал писать, все рифмовали.

Мне хотелось, чтобы дети познакомились с основами стихосложения, а потом и твёрдо усвоили их. И первую часть занятий мы посвящали теории: рифма, ритм, стихотворные размеры и т. д. Потом ребята читали свои «пробы пера». Конечно, на занятия ходили не сто человек, и даже не пятьдесят. Но и двадцать человек тогда

негде было посадить, потому что в читальные залы библиотеки, на абонемент постоянно приходили учащиеся, учителя, родители, студенты. Они работали с книгой, что требовало сосредоточенности и тишины. Нам отвели в одном из залов уголок, и первое время мы говорили шёпотом. Проводили занятия и на природе. А потом «Тропинке» выделили в библиотеке прекрасный просторный кабинет, в котором дети занимаются и сейчас.

Когда определился постоянный состав учащихся, посещающих «Тропинку», пришлось поделить их на две группы: разный возраст детей – от семи до пятнадцати лет – исключал одинаковые теоретические и практические занятия. И уроки творчества, проводимые по индивидуальной программе, разработанной руководителем, были рассчитаны на разный возраст. Да и по степени одарённости дети были далеко не одинаковыми: кто-то уже в восемь-девять лет умел отличить ямб от хорея, а кому-то и в пятнадцать это давалось с трудом. Но главное – не в освоении теории, хотя и она необходима, а именно в творческом даре. Если его нет, никакая теория не поможет.

За минувшие годы около тысячи одарённых детей прошли через творческое объединение «Тропинка». Выход к читателю начинался с рукописных книг, которые дети посылали на конкурс в Москву. Дважды тамбовская «Тропинка» была победителем – во Всесоюзном конкурсе в 1990 году и во Всероссийском – в 1992-м. Первый коллективный сборник стихов начинающих поэтов был выпущен в 1993 году областной детской библиотекой при поддержке Детского фонда России. Это так вдохновило ребят, что они стали с ещё большей ответственностью относиться к своему творчеству. «Первенца» назвали просто – «Тропинка». Потом один за другим стали появляться новые сборники: «Огонёк горит в ночи» (1995), «Экзамен» (1997), «Он наше сердце не покинет» (стихи, посвящённые Александру Сергеевичу Пушкину; 1998, 1999).

Этих сборников могло бы и не быть, если бы не бескорыстная помощь тех, кому не безразличны дети, их воспитание и образование, кто заинтересован в выявлении одарённых учащихся, в развитии и реализации их творческого потенциала. Мы с благодарностью вспоминаем всех, кто нам помогал: это генеральный директор Тамбовского производственного объединения «Пигмент» Николай

Павлович Утробин, Книжная лавка писателя Александра Михайловича Акулинина, Управление по печати администрации области, Институт повышения квалификации работников образования, коллектив Тамбовского филиала «Тамбовмежрегионгаз», Управление культуры администрации области (учреждения и организации названы так, как это было в 1990-е годы).

Сейчас у юных дарований много публикаций в периодике, в коллективных сборниках (их вышло уже девять), в столичных журналах: «Детская литература», «Костёр», «Ромео и Джульетта», в альманахе «Мы». В последние годы дети из старшей группы «Тропинки» печатаются в «Литературной газете», в журналах «Наш современник», «Подъём», в «Тамбовском альманахе».

Четверо воспитанников «Тропинки» стали членами Союза писателей России. Юные тамбовские авторы – постоянные участники фестивалей «Дети Солнца», «Новые имена», «Молодые писатели России». 15 авторов имеют по две-три и более собственных книг. Успехи у юных творцов есть, и немалые. Вот только некоторые.

Мария Знобищева пришла в «Тропинку» третьеклассницей. В книги, в библиотеку просто влюблена. Её поэтический дар нельзя было не заметить. В 2001 году она, 9-классница, приняла участие в проходившем в Рязани Межрегиональном конкурсе-фестивале «Начало» и заняла первое место в номинации «Поэзия»; в 2002-м стала лауреатом премии Комитета природных ресурсов по Тамбовской области за лучшее стихотворение о природе Тамбовского края; в 2003-м – лауреатом Первого Всероссийского конкурса юных поэтов «Моя мечта – моя Россия».

По результатам Всероссийской олимпиады школьников по литературе (Нижний Новгород, 2003), Мария стала обладателем трёх дипломов: «За лучшую интерпретацию стихотворного текста», «За лучший комплексный анализ прозаического текста» и «За безупречное владение литературным стилем». Она – лауреат военно-патриотического фестиваля народного творчества «Салют Победы» (Смоленск, 2004), Международного Интернет-конкурса, посвящённого Великой Победе. В областном литературном конкурсе «Мы не забудем той войны...» она заняла первое место и стала лауреатом премии имени Зои Космодемьянской.

Будучи студенткой Института русской филологии Тамбовского

государственного университета имени Г. Р. Державина (сейчас она – аспирантка кафедры истории русской литературы), Мария Знобищева за особые успехи в литературе стала обладателем стипендий имени С. Н. Сергеева-Ценского и Е. А. Баратынского. Она несколько раз была участницей проходивших в Москве Форумов молодых писателей России и Слёта «Дети Солнца»; удостоена стипендий фондов Сергея Филатова и Владимира Потанина, обеспечивающих ежегодное проведение встреч с молодыми дарованиями России.

Мария Знобищева – автор семи поэтических сборников. В 2006 году её приняли в Союз писателей России. Кстати, она – самый молодой член профессионального писательского Союза Российской Федерации. В 2009 году у неё вышла очередная книга, в которую помимо стихов включены и прозаические произведения.

Елена Захарова не раз выдерживала самый строгий отбор для участия во Всероссийских конкурсах и фестивалях – «Дети Солнца», «Молодые писатели России», «Новые имена». Она дважды была стипендиатом Фонда Владимира Потанина (2006, 2007); награждена медалью имени Михаила Александровича Шолохова (2005), является лауреатом премии имени Михаила Юрьевича Лермонтова (2007). Окончив ТГУ имени Г. Р. Державина, Елена Захарова, начавшая ещё в студенческие годы заниматься научной работой, связанной с творчеством нашего земляка писателя Евгения Ивановича Замятина, поступила в аспирантуру профессора Ларисы Васильевны Поляковой и в этом году должна выйти на финишную прямую, ведущую к защите диссертации. Занятие поэтическим творчеством никогда не мешало ей в учёбе, так же, как и учёба, и научная работа не могли ослабить в юной поэтессе стремление совершенствоваться в стихосложении.

В последнее время подборки стихов Елены Захаровой были напечатаны в журнале «Наш современник», в «Тамбовском альманахе», в коллективных сборниках «Люблю тебя, Тамбов!», «И хочется в полёт...», «Увидеть мир по-новому...». Сейчас Елена Захарова готовит к печати третий сборник своих стихотворений. По радио России, в передаче «Выражи времени», её ведущий, известный поэт Андрей Дементьев, дал высокую оценку творчеству молодой тамбовской поэтессы.

Александра Николаева имеет три стихотворных сборника и много публикаций в периодике, в коллективных сборниках, в столичных газетах и журналах. Она пришла в «Тропинку» первоклассницей. Сразу бросались в глаза её неординарное мышление, богатый, не по возрасту, словарный запас, умение выразительно читать стихи. Но главное, нельзя было не заметить её литературный дар – не только потому, что она с лёгкостью придумывала рифмы, быстро освоила теорию. Она мыслила художественными образами. Когда мы говорили о Пушкине (а без него не проходило и не проходит до сих пор ни одно занятие), Саша Николаева смущённо, но и радостно, воскликнула: «А меня зовут так же, как и Пушкина!» И со всех сторон раздались голоса: «А меня – как Лермонтова, а меня – как Ахматову...» Но никто, кроме Саши Николаевой не написал о своём (или о своей) тёзке. Эта девочка в девять лет могла представить себе встречу с мальчиком Сашей Пушкиным:

*Мы сидели у опушки
И мечтали: я и Пушкин...
Он понравился мне сразу –
Маленький, голубоглазый,
Кучерявый, озорной...
А ещё он – тёзка мой!*

Он пока не знает, кем он будет, и с детской непосредственностью гадает у кукушки. А она, зачарованная кудрявым тёзкой, уже зная, что он – гений, просит кукушку: «Больше накукуй: он – Пушкин!»

Год от года юная поэтесса Александра Николаева делает всё новые успехи: ею написаны венки сонетов, несколько поэм. Кроме того, она занимается переводами: уже более двух десятков сонетов Шекспира перевела она за последнее время. Пробует себя и в прозе: её рассказ был напечатан в «Тамбовском альманахе».

Дар молодого тамбовского автора не остался незамеченным и в столице: рукопись стихотворений, отправленная на конкурс в Москву для участия в Форуме «Молодые писатели России», получила высокую оценку профессиональных писателей. Сергей Александрович Филатов, руководитель Федерального агентства по печати и

массовым коммуникациям, не раз бывавший в Тамбове, на встрече с одарёнными детьми в областной детской библиотеке лично вручил Александре Николаевой сертификат для внеконкурсного участия в Форуме...

На занятиях дети часто просят: «Дайте нам какую-нибудь тему или первую строчку...». Так стали появляться стихи на заданную тему. Это тоже интересная часть работы с одарёнными детьми в «Тропинке».

Мы, взрослые, часто и не предполагаем, на что способны наши дети. Они не всегда откровенны, но «разговорить» их можно, особенно на творческих занятиях. Однажды кто-то из учащихся предложил: «Давайте для лучшего знакомства расскажем о себе в стихах...» Я предложила им первую строчку: «Что о себе могу я рассказать?..» То, что дети подготовили к очередному занятию, я читала как маленькие поэтические автобиографии...

Очень интересно проследить за двадцать пять лет «эволюцию» детского творчества: от наивных, порой беспомощных, строк до полноценных стихотворений, поэм, венков сонетов, многие из которых достойны страниц самых «толстых» журналов. Конечно, всего об одарённых детях в статье не расскажешь – не только всего, но и десятой части. Для этого нужно писать книгу. Может быть, она когда-нибудь и появится. Тем более, кое-что уже издано. И если кто-то заинтересуется тем, как проходили и проходят занятия в «Тропинке», как развивается и реализуется дар детей, тот может прочитать выходявшие в разные годы в Тамбове и Москве методические пособия: «Поэзия – волшебная страна», «Стихи на заданную тему», «Учиться искусству слова» (в двух частях), «Основы стихосложения – школьникам», в которых я говорю о работе с учащимися в литературно-творческом объединении «Тропинка». Большая статья на эту тему была опубликована в журнале «Литературная учёба» (июль – август, 2002). В этих публикациях – не только рассказ об одарённых детях, но и их стихотворения, впоследствии вошедшие в коллективные и отдельные сборники. Помимо названных юных авторов здесь можно познакомиться со стихами Ирины Брончуковой и Романа Багрецова, Екатерины Берновской и Ольги Кульковой, Олега Григорова, Ольги Штыркиной, Татьяны Мещеряковой и многих-многих других. Их книги представлены в экспозиции «Там-

бовский автограф», созданной в областной детской библиотеке уже при новом директоре – Татьяне Павловне Ушаковой, которая уделяет большое внимание развитию творческого потенциала учащихся.

«Тропинка» имеет звание Народного коллектива (1994), является лауреатом премии имени Е. А. Баратынского (2002). В 2001 году Нижне-Волжская студия хроникально-документальных фильмов сняла фильм о тамбовском литературно-творческом объединении – «Эта чудная “Тропинка”».

За вклад в развитие литературы для детей и подготовку творческого читателя Тамбовская областная детская библиотека в 2002 году получила Национальную премию имени Льва Николаевича Толстого.

Уверена, что немаловажную роль в успешной реализации программы «Одарённые дети России» играет тот факт, что дети занимаются именно в библиотеке, где на первом плане всегда хорошая книга – один из главных воспитателей творческой личности.

Мария ЗНОБИЩЕВА

* * *

*В тот день заснули мы счастливыми:
Мальши впервые шевелился...
А утром город, взорван взрывами,
Тугой тоскою в сердце влился.*

*И было страшно, странно очень,
Что с чёткостью первоосновы
Во чреве мира смерть ворочалась,
Во мне – биенье жизни новой.*

Мария Знобищева родилась в Тамбове в 1987 году.

Аспирантка ТГУ им. Г. Р. Державина. Автор семи поэтических сборников. Воспитанница литературно-творческого объединения «Тропика». Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Российский колокол», «Наша молодёжь», «Детская литература», «Волга XXI век» и др. Постоянный автор «Тамбовского альманаха».

Участница Всероссийского форума молодых талантов в Липках и слёта «Дети Солнца» в Москве.

Член Союза писателей России с 2006 года.

Лауреат областной премии им. Зои Космодемьянской.

* * *

Земля – как женщина.
 Любит простое.
 Не столько
     розовое и золотое,
 Сколько
     чёрное, белое, алое...
 Любит веки смыкать усталые
 И слушать сквозь сон,
 Как идёт он –
 Её человек,
     случайно пойманный свет,
 Пахарь, пекарь, поэт,
 Копытающийся тёплыми пальцами
 В её волосах льняных,
 Влетающий в них
 Дыхание, запах, стих.

 Любит укладывать в ритм
 Аритмию его походки,
 Из тумана маленьких мыслей
 Выискривать каплю-истину
 И ждать его новой улыбки –
     семнадцатилетне, кротко,
 Чтоб сердце приблизить к сердцу
     объятъем широколиственным.

Земля, как женщина,
 Ждёт и во что-то верит.
 Покойная.
     Нетерпеливая.
     Дорогая.
 И вот он приходит.
     И землю аршином меряет.
 И брак по расчёту
     зачем-то ей предлагает.
 Она бы ему просто так:
     океаны, долины, горы,
 Жемчужины всех морей,

*острова и страны.
Но врагом стал тот, кто всю судьбой
был дорог,
Но вороном стал притомившийся лебедь-ангел.*

*Седая, сырая, сирая –
еле шепчет:
«Здесь всё о тебе, для тебя! Всё – хранит и лечит.
Меня ты оставил, но тем привязался крепче.
Меня ты не понял, но тем долгожданной встреча».*

* * *

*Когда мои любимые спят,
Мир делается тих и уключе,
И город – от макушки до пят –
В пушистый одевается плюш.*

*Когда мои любимые спят,
Меняются узоры дорог.
И время обернулось бы вспять,
Стреноженное лентами строк,*

*Когда б не паруса простыней,
Шумящие для нас по ночам,
Когда бы не спиною к спине,
А сердце к сердцу,
руки – плечам.*

*Когда мои любимые спят,
Снег думает: пойти или нет,
Крошить себя во тьму наугад?
До света притвориться, что – свет?*

*...Когда мои любимые спят,
От слёз или от звёзд – не темно.
Там где-то есть сестра и есть брат,
Которым открываю окно.*

* * *

*Человек поднимается из-под земли,
Из тюрьмы, на которую нас обрекли,
Где в скелет эскалатора руки вросли,
Где по мёртвым платформам стучат костыли.*

*Он, играя со смертью в её чехарду,
Шепчет: «Чур меня, чур меня! В этом аду
Я случайно, я выжил, я не попаду
Ни в силок, ни в капкан, под узду и в беду!»*

*И в вагон до Ваганьковского рубежа
Он ступает легко и уже не дрожа.
Поезд глазом блестит. Поезд челюсти сжал,
Поезд зверем взревел, захрипел, завизжал!*

*О, железные лезвия чёрных дорог,
Минотавром вострящие бешеный рог,
Верно, время подслушало ваш разговор,
И стоит у затылка, и жмёт на курок...*

*Человек не поднимется. Канет во тьму.
Эта пропасть могилою станет ему.
И я, Господи, вряд ли когда-то пойму,
Почему.*

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

*Здесь схоронили бабушку, а следом
В тугой земле похоронили деда.
Вся в трещинах, земля была суха,
Как жизнь, бездонна, и, как смерть, глуха.*

*Я снова прихожу на их могилы.
Несу в себе тебя, их правнук милый,
Чтоб древо рода снова зацвело
Земному безразличию назло.*

*Плечо к плечу по всей длине погоста
Растут кресты невиданного роста,
Умерших сосен ссохшаяся плоть.
Растут, как город, в месяце по три ряда,
Как будто для Невидимого Града
Сзывает новых жителей Господь.*

*Шесть метров, облицованные плиткой,
С оградой, клумбой, тумбочкой, калиткой,
С надгробья отшлифованной плитой.
Или другие шесть – в траве забвенья,
С неразличимой датой рожденья,
С разоблачённой чёрной пустотой.*

*Любовь и память пишут свой постскрипtum.
Калитка отворяется со скрипом.
Кольшет ветер душные цветы.
И пахнут тленом белые пионы,
И гнутся так, как люди при поклонах,
И лепестками трогают кресты.*

*Здесь тишина. Молчат односельчане.
Как бабушка сказала б, «осерчали».
Но на кого отныне им серчать?
Им всё равно теперь, «взошли ль картошки» –
Взошла душа! А значит, по одежке
Им тоже больше некого встречать...*

*Расти, дитя, и думай о хорошем.
Молчит земля, беременная прошлым,
А если скажет миру что-нибудь,
То это слово – наш с тобою путь.*

*Я жизни жду, а думаю о смерти,
И в этой ежечасной круговерти
Мы все идём от света и на свет.
А значит, смерти не было и нет.*

ЗЕМЛЯНИКА

Собирать землянику – губами к земле
 принимать,
 Принимать поцелуй
 в губы алые
 ягодой спелой
 И раскатывать заново чей-то последний закат
 Самотканым ковром, от росы ослепительно белым.

Поросли земляничкой землянки – святые холмы,
 Моховые могилки, лесные ходы-переходы.
 Вслед за новой травой,
 безоглядные, выросли мы
 И стоим на распутье времён, как у старого брода.

Наклоняясь к земле,
 мы щекой прикоснулись к щеке,
 Наши руки сплелись, как сплетаются дикие травы.
 Кто там помнит меня
 в опалённом своём далеке,
 Кто так тянет скорее к далёким огням переправы?

Чьею алою кровью, по каплям рассыпанной здесь,
 Земляника взошла
 и прохладой уста обжигает?..
 Наступи ненароком – и прахом рассыплется лес,
 Оброни хоть одну – и вовек не родится другая!

Приникаю к земле. Осторожным листком шевеля,
 Плачет кустик живой – как умеет, росой невеликой...
 О моя золотая, больная,
 святая земля,
 Принимай мои слёзы – я тоже
 твоя земляника!

* * *

*Нет, не всему придумано название.
Сквозь тёмные галактики вещей
Суровый ум, как скаредный Кощей,
Сбирает дань со всякого дыханья.*

*Но воздух есть в полотнах и тонах
Полунамёков, снов, воспоминаний.
И всякое из тысячи дыханий
Дельфином грёз резвится в этих снах.*

*Не ко всему нам рифму подобрать
Легко. Не всё подчинено сюжету.
И если суждено нам кануть в Лету,
То – вздыбив волны звоном серебра!*

*Пусть будет каждый миг неуловим,
Неповторим, непрост, неопишем,
Чтобы слова, рассыпанные всуе,
Не увенчались именем Твоим.*

* * *

*То ли тихо скрипит половица,
То ль колодезной цепи змея,
То ли бабушка вяжет на спицах
Голубую улыбку ручья.*

*Кто-то ходит седой и незримый
Сквозь меня – как дыханье и свет –
Мимо мира и времени мимо,
Прямо к дому, которого нет.*

*Он стоял на пригорке за рощей,
Где сочился песок под обрыв,
Как юродивый, выйдя на площадь,
И глаза, словно язвы, открыв.*

*И со звёздами в близком соседстве –
Выйди в ночь – и достанешь рукой –
Так впадал в безоглядное детство,
Как иные идут на покой.*

*Свет в окне осторожно потушен,
И острожно гудит тишина
Там, где прежде мятежные души
Причащались земного вина.*

*А теперь то ли сводят с порога,
То ли запросто сводят с ума...
И, быть может, печали немного,
Что и мы – вот такие дома.*

Татьяна МАЛИКОВА

* * *

*В голубой часовне сентября
На листе резной пишу записки:
«Сохрани!» – кого любила я –
Сохрани моих чужих и близких.*

*Поправляя дымчатый платок,
Подхожу к дрожащему канону:
«Помяни...» – надорванный листок –
Отлюбивших на земле кленовой.*

*Воск, застывший каплями рябин,
Красно-горький – память и надежда.
Сердце розовеет от любви –
От разлуки с домом побелевшее.*

*И, впуская колокольный звон,
Вдруг забьётся, радостью встревожено:
Я стою под проливным дождём
И шепчу: «За всё спасибо, Боже».*

Татьяна Маликова родилась в Тамбове в 1980 году. Окончила Тамбовский государственный технический университет и аспирантуру при нём, а также Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Работает в ТГТУ.

Как поэт публиковалась в журналах «Юность», «Подъём», в «Тамбовском альманахе», коллективных сборниках. Автор двух поэтических сборников: «Лица, маски...», «Шарманщик» и двух либретто к мюзиклам.

Член Союза писателей России с 2005 года.

НОЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

*Ноябрьский ветер терпкий:
горечь костров, –
Известный дворовый сплетник
и птицелов, –
Две исповеди влюблённых
сумел украсть.
И шепчутся липа с клёном
теперь о нас.*

*Сиреневым платьем сброшен
к ногам – рассвет.
В глаза и в губы прохожих
целует снег:
Летят лепестки жасмина, –
а я ловлю...
Карманник, неисправимый,
верни: «Люблю»!*

ВЕЧЕРНИЙ ГЛИНТВЕЙН

*Давай в Каберне заката
бросим гвоздику звёзд,
листья перечной мяты,
тертой луны имбирь,
мёд, фехтованье взглядов –
перец, рябины горсть, –
пряную мякоть ягод
солнца – склюёт снегирь.*

СКАЗКА

*Хочешь быть зверем – вот тебе нож и пень.
Всё очень просто: не закрывай глаза.
Но не проси потом, – дверь слетела с петель.
Но не проси потом – всё обернуть назад.*

*Маком засеяно сердце и белым льном.
Всё очень просто: ты выбираешь сам.
Но не проси потом, – если сплетёшь венки.
Но не проси потом – цвет поменять цветам.*

*В каждой дороге – только один порог.
Всё очень просто: если умеешь ждать,
Двое придут к тебе – лев и единорог.
Только один ответ – губы не даст разжать.*

*Звери не любят! Зверю во мне поверь!
Эта красивая сказка – дверной замок.
Всё очень просто: вот тебе ключ и дверь.
Тот, кто открыл её, – голоден и одинокий.*

*Ангел сплетает струны, – не делай шаг!
Всё очень просто: в сердце звучит ответ.
И не проси потом – переиграть назад.
Тот, кто услышал Слово, ответит ...*

*Хочешь быть зверем – вот тебе нож и пень.
Всё очень просто: ты выбираешь сам.
Но не проси потом, – дверь слетела с петель.
Но не проси потом – цвет поменять цветам.*

ГОРОД

*Холодно в губы утром поцелует небритый Твой дождь,
Город, где хочется верить – в ложь.*

*Я попрощаться... Помнишь, я Тебе не вернула ключи?
Город меняет замок – стучи.*

*Падают руки улиц, обнимая... Ты будешь скучать?!
Город, где в каждом кольце – печать.*

*Не провожай, я помню – все дороги Твои на карниз.
Город, мне больше не надо – вниз!*

*Ветер растреплет души – на подушки Твоим поездам,
Город, в чьих жёлтых глазах – вокзал.*

*Пеплом не ставших птицей всё белее Твоя голова, –
Город моей НЕлюбви – Москва.*

* * *

*Колосья солнца срежет лунный серп.
Ночь терпкое вино зари пригубит.
И выпечет к рассвету новый хлеб.
А ветер кочергой рассыплет угли.*

* * *

*По ту сторону радуги – не бывает дождя.
Запечёнными ранами – расцветает земля.
Розы чёрные, алые... не закроют бутон.
По ту сторону радуги – цифры вместо имён ...*

СИРИН

*Птицы вымели небо крыльями.
Звёзды выкосил лунный серп.
Ночь слепую на площадь вывели –
Растянули на колесе.*

*Сирин горькие любит ягоды –
Не запёкшиеся ещё.
Опустило с дождями радугу
Лето осени на плечо.*

*Алым соком по веткам брызнуло –
Покатился Солнцеворот!
Сладко Сирин поёт – не высказать.
Песня кончится. Всё пройдёт.*

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ВЕТРА

*Заклинатель ветра –
Сердце-бубен стучит в ладони.
Заклинатель ветра –
Губы шепчут, молитв не помня.
В круг сплетает травы,
Ритм всё медленней, сердце – тише.
Ветер злой и старый –
Серым псом ему руки лижет.*

*Знает каждую душу,
Но не помнит при встрече.
Покоряет и служит,
Убивает и лечит.
У немного поэта –
Дар творящего Слова.
Заклинатель ветра,
Это трудно – быть Богом?*

Без сомненья и боли –
Ни единого звука.
Сердце тлеет в ладонях –
Он не чувствует стука.
В соль спечённые губы,
Вкус полыни – у хлеба.
Шепчет вытертый бубен –
Колыбельную Небу.

* * *

Все костры подо мною разложены,
Все ветра на меня накликаны, –
Пламя трётся о ноги – кошкой,
Ветры вторят молитвам – всхлипами.

Восемь шрамов на мне – распятием.
Лунный скальпель, да нитки – шёлковые.
Обескровленное зачатие –
Отзывается тихим шёпотом.

А душа, не смотри – что латаная,
Каждой стёжке – я в ноги кланяюсь.
Дай ей, Господи, незапятнанной –
Рушником лечь к иконе-складню.

Научи – оправдать судимого,
Научи – полюбить прощённого.
Опусти, да не дай погибнуть им –
Всем мечам, надо мной скрещённым.

ПАСХА

Солнце выводит на эшафот –
 полдень-палач.
 Розовым золотом брызги вразлёт –
 небу на плащ!
 С плеч голова, губы сжал и остыл
 синий закат.
 Полночь дрожащую свет ослепил –
 звёздных лампад.
 В косы седые влетает рассвет –
 плач городов...
 Новое Солнце – Новый Завет,
 Вечное — вновь!

* * *

Просящему – дай, стучащему – отвори.
 Бог нищим приходит – детям просить Любви.
 Но мы не открыли, – мы души пекли в золе...
 И верили – в образ, проявленный на стекле.

А Бог – человечен и губы Его – в крови.
 Следы от сандалий алеют в дорожной пыли...
 Но мы открыли, – мы пели Ему хвалу
 И кланялись воску, мерцающему в углу.

Он сел на пороге, к стене прислонил Свой крест.
 Он верил в людей, для которых сошёл с Небес...
 Но мы заучили Писание наизусть.
 Так много пророков, – который из них Иисус?

И мы не открыли, а Он всё стоит у дверей.
 И просит ни денег, ни веры, – Любви для детей...
 Свет бьёт в наши окна – сквозь шторы и веки – в сердца.
 Кто Сына не принял, – ослепнет, увидев Отца.

**Елена
ЛУКАНКИНА**

РАССКАЗЫ

ВРЕМЯ ВЕРНОСТИ

Индийский журавль выбирает себе супруга на всю жизнь... Запрокидывая головы и поднимая клювы, влюблённая пара заливается пением, символизируя тем самым брачный союз. При этом глава семейства всегда расправляет крылья, а подруга жизни покорно держит их сложенными, но кричать о любви начинает первой, отвечая затем два раза на каждый возглас своего избранника.

Ради такого ритуала верности стоит побывать на заболоченных равнинах Индии, где в сезон дождей гнездятся индийские журавли.

Представляя себе этих прекрасных грациозных птиц, мне нестерпимо хочется найти удачное местечко где-нибудь на берегу пруда и безмолвно наблюдать с пригорка, как они заботливо устраивают своё гнездо, нежно выгибают шеи и трогательно переглядываются. Хочется чувствовать горячую ладонь Серёжи на своём плече и, затаив дыхание, прислушиваться к тишине. Представлять, как увлажняются глаза, уставшие от напряжения и привычной ряби городских кадров.

Елена Луканкина окончила Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, работает в газете «Притамбовье».

Стихи и проза Лены публиковались в столичных журналах «Московский вестник», «Российский колокол», «Поэзия», в воронежском «Подъёме», в «Тамбовском альманахе». Она автор трёх поэтических сборников и двух книг прозы.

Принята в Союз писателей России в 2005 году.

Член правления Тамбовской писательской организации.

Здесь нет мелькания машин, коробчатых высоток, потока людей, индустриальных красок. Ни штор, ни простыней, ни ковров – всё уже соткано! Знаю ли я место, где не звонит телефон, не работает компьютер, воздух не нагревают лампочки и батареи? Знаю! На возвышающихся открытых индийских ландшафтах, поросших высокой травой и кустарниками, или на полях под паром. Сюда я бегу от тревожных воспоминаний, гнетущих новостей, бессонницы, ядовитой пустоты, учащённого пульса, надрывного сердцебиения, наконец, от восьмого августа...

Возле этого пруда есть только журавли и мы... Серёжа – красив, здоров, молод и счастлив. Его большое и щедрое сердце надёжно спрятано в грудной броне. Оно бьётся. Оно любит. Оно живёт. Отсюда не видно танков, которые снуют за оврагом, вынюхивая длинными хищными носами запах врага. Под кустами не лежат молодые солдаты в ожидании боя – со страхом в глазах и долгом в сердце. Ангелы не изнашивают от полётов крылья, защищая истончённое добро, не сходят с ума от головной боли и устремлённых к ним молитв. Замученный Дьявол проворно не стучит по затёртой клавиатуре, едва успевая пополнять список своих новых постояльцев.

Всего этого здесь не может быть. Крови суждено пролиться на другой земле и в другое время. И хотя эти места полны неприметных хищников и паразитов, запах смерти здесь ничтожно слаб и чувствует его лишь тот, чей желудок чертовски проголодался и требует жертвоприношений. Я смотрю вокруг, на оживший Диснеевский мир, и опасаюсь, что прямо сейчас из-за деревьев выйдут суетливые люди и соберут в коробки эти декорации. Неужели жизнь возможна без раздражителей и вмешательств, а благовоение миролюбивого бытия так девственно: ни пороха, ни гари, замешанных на поту и крови?! Кажется, что в этих краях боги и дегустировали запахи любви – терпко-пряный, цветочно-ягодный, неповторимый...

Серёжа смотрит на журавлей и его глаза полны нежности и трепета. Как он близок мне сейчас! Я слушаю его дыхание, убаюкивающе тёплое, и мечтаю, чтобы оно никогда не останавливалось. Ему пока велика армейская форма, и я не вижу его солдатом. Он ещё не научился писать письма маме и признаваться мне в любви во сне. Не вижу я испуганного лица той раненой осетинской девочки, за-

жатоЙ под обломками разрушенного дома, которую Серёжа успеет спасти. Даже в кошмарах не могу представить себе и того, как через секунду после спасения на этих руинах закрутится огромная воронка огненного смерча, которая затянет боевых товарищей в свою всеядную глотку.

Я не дальновидна, никакое волнение не гложет меня, предчувствие усыплено красотой и гармонией этих мест. Мысли о хаосе – нечто неведомое блаженной мерности, и мне совсем не думается о том, что будет завтра.

Серёжа, как мало времени нам осталось! Ничтожно мало перед ужасающей пропастью лет, которая разделит нас. Хотя бы один знак, тревожный сон, чёрная кошка, да что угодно – и всё могло случиться совсем по-другому! Но... жизнь была ключом и одаривала нас роскошью счастья, будто бы оправдывалась и замаливала прощение за предстоящее горе. Грядущее осталось неведомым.

Не догадывались о нём и журавли, готовящиеся к пополнению семейства. Они и сейчас не глядят в нашу сторону, хотя наверняка догадываются о наблюдающих. Здесь, на пруду, мы с Серёжей почти уверены, что не было до этого дня никаких миллионов лет, ледникового периода, мамонтов и людей-великанов. Всё это – впереди. А пока жизнь вот-вот создаётся: по крупинкам, тростинкам и веточкам – как это гнездо. Никакого будущего и прошлого, лишь она – единственно верная, только что найденная точка отсчёта, исходная покоя. Лишь в ней – вся суть вещей, хранящая равновесие хрупкости и прочности.

Скоро у журавлиной семьи появятся птенцы, такие забавные и трогательные. А значит, в Красной книге – долгожданное пополнение редкого вида, которому суждено сохранить и продолжить традиции исключительной верности и притягательного благородства.

Когда птицы заснут, Серёжа уберёт с моего лица растрепавшиеся пряди, укутает меня своей рубашкой и крепко обнимет. Мы будем смотреть на васильковое небо и считать звёзды. Изучая самую дальнюю, почти незаметную, мы уснём в объятиях друг друга. А на рассвете внесём свою щедрую лепту в Красную Книгу Жизни. В то утро я не почувствую всю важность нашей любовной идиллии. А вот Серёжа, кажется, распознает. На его губах в тот день я поймаю не одну благостную улыбку...

* * *

Не было ни дня (за последние, самые важные, для каждой матери месяцы), чтобы я не вспомнила Индию, тот пруд, журавлей и наше место, которое мы облюбовали. В эти моменты в моём животе постукивал ещё один, новый, свидетель индийской истории. Я чувствовала, как изнутри меня греют три комочка тончайшей материи. Один из них на днях покинет свою первоначальную родину, а твой останется со мной. Навсегда.

До сих пор я гадаю, кто этот шелкопряд, умеющий ткать из невидимых нитей души? Как научился непризнанный гений собирать на своих крошечных лапках ту волшебную животворящую пыльцу, которую передаёт мужчина своей женщине за тысячи километров, прощаясь с жизнью? И зачем это магическое создание просачивается через чуточные зазоры моей плоти – в самое ядро угасающей пульсации и зарождает там собранный им шедевр?

Во мне так много твоего, Серёжа! Больше, чем было прежде! Миг без тебя – как сотни дней с тобой! Расщепи мою судьбу и ты не найдёшь ни одной посторонней частицы, каждая – твоя. Время идёт, но наш пруд всё также неиссякаем и чист. Там нет времени. Там нет траурных лент на ветках. Там всё – правда!

...Танец журавлей. Я вижу его на каждом шагу, когда возвращаюсь домой из той стынувшей тишины, которой кормится воронья. А ещё я научилась слышать твою песню, силой нашей любви вживлённую в плиты. Серёжа, как же ласково ты зовёшь меня, расправляя крылья, а я (покорно опустив свои, слабые) отвечаю дважды.

Твои глаза всё также смотрят в мою судьбу. Через нашего сына. Когда я целую его, нет для меня большей радости – видеть эти ямочки, родинки, кудри и то, что он пошёл в тебя...

Моя жизнь – совсем другая страна чудес. Всё в ней – иначе. Но неизменно и свято одно, самое главное – то, ради чего стоит жить и возвращаться на заболоченные равнины Индии. Наш сын рассказал мне однажды, что индийский журавль выбирает себе супруга на всю жизнь...

ИХ БЫЛО ДВОЕ...**Рассказ с монтажного стола****Кадр седьмой**

Ночью в дом приехали двое. Мужчина и женщина вошли в гостиную. У окна стояли красные кресла, разделённые длинным диваном. Почти одновременно они опустились в них и погрузились в безмолвие. Слова уже не помогали.

Это муж и жена. В тот самый миг – чужие друг другу люди. Каждый – в своей тонущей лодке. Ни тени родства, ни капли надежды не осталось. Всё умерло. Сегодня. А может, и раньше. Бревенчатый дом у реки, где не так давно они пропадали счастливыми неделями, теперь превратился в кладбище. Его холодный простор, сумрачный второй этаж, высокие потолки, яркий свет угнетали.

Несколько минут назад они, не сговариваясь, вошли сюда. Анна развязала шарф и откинула голову. Она училась заново дышать, забыв от боли, что воздух нужно вдыхать.

Юрий не сводил взгляда с мобильного. Зелёный маячок не прекращал мерцать. Значит – сеть есть. Но телефон хранил молчание, словно в нём заключалось единственно важное сейчас равновесие. И всё же звонок был неминуем...

Кадр первый

Утром Анна по привычке заезжала к Данечке. Перед работой она спешила в эту квартиру, чтобы увидеть свою радость. На сей раз ей не терпелось вручить сыну важный подарок. Этой осенью Даня пойдёт в первый класс. Просьбу купить рюкзак мама не могла забыть.

Всякий раз окольными путями она добиралась до этого тайного места. Чтобы муж ничего не заподозрил, Анна петляла на своём вороном «жуке» по улочкам.

Данечку воспитывала её сестра Уля. Она была женщиной одинокой и бездетной. Поэтому шесть лет назад с радостью согласилась взять на воспитание своего племяншу. Анна жалела, что не кормила его грудью. Ведь для ребёнка так важно знать запах матери.

Но врачи запретили ей. Анна находилась в глубокой депрессии. Молодой папаша сделал ноги прямо в день свадьбы. Так Анна стала матерью-одиночкой.

Однако через месяц на горизонте появился мужчина. Надеясь второй раз попытать счастье в супружестве, Анна решилась на крайнюю меру. Юрий не раз намекал ей, что категорически против детей. И она скрыла от будущего супруга факт своего материнства. Таким образом Даня отошёл Ульяне, а Юрий – Анне. Сделка с судьбой была совершена.

На вопросы мальчика тётя отвечала всегда одинаково: «У мамы важные дела. Она пока не может жить с нами». На выходные и по утрам Анне удавалось повидаться с сыном. Вот бы никогда не разлучаться с ним, но обстоятельства складывались против её воли. Однажды она заберёт его. Но не сейчас. А пока несколько бесценных часов в месяц – всё, что могли подарить другу друг разлучённые мать и сын.

Кадр второй

Юрий бывал у Илюши гораздо реже, чем хотелось бы. Бывшая жена всеми усилиями создавала препятствия. Малыш так и не привык к его лицу. Всякий раз он сгущал свои тонкие бровки при виде незнакомого дяди, а в глазах появлялся испуг.

За полгода до родов Юрий бросил Наталью и потребовал развода. Причина была банальна – в его жизни появилась другая. Гордая женщина незамедлительно отказалась от брачных уз с предателем. Вскоре его новая пассия заняла её место. Об Илюше Анне он не сказал. Решил, что не стоит всё усложнять.

Однако это улыбчивое маленькое чудо непреодолимо влекло его в прежнее гнездо. Но уязвлённая Наталья считала иначе: никаких встреч, сын принадлежит ей! После нескольких скандалов Юрий понял, что лучше держать дистанцию и не одолевать внезапными приездами.

Раз в месяц он приезжал отдать ей алименты и увидеть в кроватке своего карапуза. На такие условия Наталья согласилась.

Юрий частенько думал о втором ребёнке, о чём собирался поговорить с Анной, но забывал. Всё некогда – дела, дела...

Кадр третий

Перед своим днём рожденья Наталья решила сбегать от надоедливового мужа на всю весну. В Липецке жила её мать. Она одобрила желание дочери переехать к ней на время и ждала встречи с внучком.

За считанные часы вещи первой необходимости лежали в чемодане. Наталья заблаговременно заказала такси. В назначенное время вышла из подъезда. Таксист помог с вещами, после чего они отправились в дорогу.

О своём намерении Наталья, разумеется, не сообщила Юрию. Ей хотелось привести в порядок мысли вдали от здешних мест. Пребывая в гипнотическом состоянии всё это время, она не могла позволить себе слабости или уныния. Сын наполнял её новым смыслом. Ей не оставалось ничего, кроме дальнейшего движения вперёд. И всё же душа просила покоя и защиты. И вот Наталья надумала вырваться из замкнутого круга.

На улице уже распускались первые вербы. Земля оживала от холодов. Молодая мама была полна надежды, что жизнь наладится. Илюша, на её радость, рос крепким, болел редко. Что ещё нужно для материнского счастья?! Вместе с тем она верила, что в её жизни появится порядочный мужчина, который согреет стылое сердце, и проснувшаяся страсть вновь подступит к горлу.

Проезжая мимо дома, где жил теперь отец её ребёнка, она выглянула опустила стекло и подняла взгляд. На третьем этаже мелькали тени от телевизора. Там он живёт другой жизнью, с другой женщиной. Наталья ужаснулась: как же быстро родные люди могут стать чужими! Поправив шапочку на спящем сынишке, она грустно улыбнулась. Ей было больно. До сих пор...

Кадр четвёртый

Последняя пятница месяца традиционно являлась днём, когда Юрий навещал свою бывшую семью. К нему он задолго готовился. Покупал подарки, приводил себя в порядок. Походы в спортзал учащались. Он помнил, что впервые пропустил день рожденья своей бывшей, поэтому готовность на этот раз была боевой.

Весь прихорошенный и подтянутый, он стоял у двери. Однако

ему никто не открыл. Это показалось странным. Наталья знала договорённость о времени его приезда и не могла уйти. Просидев час возле двери, Юрий терзался сомнениями. Её сотовый не отвечал. На том конце провода ему отвечали, что номер заблокирован.

Недолго думая, Юрий решил позвонить тётце. Разговаривать с ней не хотелось, но других вариантов не оставалось. Изначально мать Натальи была против их брака. После развода она не раз «пилила» дочь, упрекая её в неразборчивости.

С первого раза дозвониться не удалось. Никто не брал трубку. На второй раз повезло. Когда он услышал мертвенный голос женщины, его слух оледенел.

Кадр пятый

Через минуту Юрий сидел на лестнице и смотрел в одну точку. В руке угасал дисплей. На нём – весёлая Илюшкина мордашка. Мужчина тяжело дышал. Он понимал, что не может сегодня вернуться домой. Нужно было ехать за город. Срочно! Выскочив из подъезда, он нырнул в джип, и колёса издали истошный визг.

Машина не слушалась его. Он то и дело вылетал на соседнюю полосу. В голове перепутались все реальные и воображаемые известия. Он не мог осознать, что его красавицы Наталья и ангельского Илюши нет в живых. Вот так просто они уместились в одно слово: умерли! Порой ему казалось, что он продолжает любить свою рыжеволосую русалку. Вероятно, так оно и было. Но теперь это не имело значения.

Две недели назад их такси сбила многотонная фура. Заснувший водитель летел по трассе на неуправляемой громадине. Никто не выжил. Но почему же он узнаёт об этом только сейчас?! В глубине души Юрий понимал, что заслужил любой удар со стороны её родных, но только не такой! Не дать проститься со своим сыном и первой любовью – казалось ему наивысшей жестокостью. «Он никогда не был твоим сыном!» – эти слова, с ненавистью и горечью вгрызшиеся в мозг, приводили его в ярость. Как она могла сказать такое?! Он то и дело крепко сжимал веки, пытаясь удержать подступающие слёзы и цепenea от невыносимости случившегося.

Кадр шестой

Резкий гулкий толчок остановил машину. От сильного удара Юрий вжался во что-то плотно натянутое. Сработала подушка безопасности. Лёгкие на мгновение склеились. Но рассудок оставался трезвым. В голове, как заезженная пластинка, крутилась только одна мысль: всё потеряло смысл.

Однако столкновение немного притупило боль. И хотя грудная клетка явно треснула, там, под ней, было куда больней. Кое-как вырвавшись из плена машины, он открыл дверь. Вывалившись на дорогу, Юрий откашливался кровью.

Гул толпы и машин привёл его в чувства. Стоило ему подняться, как по обоим тротуарам на него уставилась толпа испуганных зевак. На их лицах застыл ужас. Он опустил глаза и отвернулся. Спиной к нему на свежей выкрашенной «зебре» лежало маленькое безжизненное тело в хлопчатых штанишках и рубашке в клеточку. Мальчик был в луже крови, как кукла или манекен из детского магазина.

Схватившись за голову, Юрий осмотрелся по сторонам и неожиданно запрыгнул в машину. Завёл мотор и рванул с места, скрывшись за первым поворотом.

Теперь память уже не мучила, она попросту начала стираться. И только одна деталь осталась нетронутой. Упрямым кадром в его голове застыл скособочившийся рюкзачок с оторванной лямкой на обочине дороги...

Кадр восьмой

Этот дом у реки больше не ждал гостей. В нём было место только для двоих. Они не нарушали молчания. Слова уже не помогали. Мужчина и женщина ждали конца, который уже наступил.

И даже тот, кто крутил эту плёнку и распределял новые роли, не мог им ничего сказать...

Лариса ПОЛЯКОВА

РОСКОШЬ ФОРМ И ОБРАЗОВ

Перечитывая «Тамбовскую казначейшу»
М. Ю. Лермонтова

В. Г. Белинский в статье «Стихотворения М. Лермонтова» отмечал «...свежесть благоухания, художественную роскошь форм, поэтическую прелесть и благородную простоту образов, энергию, могучесть языка, алмазную крепость и металлическую звучность стиха, полноту чувства, глубину и разнообразие идей, необъятность содержания» и заключал: это – «суть родовые характеристические приметы поэзии Лермонтова...». Здесь подмечены наиболее яркие черты художественного слова великого русского поэта, и они в полной мере реализованы в его поэме «Тамбовская казначейша», в названии которой, как видим, запечатлена связь произведения с нашим краем.

Как отмечают исследователи творчества поэта, к середине 1830-х годов в произведениях Лермонтова усиливается сатирическое начало, и он адресует аристократическому обществу целый ряд своих произведений («Маскарад», «Княгиня Лиговская», «Дума», «Сашка», «Сказка для детей» и «Тамбовская казначейша»).

Лариса Васильевна Полякова – критик, литературовед.

Родилась в деревне Редькино Староюрьевского района Тамбовской области. Окончила филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Работает зав. кафедрой истории русской литературы Тамбовского госуниверситета им. Г. Р. Державина, профессор.

Автор многих монографий и научных трудов. Лауреат Всероссийской премии «Преображение России» им. С. Н. Сергеева-Ценского, областных премий – им. А. К. Воронского и Рахманиновской.

Заслуженный деятель науки России.

Член Союза писателей с 1981 года.

Лишь последняя из поэм была завершена и опубликована при жизни поэта. Поэма создавалась между апрелем 1837 – началом 1838 года. Она была опубликована в третьем номере журнала «Современник» за 1838 год под заглавием «Казначейша», без подписи, с купюрами и искажениями, с заменой названия города «Тамбов» буквой Т с точками. Лермонтов был крайне возмущён бесцеремонным вмешательством цензуры. По воспоминаниям писателя И. И. Панаева, присутствовавшего при разговоре Лермонтова с редактором А. А. Краевским: поэт даже «покушался» «разодрать» тоненькую книжечку «Современника»: «– Это чёрт знает что такое! позволительно ли делать такие вещи! – говорил Лермонтов, размазывая книжечкою... – Это ни на что не похоже!».

Был ли Лермонтов в Тамбове? На страницах разных изданий чаще всего об этом пишется утвердительно. Действительно, известен факт – 18 октября 1835 года его бабушка Е. А. Арсеньева писала внуку в Москву: «Как Бог даст милость свою и тебя отпустят, то хотя Тарханы и Пензенской губернии, но на Пензу ехать с лишком двести вёрст крюку, то из Москвы должно ехать на Рязань, на Козлов и на Тамбов, а из Тамбова на Кирсанов и Чембар...» И Лермонтов прибыл в Тарханы только 31 декабря 1835 года, а в двадцатых числах этого месяца он останавливался в Тамбове. В Тамбове жили друзья Лермонтова по Московскому пансиону – П. В. Боборыкин, И. Р. Грузинов, братья Протасьевы, у которых и мог остановиться автор «Тамбовской казначейши».

Есть ещё одно совершенно точное указание на то, что Лермонтов в Тамбове был. На страницах романа «Герой нашего времени» в главе «Бэла» автор пишет о переезде через Крестовую гору и передаёт своё впечатление: «Итак, мы спустились с Гуд-горы в Чертову долину... Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утёсами, – не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова “черта”, а не “чёрт”, ибо здесь когда-то была граница Грузии. Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие милые места нашего отечества».

Не бывая в Тамбове, такое о городе написать очень трудно. Да и «Тамбовская казначейша» наполнена такими подробностями, которые не оставляют сомнения в том, что автор хорошо знал не только

городской антураж Тамбова, но и нравы его жителей.

Неслучайно поэма открывается «Посвящением», где автор подчёркнуто пишет о том, что он «поёт» «на старый лад» и «пишет Онегина размером», что использует в качестве образца для подражания роман Пушкина «Евгений Онегин» и, следовательно, использует онегинскую строфу. Эта строфа состоит из 14 стихотворных строк четырёхстопного ямба, расположенных по схеме: три четверостишия перекрёстной рифмовки, смежной, охватной, и заключительное двустушие. После Пушкина использовалась крайне редко. Но не только стихотворный размер пушкинского романа и тип его строфы мы находим в «Тамбовской казначейше»: сама социально-бытовая направленность произведения сближает эти два великих творения русской литературы XIX века. Лермонтов знал роман Пушкина наизусть, он был для него образцом художественного воплощения жизни русского общества первых десятилетий XIX века. Бесспорно, произведение Лермонтова близко не только «Евгению Онегину», но и своей реалистичностью, развитием любовной коллизии на резко приземлённом бытовом фоне, использованием острот и сатирических шуток перекликается, с одной стороны, с «Графом Нулиным» А. С. Пушкина, с другой – «Цыганкой» Е. А. Баратынского. Здесь, в провинциальном русском городе, в центре России, «зданье лучшее острог», а среди местных малообразованных дворян и чиновников процветали картёжная игра и безделье. Есть свидетельство того, что в 1822 году в Тамбов были завезены тюки игральных карт на 170 тысяч рублей, а книг – всего лишь на 250 рублей 65 копеек.

Поэт не рассчитывал на создание вечного памятника и намеренно подчёркивал лёгкую игровую задачу. Юмор, ирония – пожалуй, ведущие поэтические средства выражения авторского отношения к жизни Тамбова: «Он прежде город был опальный, теперь же, право, хоть куда». Читатель ожидает описания значительной картины города, но получает обратный эффект. Это «хоть куда» раскрывается в деталях, которые вовсе не вызывают восторженную реакцию читателя:

*Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,*

*Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин»...*

И далее автор прямо, без игры с читателем пишет:

*Но скука, скука, Боже правый,
Гостит и там, как над Невой,
Поит вас пресною травой,
Ласкает чёрствою рукой...*

Мы подмечаем деталь «как над Невой», то есть как в столичном городе, и таким образом в поэме Тамбов становится художественным обобщением жизни не только провинциальной России. Подробны картины с описанием дома губернского казначея Бобковского как представителя местной тамбовской аристократии, деталей его портрет:

*Хозяин был старик угрюмый
С огромной лысой головой.
От юных лет с казённой суммой
Он жил как с собственной казной.
В пучинах сумрачных расчёта
Блуждать была ему охота,
И потому он был игрок
(Его единственный порок)...*

«Враг трудов полезных», он всё своё время проводил преимущественно за картёжной игрой в вист, свою молодую жену красавицу Авдотью Николавну обучил искусству, «как бросить вздох иль томный взор» и использовал её в качестве отвлекающего средства для понтера, своего партнёра-игрока. Подробен и её портрет:

*И впрямь Авдотья Николавна
Была прелакомый кусок.
Идёт, бывало, гордо, плавно –
Чуть тронет землю баשמачок;
В Тамбове не запомнят люди
Такой высокой, полной груди:*

*Бела как сахар, так нежна,
Что жилка каждая видна.
Казалось для нежной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочем, я отчасти
Поклонник голубых очей
И не гожусь в число судей.
А этот носик! эти губки,
Два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
А голос сладкий, как мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто «р» произносила;
Но этот маленький порок
Кто извинить бы в ней не мог?
Любил трепать её ланиты,
Разнежась, старый казначей.
Как жаль, что не было детей
У них!.....
.....*

И следует отточие как авторский способ озадачить и приблизить к себе своего читателя: пусть он сам додумает до конца сюжетную мысль. Эти отточия проходят почти через всю поэму, начиная с первой главки, и лишь с сорок пятой главки они исчезают. Уже мы познакомились с уланом Гариным, о котором и автор пишет как о своём хорошем знакомом («Я вместе часто с ним бывал»), тридцатилетним ротмистром (капитаном в лёгкой коннице):

*Взор пылкий, ус довольно чёрный:
Короче, идеал девиц,
Одно из славных русских лиц.
Он всё отцовское именье
Ещё корнетом прокутил;
С тех пор дарами провиденья,
Как птица божия, он жил...*

Уже «Толпа гостей теснилась шумно / Вокруг зелёного стола; / Игра уж дельная была, / И банк притом благоразумный». Уже Авдотья Николавна посажена «на креслах в уголке», и читателю «представлен» «блестящий круг тамбовский», завсегдаев балов и игральных «битв». Как только «пошла игра», в отточиях не было смысла. Сюжет энергично двигался к развязке. Вот казначей «проиграл свой старый дом / И всё, что в нём или при нём»:

*Он проиграл коляску, дрожки,
Трёх лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины серёжки,
Короче – всё, всё дочиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидел он бледный и безмолвный...
Как вдруг, очнувшись, казначей
Вниманья просит у гостей.
И просит важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но с тем, чтоб отыграть именье
Иль «проиграть уж и жену»...*

«Всех будто варом обожгло». И в результате «битвы» Бобковский проиграл Гарину Авдотью Николавну: «Она на мужа посмотрела / И бросила ему в лицо / Своё венчальное кольцо – / И в обморок». Улан, схватив Дуню в охапку, отправился домой.

Стихотворное повествование Лермонтова «Тамбовская казначейша» построено так, что автор всегда присутствует в поэме, ведёт сюжет, делает в нём «повороты», отступления, рассказывает о себе и хорошо знает то, о чём пишет, даже игру в «вистик»; всё оценивает, уточняет, создаёт настроение читателя, формирует наши отношения к героям. Художественная функция этого образа конструктивна. Даже жанр произведения помогает нам определить автор. Это не просто поэма или стихотворное повествование, а «сказка», потому что трудно поверить в то, что произошло в семье губернского казначея. И это лишь усиливает эффект трагического и одновременно комического финала. На этом основании можно определить жанр «Тамбовской казначейши» как трагикомедию. Можно было бы содрогнуться от случившейся истории и её развязки, но

автор спокоен. Глубокая грусть, энергия благородного негодования поэта передаются читателю, и мы понимаем, что произведение Лермонтова менее всего может оскорбить тамбовцев (вспомним эпитет «милые места нашего отечества» в «Герое нашего времени»), что оно направлено на критику русского общества в целом, потерявшего представление о достоинстве человеческой личности. Видимо, этим объясняется и название поэмы: Авдотья Николавна (тамбовская казначейша) менее всего виновата в происходящем, она лишь стимулирует, активизирует, ускоряет основной конфликт, столкновение казначея и улана, и бросает в лицо мужа не просто венчалное кольцо, а вызов всему обществу с его пороками. Потому поэт и негодовал в связи с тем, что при первой публикации произведения из заглавия была снята географическая конкретность.

Сюжет «Тамбовской казначейши» имеет свои очевидные особенности, и дело, конечно, не только в том, что основной тягловой силой его является автор как самостоятельно действующее лицо. И даже, может быть, не в специфике изображения города Тамбова, тоже претендующего на роль героя произведения, вполне автономного, то есть живущего своей жизнью, не зависимой от жизни персонажей, художественно воплощающих довольно распространённый тип его жителя. Город имеет не только своё лицо, свой портрет, детально описанный автором, когда подмечены и географический пейзаж, и инфраструктура, повадки и нравы жителей, вплоть до их ежедневного режима, времяпрепровождения, как бы уловлено дыхание, расшифрована кардиограмма городского быта и бытия. Вот что увидели уланы, когда вошли в Тамбов под лучами Авроры, утренней зари:

*И вот однажды утром рано,
В час лучший девственного сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядывает Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотит Аврора
И, тишины известный враг,
Ещё безмолвствовал кабак,*

.....
.....

Именно город создал те условия, в которые, как в замкнутое пространство, попали главные действующие лица и стали как бы обречёнными на тот исход событий, которым и завершается произведение. Только в процессе познания этого города, его жизни, нам становится понятной мораль, заложенная автором в эпиграф, взятый из пословицы: «Играй, да не отыгрывайся». Речь, видимо, менее всего идёт об игре в карты, ведь и сама эта игра в лермонтовском произведении воспринимается нами и как часть городской жизни, и как своеобразный знак, символ, философия жизни отдельного человека, его поведения, принципов морали, в том числе и в общении с другими людьми, а может быть, не в том числе, а в первую очередь во взаимоотношениях людей. Выбирай свой жизненный путь и не ввергай в его сложности и катаклизмы других людей. Рискуй, терпи поражения, но не «отыгрывайся» на других.

Особенности сюжетного построения обусловлены и конструктивным, решительным вмешательством в жизнь героев случая, и случай этот (приезд в город на зимовку уланского полка) не только разъединяет героев (Авдотью Николавну и её мужа), но и соединяет их, не только, скажем, Авдотью Николавну и Гарина, но и Гарина с казначеем, соединяет их в конфликте для того, чтобы сделать зависимыми друг от друга и дать возможность соединиться женщине с возлюбленным. Может быть, именно роль случая, его художественную функцию подчеркнул в своей иллюстрации к поэме М. В. Добужинский: Авдотья Николавна стоит у окна и смотрит на входящих в город под лучами Авроры уланов. Здесь очевидна перекличка «Тамбовской казначейши», как произведения и сатирического, и трагикомического не только с другими сатирическими произведениями поэта, о которых шла речь выше, но и, например, с лирической инвективой «Дума», написанной в 1838 году, где поэт говорит о своём поколении («Его грядущее – иль пусто, иль темно»), о приземлённости чувств и отсутствии благородных порывов:

*Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережём в груди остаток чувства –
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,*

*Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови...*

Сатирическая, как принято считать, а мы полагаем, трагикомическая, поэма М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша» ярко вписана в общий контекст творчества поэта. Здесь всё отвечает вышеприведённой характеристике творчества поэта Белинским. Произведение, протестующее против прагматичного отношения к любви, тем не менее содержит пронзительные строки о любви, которые дают нам основание принять ещё одно появляющееся в последней главке авторское жанровое определение – «печальная быль»:

*Язык любви, язык чудесный,
Одной лишь юности известный,
Кому, кто раз хоть был любим,
Не стал ты языком родным?
В минуту страстного волненья
Кому хоть раз ты не помог
Близ милых уст, у милых ног?
Кого под игом принужденья,
В толпе завистливой и злой,
Не спас ты, чудный и живой?*

«Печальная быль» о жажде любви тамбовской казначейши прочитана нами на страницах лермонтовского произведения.

Людмила КОТОВА

ТЕПЛИЦА

Очерк

1. Середина 1980-х годов

– Кто бы мне объяснил, откуда эти нитраты взялись? – вопрос директора был скорее риторическим, но Ольга восприняла его всерьёз.

Да и кому, как ни ей, выпускнице Тимирязевки, молодому специалисту с красным дипломом, агроному-агрехимику тепличного совхоза, разбираться с этой проблемой. Совещание подходило к концу. Тема нитратов была затронута вскользь, особого внимания не привлекла, да и возникла после обращения представителей областной станции химизации с просьбой об исследованиях на базе промышленных теплиц.

– Ольга Васильевна! Общаться с областной службой придётся вам.

Людмила Ивановна Котова родилась в посёлке Инжавино Тамбовской области. Окончила Московскую сельхозакадемию им. К. А. Тимирязева. Работает главным агрономом тамбовского комбината «Тепличное».

Автор пяти поэтических сборников, изданных в Москве и Тамбове.

Руководитель литературно-творческого объединения «Откровение» (Инжавино).

Член Союза писателей России с 2001 года. Член правления Тамбовской писательской организации.

Публикуемый очерк – документален и автобиографичен; только имена-фамилии героев изменены.

– Хорошо, конечно, Алексей Иванович. Я думаю, нам тоже их результаты могут пригодиться. Мне бы хотелось кое-какие свои опыты провести, а возможностей делать замеры у нас нет. Вот и воспользуемся их приборами, я договорюсь.

– Добро! – директор легонько прихлопнул ладонью по поверхности стола. – Совещание окончено.

На следующий день Ольга взялась за просмотр старых учебников, выискивая в них хоть косвенное упоминание причин, влияющих на повышение уровня нитратов в овощах. Паника, поднимающаяся в последнее время в средствах массовой информации, настолько сильно завладела сознанием покупателей, что теперь любые сбои в пищеварении объясняли тем, что тепличные огурцы «закармлиены» удобрениями. Ольгу и злила эта, с её точки зрения, обывательская бестолковость, и подстёгивала к поиску решения проблемы.

А всё-таки интересная у неё работа! Вот ведь любила в детстве детективы читать – и, пожалуйста, чем не детектив? Думай, анализируй, ищи причинно-следственную связь. И в то же время она обожает ходить по теплицам, особенно зимой, когда снаружи за стеклом стерильно-белый снег поглощает все запахи и краски, а внутри на чёрном влажном фоне грунта ярко зеленеют подвязанные за шпагат, стоящие ровными рядами растения огурца. В середине января в пазухах нижних листьев начинают распускаться первые цветки – непривычно крупные, насыщенно-жёлтые. И каким невероятно сладким запахом наполняется воздух! Кто бы мог подумать, что обычный, знакомый всем и каждому огурец так благоухает при цветении!? Ароматы Франции!

Лирическое отступление, а загадки с нитратами пока ещё остаются неразгаданными. Так, пора подключать логическое мышление. Конечно, кое-что о противнике Ольга знала. Во-первых, что «противник», прямо скажем, условный. Ведь нитраты, соединения азота с кислородом, – одни из основных компонентов питания растений. Из них, в процессе преобразования, получаются аминокислоты – «кирпичики» белков. Ну, а о том, что белки являются главной составляющей любого живого организма, знают, наверное, все, на чью бестолковость злится порой Оля. Так что выводы типа: «В

теплицах под огурцы селитру сыплют, поэтому и нитраты высокие», – далеки от истины. Да, удобрения используют в подкормку постоянно. Но только и хозяйка, перекапывая на своём огороде землю с навозом, напрасно думает, что обезопасила себя. Её огурчики тоже будут питаться нитратным азотом, который есть в навозе. Так что не обольщайтесь, мадам!

Пройтись надо по всей цепочке от грунта до плода, посмотреть, можно ли повлиять на количество, на скорость процессов преобразования. Основная задача – сделать так, чтобы эти «друзья-враги» не выходили за рамки допустимых норм. Вот этим, Ольга Васильевна, и займись в ближайшее время, а не иронизируй по поводу малограмотности огородников-любителей.

С областной станцией химизации договорились легко. Там проходило испытание нового прибора на фоне плановой проверки овощей, выращиваемых в области, на концентрацию нитратов. Ольга отвезила продукцию своего предприятия на основной анализ, а заодно просила сделать замеры после проводимых экспериментов. Сначала она решила проверить общепринятую теорию о высоком содержании азота в почве.

Казалось бы, зачем проверять, когда не только обыватели, но и учёные называют это основной причиной? Но характер у Ольги Васильевны ещё тот – редко признаёт авторитеты, всегда хочет убедиться сама в достоверности выводов. Так ведь права на сей раз оказалась в своих сомнениях: взяла на проверку огурцы с разных участков одной из теплиц (каждая теплица по площади занимает целый гектар, анализируемые участки – по тысяче квадратных метров, это десятая часть гектара), а количество нитратов в них примерно одинаковое, несмотря на разный уровень содержания азота в грунте каждого отдельного участка.

Старые учебники всё-таки помогли. В одном месте нашла упоминание о микроэлементе, входящем в состав фермента, участвующего в процессе преобразования нитратного азота в аммонийный. В другом прочитала о конкуренции между элементами питания в почве. Умеющий видеть – да увидит. Умеющий делать выводы из полученной информации их сделает. Молодой специалист, выпускница Тимирязевской академии Ольга Круглова поехала со своими выводами в Москву, получила одобрение мэтра агрохимии, устное

пожелание оформить их в научную работу – и вернулась в родное хозяйство. Снова учёба и экзамены – увольте! В чём-то Ольга была лентяйкой. Лучше она применит свои знания на практике.

2. Середина 1990-х годов

– Скорее всего, шесть гектаров теплиц, которым обогрева не хватает, придётся закрывать. Денег у вас нет, и мы помочь ничем не можем.

Несколько человек – представители областного управления сельского хозяйства и специалисты предприятия – с хмурыми лицами шли по территории совхоза. Настроение у всех было под стать мрачной осенней погоде. Только погода может измениться в лучшую сторону, а вот от сложившейся в сельском хозяйстве ситуации ничего хорошего ждать не приходится.

– А что же с людьми будет?! – Ольга Васильевна, забыв о субординации, не удержалась от высказывания. – У нас и так уже половина рабочих без содержания дома сидят. Хорошо хоть добились выплаты по две трети от тарифа за вынужденный простой. В городе работы тоже не найти. Такое хозяйство разрушить!

– Что поделаться?! Рассчитывать вы можете только на свои силы. Во всей области состояние почти такое же, если не хуже...

Куратор их отрасли ещё что-то рассказывал о делах в овощеводстве края, но Ольга слушала уже не так внимательно. Она шла позади группы и думала о том, что же случилось с их недавно процветающим совхозом.

Два года назад умер от рака первый директор, Алексей Иванович Лазарев. За год до его смерти на предприятии появился новый главный бухгалтер. Ольга Васильевна до этого всегда воспринимала коллектив совхоза единым целым, своей второй семьёй. А тут ясно почувствовала в новой руководительнице бухгалтерского отдела нечто чужеродное. Хотя они и были тётками (звали главбуха Ольгой Николаевной), однако симпатии, а тем более душевной близости между ними не возникло. К тому же, хоть Ольга Васильевна терпеть не могла слухи и сплетни, разговоры о том, что новая начальница не чиста на руку, возникали практически ежедневно.

Да и как им было не возникать, когда финансовое и производственное состояние в совхозе резко стало ухудшаться. Появились долги по зарплате – а это верный повод для недовольства и сплетен.

Новый молодой директор во всём прислушивался к советам главного бухгалтера. И хоть был сам грамотным агрономом, не один год проработавшим в совхозе, «своим» для многих на предприятии, но, похоже, махнул на производство рукой и думал больше о собственном выживании. Руководство практически перешло в руки Ольги Николаевны Соболевой. Как уж там было на самом деле – Бог знает, только впечатление складывалось именно такое. Предприятие стремительно покатило вниз по всем показателям. Хотя мог ли кто-нибудь другой в это постперестроечное время удержать его от развала – не известно.

А потом в административном здании совхоза появились и совсем чужие люди. По-хозяйски расположились в одном из срочно освобождённых кабинетов. Вначале перепугавшиеся, директор и главный бухгалтер через несколько дней оправились от шока и, похоже, пришли к какому-то соглашению с незваными гостями. Теперь покупатели, прежде чем заплатить деньги за продукцию в кассу совхоза, заходили в кабинет к неофициальным хозяевам.

Видеть всё это было тошно, работать в таких условиях особого желания не было, о просвете впереди даже и не мечталось. А теперь ещё и перспектива закрытия половины предприятия.

Ольга Васильевна была по натуре человеком мягким, многое прощала, ко всему старалась относиться философски и принимать ситуацию такой, какой она складывается. Но тут взбунтовалось всё в её сознании, не могла она согласиться с тем, что жизнь коллектива, ставшего ей родным, рушится. Как-то она услышала высказывание одной учительницы о том, что нельзя позволять себе становиться хуже оттого, что хуже стала окружающая действительность. Надо бороться, противостоять. И вот теперь в Ольге проснулось это желание борьбы. К тому же, скептически относясь к мнению, что участием в акциях протеста можно изменить ситуацию в стране, она была убеждена, что каких-то изменений можно добиться здесь, на месте, в своём родном совхозе.

И Ольга Васильевна Круглова, тихая, спокойная женщина, грамотный специалист, но далеко не лидер по натуре, пошла к людям.

Она собрала рабочих того отделения, которое собирались закрыть в ближайшее время, рассказала им о неутешительных перспективах и предложила не опускать руки, а начать активно действовать. С её помощью были написаны письма в областное управление сельского хозяйства, в ревизионную комиссию с просьбой о проверке деятельности руководства совхоза, в первую очередь главного бухгалтера, Ольги Николаевны Соболевой. Упоминались факты с евроремонт кабинета главбуха, с покупкой ею нового автомобиля – притом, что финансовое состояние предприятия, прямо скажем, плачевное. Переговорили с работниками других подразделений. Под письмом подписались более ста двадцати человек (почти половина списочного состава работников совхоза). Рабочие посоветовали Ольге Васильевне не афишировать свою причастность. Странно, но при таком большом количестве посвящённых Круглова была уверена, что её организаторская роль останется тайной для тех, кто может отомстить ей за это.

И пошёл ведь процесс. Комиссия за комиссией проверяли деятельность предприятия за последние годы, бухгалтерские отчёты, состояние кассы. О результате проверок доложили на расширенном заседании специалистов и представителей рабочего коллектива. Был поставлен вопрос о снятии с должности... директора совхоза.

По факту недостачи передали в милицию материалы на кассира предприятия. Потом её осудили и посадили за решётку на несколько лет. А вот имя Соболевой так и не всплыло ни разу. Народ был возмущён. Но представители проверяющей организации сказали, что причин для увольнения главного бухгалтера ими не было найдено. Однако, когда в должность вступит новый директор, он вправе набрать себе новую команду специалистов.

Вскоре областное управление сельского хозяйства назначило исполняющим обязанности директора бывшего главного инженера совхоза Потапенко Виктора Петровича. А буквально через несколько дней после назначения, когда новый руководитель утром шёл из дома на работу, из подъехавшей машины выскочили двое молодчиков в масках и ударили Потапенко металлическим прутком по голове. Похоже, в их задачу входило только поугадать человека, потому что одним ударом они и ограничились, спешно покинув место на-

падения. Физически новый директор, к счастью, серьёзно не пострадал. Удалось ли напугать? Наверное. Однако через какое-то время Потапенко всё-таки уволил Соболеву с предприятия.

3. Десять лет спустя

– А теперь слово предоставляется хозяйке производства, главному агроному Кругловой Ольге Васильевне.

Участники выездного всероссийского семинара овощеводов защищённого грунта собрались в актовом зале государственного унитарного предприятия «Тепличное». После вступительной речи руководителя семеноводческой фирмы, организовавшей эту встречу, гостям предлагалось послушать информацию о хозяйстве, которое было выбрано в качестве примера как имеющее устойчивый рост и высокий уровень культуры производства.

– Уважаемые коллеги! Я рада приветствовать вас на территории нашего предприятия. Нам, как и большинству тепличных комбинатов, выпало пережить трудные годы упадка сельского хозяйства. Эти годы ещё не миновали, но благодаря известному постановлению правительства о поддержке тепличного производства, принятому в девяностые годы, а так же доверию и энтузиазму работников предприятия, мы смогли использовать свой шанс и вывести комбинат из той ямы, в которой мы оказались десять лет назад. И пусть сейчас по урожайности овощей мы ещё не достигли уровня лучших хозяйств России, однако мы уже уверенно чувствуем себя среди тех, чьи показатели выше средних по стране. Благодаря настойчивости нашего директора Потапенко Виктора Петровича наши теплицы оснащены новым оборудованием по регулированию микроклимата, внедряется более прогрессивный метод капельного полива растений. Агрономическая служба активно работает по применению биологических средств защиты растений, значительно снижающей, а часто и исключаящей применение ядохимикатов в период выращивания овощей. Продукция нашего комбината занесена в Реестр производителей и поставщиков экологически безопасной продукции. В прошлом году огурцы нашего «Тепличного» внесены в каталог «100 лучших товаров России». От всей души

желаю вам и вашим предприятиям процветания, высоких урожаев, финансового благополучия.

...Светит ли весеннее солнце, идут ли осенние дожди – в огромных стеклянных помещениях, укрывающих собой по гектару земли, окружённые человеческой заботой, растут огурцы и помидоры. Люди дают им тепло, кормят и поливают, лечат от болезней и защищают от вредителей, содержат в чистоте и порядке, не давая зарастить лишними боковыми побегами, удаляя отработавшие листья. А растения в ответ на эту заботу цветут и плодоносят. Иногда люди хорошо понимают, что надо их бессловесным партнёрам, иногда это не получается, и тогда вновь, забывая о субординации, спорит Ольга Васильевна с Виктором Петровичем. Иногда, особенно когда солнышко подолгу не освещает землю, людям приходится набираться терпения и ждать урожая, потому что всё от них зависящее уже сделано.

Выживший не столько благодаря, сколько вопреки происходящему в стране, коллектив продолжает работать. Что ждёт их впереди, как сложится дальнейшая судьба тепличного комбината, носящего имя своего первого директора – время покажет.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

19 мая 2010 года в областной библиотеке им. А. С. Пушкина прошла презентация новой книги Владимира Селивёрстова «Тамбовский губернатор Кошелев». Вела вечер Валентина Дорожкина.

* * *

27 мая 2010 года решением Тамбовской городской Думы Валентине Тихоновне Дорожкиной присвоено звание Почётный гражданин города Тамбова. Поздравляем!

* * *

Июнь 2010 года. Тамбовское отделение Союза писателей России на конкурсной основе выиграло в рамках социального заказа области 2010 года два лота общей стоимостью без малого миллион рублей. Это позволит писателям издать для библиотек области ряд замечательных книг местных прозаиков и поэтов, продолжить издание «Тамбовского альманаха», провести фестивали и литературные праздники, посвящённые 210-летию со дня рождения великого земляка Е. А. Баратынского и 50-летию Тамбовской писательской организации.

* * *

9 июня 2010 года правление Тамбовского отделения Союза писателей России выступило с инициативой установить на тамбовской земле памятник Е. А. Баратынскому.

* * *

25 июня 2010 года в литературном клубе «Свеча» Тамбовской писательской организации, действующем при Центральной городской библиотеке им. Крупской, состоялось чествование бессменного президента клуба, известного поэта Евстахия Ярославовича Начаса в честь его 70-летия. Юбиляра тепло поздравили председатель правления Тамбовского отделения СПР Николай Наседкин, другие сотоварищи-писатели – Валентина Дорожкина, Василий Кравченко, Марина Гусева, Елена Луканкина; заместитель начальника управления культуры и архивного дела области Валентина Ивлиева, быв-

шие коллеги Е. Начаса по работе в газете «Наедине», работники библиотеки.

Своеобразное продолжение юбилейного вечера состоится осенью, когда из печати выйдет новый сборник Евстахия Начаса в серии «Поэтический Тамбов» (подарок поэту-юбиляру от писательской организации и управления культуры) и состоится его презентация.

* * *

30 июня 2010 года после тяжёлой болезни на 73-м году ушёл из жизни прозаик, бывший руководитель Тамбовской писательской организации Александр Михайлович Акулинин. Гражданская панихида прошла в Доме печати, где уже многие годы находится штаб писателей.

* * *

11-12 сентября на Тамбовщине прошли торжества, посвящённые 210-летию со дня рождения Е. А. Баратынского. Основное действо развернулось в Умётском районе – на малой родине Евгения Абрамовича. В юбилейном литературном празднике приняли участие поэты из Тамбова и Москвы.

НОВЫЕ КНИГИ

Баратынский Е. Избранное // Серия «Лит. родники Тамб. края». Вып. 7 / Ред.-сост. В. Дорожкина. Тамбов: Изд-во типографии «Пролетарский светоч», 2010. 360 с. 1000 экз.

Гафарова Ф. Строки звучанье. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2010. 168 с. 300 экз.

Кудрин В. И время вспоминать. Рассказы. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2010. 260 с. 500 экз.

Косневич А. Время желаний. Рассказы. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2010. 256 с. 500 экз.

Макаров Ал. Вечная жатва / Серия «Поэтический Тамбов». Вып. 5. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2010. 184 с. 500 экз.

Набережнев Д. Ковыли. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2010. 148 с. 120 экз.

Начас Е. Снегопад / Серия «Поэтический Тамбов». Вып. 6. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2010. 180 с. 500 экз.

Цурикова Н. Выбор. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2010. 96 с. 300 экз.

Черников А. Платоновка. Очерки из истории села. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2010. 116 с. 300 экз.

Черников А. Дмитриевщина. Очерки из истории села. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2010. 116 с. 300 экз.

Черняк С. Я вновь пишу тебе стихи... Тамбов: Изд-во Литфонда, 2010. 188 с. 500 экз.

Литературно-художественное издание

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 10 (ноябрь 2010)

Компьютерная вёрстка и дизайн – **Н. Наседкин**
Корректор **А. Кириллов**

Подписано в печать 10.09.2010 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 16,0.

Тираж 600 экз. Заказ №

Издательство Тамбовского отделения ОООП «Литфонд России»
392602, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14.
Тел. 53-50-77; 72-70-32
<http://www.niknas.by.ru/1tambovsp>
E-mail: tambocsp@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в открытом акционерном обществе
«Тамбовская типография “Пролетарский светоч”»
392600, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а.